

84(2Pc-Py)6
K 128

Александр Игумнов

КОНТИНГЕНТ

Александр Изумнов

КОНТИНГЕНТ

избранное

Окружной
Библиотеке и
добрую часть и статей
будущего Вет и книги
наборки вы можете
Субъект
Искр. М
12.2002г.

ИФ «Слово»
Тюмень
2002

К ББК 84 (2Рос=Рус) 63.3(2) 633
И 28

И 28 Игумнов А.П.
Контингент: избранное. – Тюмень:
Издательская фирма «Слово», 2002.- 208 с.

ISBN 5-93030-049-6

В настоящее издание вошли избранные произведения
бывшего военного летчика, участника боевых действий
в Афганистане, члена Союза писателей России,
Александра Игумнова.

Книга издана на средства Фонда поддержки и развития
предпринимательства Тюменской области.

Хант а а
гос, з.
окруж. МАО

ISBN 5-93030-049-6

© Издательская фирма «Слово», 2002

Ханты-Ман
госуда
окружная
КА
КО

«Война рождает героев и трусов, святых и подонков. Она не может позволить нормальному человеку остаться нормальным...» – слова, сказанные солдатом.

Не все познали страшную десятилетнюю войну в Афганистане. Но она была. Болью и горечью отзывается эта война во многих сердцах и, особенно, в сердцах тех, чьи родные, близкие и любимые люди так и не вернулись домой. Тысячи покалеченных судеб тех, кто не смог дождаться своих мужей, сыновей, отцов и братьев, тысячи израненных душ тех, кто остался в живых, но прошел через все ужасы войны, потеряв самых верных боевых друзей – все это эхо Афгана. Большинство из нас может лишь догадываться, как невероятно трудно, пережив личную катастрофу войны, продолжать надеяться, верить и просто жить.

Сегодня прошло уже 12 лет после вывода советских войск из Афганистана. Говорят, время лечит раны, но наша память не дает забыть ничего. Она стоит на страже той, казалось бы уже такой далекой, действительности. Отражением страшных событий афганской войны стала эта книга, изданная при поддержке Фонда предпринимательства. Практически все произведения основаны на реальных фактах, и многие солдаты и офицеры той войны, прочитав эту книгу долго не смогут уснуть: забытые кошмары Афгана будут возвращаться в ночи и бередить душу и сердце...

Павел Митрофанов,

первый заместитель губернатора Тюменской области,
председатель Попечительского совета Фонда поддержки
и развития предпринимательства Тюменской области.

ПЕРЕХВАТ

ПОВЕСТЬ

После долгой и морозной зимы я с женой и дочуркой наконец-то вырвался из ледяного плена Севера. «Дикарями» мы рванули на черноморское побережье Грузии. Мои галлюцинации начались на экскурсии. Автобус, натруженно урча, тяжело поднимался в горы. Проехали крутой, опасный поворот дороги над пропастью. Меня словно током стукнуло: где-то такое я уже видел. Потом был водопад «Девичьи слезы», слабая рябь водной поверхности Голубого озера и сверкающие в солнечных лучах волны озера Рица.

Вокруг восхищались красочным закатом солнца. Дочка, капризно поджав губки, настойчиво требовала прокатить на лодке, жена теребила за локоть, показывая какие-то безделушки, а меня не покидало чувство недовольства собой.

Я ждал пробуждения, знал, что где-то рядом та изюминка, которая взворошит и растревожит мой быт и мою память. И совсем не удивился, когда, выходя из ресторана, случайно взглянув сверху вниз, замер от неожиданности. Мне не хватало только высоты над озером! Каких-то двух десятков метров. Это же Суруби! Чистейшая вода, окаймленная зеленью лесов и далеко уходящих горных троп. На противоположном берегу притулились несколько разрушенных зданий, так похожих на серые постройки брошенных дувалов.

Обратную дорогу я был под гипнозом нахлынувших воспоминаний, вернувших меня в полузабытый Афганистан. Я искренне сожалел, что мне уже никогда не придется пройти пешком нелегкой, многокилометровой дорогой, соединяющей Кабул и Джелалабад, прикоснуться к граниту поседевших от вре-

мени вершин Гиндукуша, подышать тревожным воздухом ночных засад, побыть наедине со своей совестью под дулом вражеского автомата. Что бы ни говорили, но война с воздуха и на земле познается по-разному.

Я понимал, что невозможно охватить всего желаемого в этом мире. Что достаточно и того, что выпало увидеть и пережить. Но чувство сожаления о неизведанном хранится и по сей день.

Теперь я не напрягал свой мозг, менялся пейзаж, сменялись и воспоминания. Возвращаясь обратно и проезжая Голубое озеро, я вспомнил ныряющих в воду десантников, их веселое гоготание. С нами была Оля Данилова — медсестра и невеста лейтенанта Олега Кудрина.

Умытые и посвежевшие, мы сидели на деревянных мостках, бултыхая в воде ногами и разгоняя стайки серебристых рыб. Ольга расчесывала свои белокурые волосы и совсем по-матерински с грустинкой смотрела на нас.

— Ох, мужички, и помолодели вы, совсем мальчишки, — сказала она, влюбленно взглянув на Кудрина.

А через неделю Олега не стало, и мы даже не смогли проводить его в последний путь на Родину. Его гроб провожала Ольга... К нам она больше не вернулась...

Все последующие дни отдыха я ходил как не свой.

Узкие улочки Гантиади мне напоминали торговые улицы Джелалабада, по сторонам которых стояли маленькие магазины, где услужливые индусы гостеприимно раскладывали товары.

Толкучка многолюдного базара, кучи арбузов и дынь, сваленных прямо на землю, воскрешали картину просыпающегося по утрам Гардеза.

Снующие в поисках пассажиров таксисты походили на веселых шоферов Кабула.

А шумевший по ночам морской прибой и сильный предгрозово́й ветер уносили меня в тревожную даль моей юности, покрытую многометровой пылью коварного «афганца».

Сам еще не зная для чего, я доставал блокнот и записывал все, что вспоминал.

Мы вернулись обратно на Север, а блокнотик все заполнялся. Лица ребят, живых и погибших, стояли перед глазами, и всколыхнувшаяся память наводила на мысль написать о тех

незабываемых днях. Или мы не вправе сказать правду об афганской войне! Или мы не прошли дорогою наших предков? Пусть иначе, но мы приняли бой, выдержали и вернулись живыми!

Я ставлю восклицательный знак. Озаряет, как вспышка молнии, мое сознание последняя фраза. Вот она—точка отсчета. Надо писать! Пусть мой голос будет тысяча первым о войне и, может быть, последним.

Я закрываю исписанный до корочки блокнот, кладу ручку на стол и устало закрываю глаза.

Мысленно протягиваю правую руку и чувствую на ладони горячую ручку. Ноги ложатся на педали, а левая рука сжимает рычаг шаг-газа. Кошу взгляд влево и вижу напряженное лицо капитана Садкова, нахмуренные глаза старшего лейтенанта Литвиненко. А прямо на взлетной полосе застыла шеренга ребят в зеленых пятнистых маскхалатах. Крайний — сержант Садыков, рядом — неунывающий грузин Самошвили, радист Ларин, Дектярев, рядовой Неделин... Спиной ко мне их командир — лейтенант Кудрин и рядом — Ольга Данилова...

Таковыми они были тогда перед вылетом, таковыми и сохранились в моей памяти — живыми и молодыми.

Глава 1

— Раз-два, раз-два, раз-два... Кру-гом! Самошвили, как ногу ставишь? Заводи, заводи! Кому говорят, оболтус...

Взвод десантников на плацу отработывал строевой шаг. Подтянутый молодой лейтенант, забыв о своем высоком звании, рысцой бегал вокруг строя, отчаянно крича:

— Кацо! Сколько раз повторять тебе? Под команду «Раз» ставишь левую ногу на полную ступню, а правую заносишь за левую под команду «Два». Пятку правой ставишь на уровне носка левой. Прижимаешь руки... Вот так. Резко поворачиваешься на носке левой и на носке правой. И по команде «Три» делаешь шаг левой ногой. Но прямо же, а не внутрь строя! Понял? Еще повторить?

— Понял, командир. Левая ступается, правая заносится, левая носок поворачивается, правая подворачивается. Потом «Три»! Шагай левая!

— Правильно, Кацо. Давай повторим.

Лейтенант смахнул платком пот со лба, поправил широкополую панаму, мельком заметив обреченные, тоскующие глаза Самошвили.

— Взвод, становись! Кацо, не лови ворон, смотри орлом! Равняйся! Дектярев! Видеть грудь четвертого человека, а не десятого. Смирна! На месте шагом... Марш! Выше колени! Ларин, ты не на танцплощадке вальсируешь! Отмашка рук. Вот так, веселей. Прямо! Равнение! Равнение! Молодцы! Хорошо идете. Кру-гом... Марш! Раз-два-три! Стой!

— Самошвили, — простонал он, — елки-моталки, ты в гроб меня вгонишь, строевик несчастный... В наряд тебя куда-нибудь, что ли, пристроить, а?

— Хорошо бы, командир, на кухню. Люблю кастрюля чистить, — оживленно подхватил просветлевший грузин.

— На кухню захотел? Обжора ты кутаисская! А туалет женский чистить не хочешь? Горе мое луковое! Пять минут перекур. Садыков, ко мне!

К лейтенанту подбежал худощавый татарин и хмыкнул, еле сдерживая смех. Лейтенант подозрительно посмотрел на своего первого помощника, хотел сорвать на нем злое настроение, но передумал. Не хватало еще с ним полаяться. Все же с обидой подумал: «Ишь, весело дьяволу. Будто этот смотр мне нужен одному».

— Чему радуешься, Рустам? Плакать надо, а не смеяться. Опозоримся с Кацо на всю бригаду. Всем хорош грузин, но строевик из него... Как из меня балерина...

Садыков хитровато посмотрел на командира и подумал: «Пусть поплачется немного. Совесть свою успокоит». Так было всегда перед смотром. Лейтенант выбивал душу из Самошвили, а Кацо испытывал лейтенантские нервы. И в конце концов, к обоюдному удовольствию, Кацо очутится на кухне, а лейтенант получит призовое место.

Садыков ковырнул носком сапога песок и, сделав серьезную мину, сказал, как отрезал:

— Прятать надо... Не впервой, командир.

Но, видно, не с той ноги встал сегодня лейтенант или что-то не поделил с невестой вчерашним вечером. Только вдруг не на шутку взъерепенился:

— Сколько можно прятать! Как смотр — все до ниточки выкладываются, а Кацо на кухне с ложкой надрывается! Нет, хватит! Распустил я вас! В этот раз он в первом ряду маршировать будет. А ты, сержант, на пару с дружкой двое суток здесь топать будешь. Это я говорю тебе лейтенант Кудрин.

Он зло затыкнулся и швырнул окурок на землю. Вдавил его каблуком и сердито добавил:

— «Прятать надо!» Я вам спрячу...

Садыков, переминаясь с ноги на ногу, согласно кивал, бросая огненные взгляды на примостившегося на снарядном ящике грузина, наученного прошлым опытом и спокойно ждавшего решения в свою пользу.

— Что мотаешь котелком? Строй взвод. Как говорится, труд облагораживает человека, — поторопил Садыкова нахмурившийся лейтенант.

— Ну, Кацо! Погоди у меня, дружок ты мой ненаглядный, — бросил на ходу сержант оторопевшему грузину. Но буря не разразилась, гроза прошла стороной.

— Лейтенанта Кудрина срочно к комбату! Приказали явиться немедленно. Занятия отставить, всем отдыхать, — раздался голос посыльного.

Кудрин насмешливо посмотрел на него:

— Матвеев? Насчет вызова я понял. А насчет отдыха... Сам придумал или Садыков подсказал?

— Никому я не подсказывал, — возмутился сержант. — Мир сошелся на Садыкове. Кацо плохо ходит — я виноват, Ларин на занятиях заснул — опять Садыков не усмотрел, Неделин письма матери редко пишет — снова я не проконтролировал. Да я этого фельдшера с подъема не видел!

— Не ворчи, сержант. На то ты и младший командир, чтоб за все отвечать. С меня тоже есть кому спрашивать.

— Прав тот, у кого больше прав, командир. Я бы по другому сделал.

— Погоди, Садыков, потом доскажешь. Так что еще, Матвеев, подполковник сказал?

— Комбат так и сказал: лейтенанта ко мне, а взводу немедленно спать.

— Спать, да еще немедленно! Ладно, Матвеев, доберусь я до тебя. Тоже в санчасти окопался. Хороши, ничего не скажешь. Садыков! Веди людей на отдых, а там посмотрим...

— Раз-два-три, — он четко повернулся кругом. — На ковер шагом... Марш! Кацо! Что ковыряешь в зубах? Учись, пока я жив!

— Ну все, — облегченно вздохнул Самошвили, заискивающе взглянув на сержанта. — Пошли, Рустам, отдыхать. Банка сгущенки ставлю благодарность. Сейчас съедим?

— Не подлизывайся со своей сгущенкой. Верно командир сказал — «обжора ты кутаисская». Не меня, медицину благодари и своего грузинского бога за отсрочку. Вернется лейтенант — задница слипнется от сгущенки. Заело его не на шутку. А уж если он сказал, пиши пропало — слово сдержит, сами знаете.

— Ха-ха, будь спок, Рустамчик. Если срочно, да еще уса-тый вызвал... Смотра наша не будет. Это я тебе говорю — рядовой Самошвили!

— А ведь правда, ребята, что-то затевается. Утром комбат к летунам ездил и афганцев вызвали. Не придется нам сегодня поспать — чует мое сердце-вещун, — проронил, обращаясь ко всем, низкорослый Матвеев.

— Ну ладно. По мне лучше ночь не спать, чем строем шагать. Тебе, медицина, сердце насчет допайка ничего не вещует?

— Поживем — увидим, может, и дадут.

— Сказал слепой, обращаясь к другу. Тоже мне, фельдшер, в верхах крутишься, а меньше Самошвили знаешь. Кацо, как насчет пайка?

— Будет, будет, Рустам. Верь моему слову. Пошли, сгущенка есть.

— Тут ты, Кацо, дока. Верные прогнозы выдаешь. Пошли, что ли, уничтожать твои запасы. Придет лейтенант, сам все объяснит. Стройся, ребята.

Лейтенант Кудрин неторопливо подошел к небольшому модулю, где находился штаб батальона. Взвинченное, возбужденное настроение исчезло, сменилось нетерпеливым ожиданием предстоящего дела. Еще утром он заметил суету штабных работников — проскочил «уазик» в сторону аэродрома, прибыл начальник разведки майор Быстров со своими подопечными Ахметом и Хасаном — работниками «хада». Солдатский телефон сработал безотказно: что-то затевается. И теперь он радовался, что не придется драть горло на плацу, выбивая дурь из

Самошвили, не тянуться по стойке «смирно» перед кабульскими щеголями, одетыми с игопочки. Что встряхнется от унылой караульной службы, приевшейся по самое горло.

В свои неполные двадцать три лейтенант Кудрин считался опытным командиром и ценился командованием. Полтора года службы здесь и успешное участие его взвода в десятке операций говорили сами за себя.

Кудрин украдкой взглянул на соседний модуль, надеясь краем глаза увидеть свою Олечку. Тут же пожалел, что не попадет на смотр, а значит, и позже получит заслуженный орден за прошлую операцию. А было бы неплохо заявиться к ней с медалью «За отвагу» и красной звездочкой на груди. Знай, мол, наших. Вот бы удивилась канареечка. Стоп! Вчера вечером пропесочила за канареечку. И что ей не нравится эта птичка, ведь не вороной назвал же? Сегодня лебедушкой белокуренькой, пушистым одуванчиком назову, может быть, смилостивится, поцелует? Он потоптался на крылечке, еще раз бросил взгляд на открытые окна санчасти и заулыбался во весь рот. Она как будто ждала его и приветливо помахала рукой. Лейтенант весь расцвел, молодецки сдвинул панаму набекрень и шагнул в двери штаба батальона.

— Товарищ подполковник, лейтенант Кудрин по вашему приказанию прибыл, — доложил он моложавому усатому офицеру.

— Все казакуешь, лейтенант?

— Не понял вас?

— Говорю, в казаки-разбойники играешь. Чего напоказ чуб выставил?

— Виноват, исправлюсь, не заметил.

— Ты не заметил, а вот начальник разведки еще через окно увидел. Как в штаб идти, обязательно на затылок панаму сдвигаешь. Травишь меня, что ли?

— У майора Быстрова должность такая — все замечать, товарищ подполковник. А вас травить — упаси Бог.

— Я так же думаю. Вероятно, лекарственный запах на тебя так влияет, лейтенант? Как магнитом тянет к санчасти. Уж не алкоголик ли ты?

— Командир!? Сказал, исправлюсь, и точка,

— Ну... Раз лейтенант Кудрин сказал, то поверим. Как, товарищи? Поверим?

— Влюбленного, как и горбатого, только могила исправит, — подлил масла в огонь начштаба.

Но, видимо, командир исчерпал свой запас острословия и решил перейти к делу.

— Борис Сергеич, повесьте карту на стену, — обратился он к начальнику разведки и, подождав, пока все успокоились, подошел к карте. — Итак, лейтенант, ставлю вам боевую задачу... По данным нашей разведки, в ближайшие две ночи на Панджшер через Суруби должен прорываться крупный караван с оружием. Его конечная цель — ставка Надир-хана. Знаком с ним?

— Личного знакомства не заводил, а заочно кто его не знает. Гад, одним словом.

— Так вот, эту ядовитую змею, чтобы сильнее кусала, снова подкармливают. После окончания срока перемирия его банды активизировались, а сам Надир-хан отказался заключить дальнейший мир и перерезал автомобильную дорогу северовосточнее Чарикара. Правительственные войска загнали душманов в горы, и где-то в этом районе его ставка. Жарко сейчас там, — продолжил подполковник. — Афганцы обратились за помощью к нам. Мы произвели несколько вертолетных десантов и блокировали их здесь, — он указал на красную зигзагообразную линию, охватившую горные склоны южнее и восточнее кишлаков. — Если мы сумеем перехватить караван с оружием, то «духам» крышка. Я вам подробно объясняю ход операции не для того, чтобы вы прониклись ответственностью за порученное задание... Капитан Малышев, ваш командир роты, остановил свой выбор на тебе и твоём взводе. Командование бригады не возражает, думаю, и вы не будете против... Не так ли, лейтенант?

— Так точно. Поставленную задачу выполним! Мои ребята не подведут.

— Хорошо. Майор Быстров, подойдите к карте. Вам слово.

Седеющий майор соединил прямой линией две точки, обозначив их синим фломастером, а посередине поставил жирный красный крест.

— Квадрат 43. Приблизительное место прорыва — вот это ущелье. Крестиком я обозначил возможный перевалочный пункт. Мы захватили одного из адъютантов Надир-хана и с ним секретную депешу. Он молит о помощи. Вот эта линия — самый близкий путь от границы. Зная, что основные части Кабула и Джелалабада участвуют в операции, караван пойдет именно здесь. Уверен в этом. Но всякое может случиться, поэтому перехватить и уничтожить караван необходимо в начале следования, иначе «духи» затеряются в «зеленке». Вам, лейтенант, предстоит с помощью летчиков произвести скрытную высадку именно в этом ущелье. Притаиться, закопаться в землю, превратиться в камни, но выждать! Не рассекретить себя. Дождаться каравана, разгромить его. Дело чрезвычайно важное, лейтенант, и, сами понимаете, опасное.

Кудрин взволнованно привстал со стула. Гордостью переполнилось сердце.

— Так вот, лейтенант,—после минутного молчания как-то буднично проговорил майор,—большую группу мы послать не можем — сразу засекут. Пройдут в другом месте и разобьются на мелкие группы. Охрана каравана такого масштаба состоит из 100—150 человек, что в несколько раз превышает количество ваших людей. Вяжитесь в затяжной перестрелочный бой и главное — отсекайте их от границы. Через час-полтора мы десантируем весь батальон и захлопнем ловушку. У меня все. — Майор свернул карту и протянул ее Кудрину. — Возьми, она полностью подготовлена.

Командир батальона отмерял шагами длину комнаты, поскрипывая новыми хромовыми сапогами. По привычке разгладил свои пышные усы тонкими, красивыми пальцами и, обращаясь только к Кудрину, произнес:

— Олег, если придется туго... Ты только не обижайся, все может быть... Объясни своим ребятам, что в когти к ним лучше не попадаться. На днях двоих наших в плен захватили. Ты знаешь, что они сделали? Нет, не убили. Пальцем не тронули. Перевязали и подлечили. И чисто хирургически ампутировали кисти рук, обработали культы, аккуратненько забинтовали и сказали: «Иди к своей маме, пусть она знает, что ждет ее второго сына. Только мы ему не руки, а ногиотрежем. Всем русским скажи. Со всеми так будет».

— Хорошо, командир. Я расскажу ребятам. Они правильно вас поймут.

— Вопросы, лейтенант, или просьбы какие есть?

— Время вылета и просьба одна.

— Вылет в 20.00, с летчиками согласовано. Какая просьба?

— Мы хорошо сработались с парой капитана Садкова. Если она свободна, прошу выделить именно ее.

Подполковник долгим, внимательным взглядом посмотрел на Кудрина. Вспомнил себя таким же, на первый взгляд, сорвиголовой, который тем не менее успешно справился с операцией по захвату замка Амина. Захотелось обнять этого смуглолицего, симпатичного парня, которого уже захватила и закурила военная машина, загребая в свои жернова его судьбу и саму жизнь. Но он не был сентиментален. Он только протянул руку Кудрину и, встряхнув ее крепким рукопожатием, ответил:

— Хорошо. Я созвонюсь с подполковником Мордуховичем. Думаю, он не откажет. Вы свободны, лейтенант. Успеха вам! Начальник штаба! Готовьте письменный приказ.

Девятнадцать тридцать. Термометр показывал 40°C в тени, а на припеке зашкаливал за отметку 70°C. Прикосновение к обшивке вертолета обжигало руки. В кабине духота, как в сухой парилке. Но приказ командира в двадцать ноль-ноль поднять колеса в воздух, отбрасывал на задний план бытовые неприятности.

Капитан Садков осмотрел вертолет. Бортовой техник старший лейтенант Литвиненко, поставив стремянку на боковой блистер, протер влажной тряпкой переднее стекло, заляпанное кровяными пятнами мух и комаров.

— Чистые, командир! Как девичьи слезы, — весело крикнул он, еле уместаясь на прогибающейся под его весом лестнице.

Увидев командира, штурман Александр Ивлев кратко доложил:

— Блоки заряжены полностью, заправка полторы тонны, пулеметы в порядке, — и, не удержавшись от душившего смеха, добавил, — Юра только немного поджарился. Жир с него так и капает, хоть сковородку подставляй.

Добродушный Литвиненко лениво ответил:

— Шурик! Опять костями звенишь?

— Мишка косолапый, — шлепнул шлемофоном его по спине Ивлев.

Литвиненко прищурился и, почесывая бок, спустился на землю.

— Ну я тебе покажу, как старших обижать, — прорычал он и бросился за удирающим Ивлевым.

Группа десантников расположилась в тени ветвистых зеленых эвкалиптов, посаженных на краю аэродрома. Здесь проходила линия охраны и обороны, были оборудованы огневые точки с постоянно дежурившими нарядами. Малейший подозрительный шорох взрывал ночную тишину огненной очередью, в которую вливался запоздалый гром всей линии обороны.

В зеленых пятнистых маскхалатах, из кармашков которых торчали рожки запасных магазинов, а на поясных ремнях висели серые гранаты, десантники выглядели более суровыми и жесткими, чем обычно. Грузин Самошвили, коверкая русский язык, травил анекдоты, лихорадочно дрыгал ногами, хватаясь за живот. Два афганца с интересом наблюдали за ним, и один другому со смехом переводил. Никто не перебивал грузина. Лежали на примятой траве, потягивая дешевые сигареты, перекидываясь короткими фразами.

— Эх, рвануть бы сейчас на «Метеоре» по Волге-матушке до самого Каспия!

— А я бы мороженого поел. Я за спор в «Пингвине» по кило за один присест отоваривал...

— Ну и как? Горло не болело?

— Нет. Чихота нападала да нос закладывало.

— Сегодня суббота по календарю?

— А нам-то какая разница?

— Дома я бы на дискотеку пошел. Диск-жокеем хотел заделаться, да в армию призвали...

— И правильно сделали... Человеком станешь.

— А там я бы кем был?

— Козлом прыгающим.

— Скажешь ты, козлом прыгающим. Планы у меня были стоящие.

— А у нас всегда планы хоть куда, а на деле одна ерунда.

— Ну! Стихами заговорил. Сбренчи, Рустам, на дорожку что-нибудь стоящее.

— Это можно. Подпевай только.

Садыков вынул из чехла семиструнку, подкрутил барашки и, всей пятерней ударив по струнам, хрипловатым голосом под Высоцкого запел:

*На братских могилах не ставят крестов,
И вдовы на них не рыдают,
К ним кто-то приносит букеты цветов,
И Вечный огонь зажигает...*

— Здесь раньше вставала земля на дыбы, — подхватили Дектярев и Мишка Ларин.

Садков замер. Столь ясно прорезались в сознании шумные московские улицы восьмидесятого года. Он случайно был в отпуске, случайно угодил на московскую Олимпиаду и совершенно случайно проходил 25 июля по той улице...

Кто-то снимал чьи-то похороны. Потом он узнал — датчане. Из дома вынесли гроб, и Владимир услышал чей-то шепот: «Всех кинооператоров послали на Олимпиаду, а Высоцкого за граница снимает. Наши потом золотом заплатят за эти кадры. Ох уж эта простота — Россия!»

Он протиснулся через толпу, увидел знакомые из кинореклам сумрачные лица знаменитых артистов, слезы на глазах Михаила Ножкина. В осыпанном цветами гробу лежал действительно Владимир Высоцкий...

Ребята допели песню. Садыков последний раз провел ладонью по струнам, прозвучал последний аккорд...

Владимир встряхнулся и подошел к группе десантников, окруживших Самошвили. Прислушался к разговору, посмеиваясь, спросил:

— Кацо! Рассказываешь, как в прошлый раз невытым виномградом объелся? Надеюсь, сегодня не перебрал? Смотри, в воздухе нужничка не найдется. И стульчик не поможет.

— А ведерко? Ведерко-то все равно есть!

— Даст тебе Литвиненко ведерко! Вылетишь в космос вместе со стульчиком!

Грохнул взрыв смеха знавших историю о стульчике десантников. Афганец оживленно переводил последнюю фразу ухмыляющемуся товарищу. Больше всех смеялся Самошвили. История со стульчиком была такова. Любивший поесть Кацо частенько страдал животом. Приходилось бедняге высидивать

по два часа кряду в учреждении, именуемом на букву «М». Сообразительный грузин смастерил удобный стульчик, на котором часами высиживал в туалете. В первую свою операцию он прихватил и стульчик, верно рассчитав, что ему он непременно пригодится. Разгневанный Литвиненко чуть было не выкинул в открытую дверь самого Самошвили вместе со стульчиком — так был возмущен независимой позой сидящего на своем стульчике грузина, но на его, Литвиненко, ведре! Теперь Кацо заранее высиживал положенное время в туалете, готовясь к предстоящим вылетам. Новый стульчик оставлял на базе, конфликтовать с Юрием он не хотел. Садков поздоровался с одним из афганцев.

— Опять вместе, Ахмет? А это новенький?

— Хасан... Работает со мной. Стоящий парень. Да ты же его знаешь! Помнишь операцию на Айлихеле? Он тогда пулемет подорвал.

— Да... Такое не забывается... — Владимир протянул руку и второму, признав парня по зарубцованным меткам на лице, повернулся к Ахмету:

— Как дела, как жизнь, что новенького?

— Как ты, Володя, говоришь? А? Как в Польше, тот и пан!

— Нахватался ты, Ахмет, поговорок... Середину-то пропустил! Надо говорить: «у кого больше, тот и пан». Подскажи, где лейтенант Кудрин обретается?

— На соседнем вертолете со своей ханум прощается.

На подкосе вертолета, подальше от людских глаз, присела Оля Данилова, а на заднем колесе примостился лейтенант Кудрин. Девушка исподлобья взглянула на него, попыталась улыбнуться, задобрить его. Но Кудрин отвел глаза в сторону, отрицательно мотнул головой.

— Олечка! Что тебе стоит взять меня с собой? — с мольбой заговорила она. — Я ведь не какая-нибудь мамина дочка... И стрелять меня Садыков научил...

— Нет, Оленька, нельзя... В сотый раз тебе говорю... Не женское дело по горам лазить.

— Тоже мне, знаток! Да вы без нас и войну бы не выиграли. Задаешься ты, милый. Не возьмешь — пожалеешь!

— Тогда другое время было и война другая — отечественная.

— А здесь интернациональная, — протянула жалобно она.

— Вот я и говорю. Сиди в санчасти и не рыпайся.
— Грубиян ты, Олежка. Не буду с тобой разговаривать.
— Будешь... Не каждый день на операцию провожаешь.
— Кудрявенький ты мой, возьми меня с собой и там, в горах далеких, назовешь меня женой. Олежка, возьми! На руках буду носить!

— Что, и в ЗАГС понесешь?

— Понесу... Возьми...

— И на шею себе посадишь?

— Посажу...

— Не возьму!

— Ну почему?

— Нет возврата к матриархату, Оленька! Ты меня и в ЗАГС понесешь, и на шею посадишь, домохозяйкой сделаешь, а потом... рожать заставишь!

— Фу, лейтенант Кудрин! Я тебе припомню твое зубоскальство! Не возьмешь — замуж не пойду... За Кацо выйду... Он давно ко мне присматривается.

— В тебя все мои ребята чуточку влюблены, я не ревнивый... А за меня пойдешь! Еще как пойдешь, ласточка ты моя!

— Не подлизывайся, Олежка... Ну что тебе стоит?

— Нельзя, Ольга. Матвеев полетит. Мы быстро вернемся... Послушай лучше, как ребята поют! Самошвили, Садыков! Спойте что-нибудь веселое на прощание.

Лукаво взглянув на влюбленную парочку, сержант ударил по струнам, а Кацо, откинув автомат и скинув с головы панаму, закрутился в лихом горском танце:

Если б я был султан, я б имел трех жен!

И тройной красотой был бы окружен!

Но с другой стороны при таких делах...

Нужно мне их кормить... Ах спаси, Аллах!

Не очень плохо иметь три жены...

— Но очень плохо с другой стороны, — рявкнули в десяток глоток десантники, окружившие исполнителей.

Ольга рассмеялась, ласково взглянула на Кудрина, но вспомнила о своем споре, тут же надула губки и обратилась за помощью к подошедшему Садкову:

— Товарищ капитан! Прикажете ему, чтобы он меня взял!

Не понявший сути разговора, Владимир неопределенно махнул головой и хмыкнул:

— Не имею такого права, Оля... Это дело добровольное.

— Я ему и говорю, что сама хочу. А он мне: не возьму да не возьму... Прикажете вы ему, товарищ капитан... Я же добровольно...

— Да куда взять-то приказать? Замуж, что ли? Странно, что он от такой девушки отказывается. Сейчас, Оля, я ему мозги пропесочу, — поняв, о чем речь, сквозь смех произнес Садков.

— Ну вас, мужиков! Вечно с этими... шуточками. Товарищ капитан! Прикажете взять на операцию. Что вам стоит?

— Здесь, Оленька, я пас. Вот если бы замуж... Серьезно, говоришь? А если серьезно, Ольга, мужское дело — воевать! Не спорь. Попрошайтесь по-доброму, и благослови нас на удачу. Олег, нам пора.

Кудрин кивнул и демонстративно протянул ей руку.

Она нехотя выдернула свою маленькую ладонь из его руки и прошептала:

— Я буду ждать...

Владимир резко повернулся к построившимся в две шеренги десанникам и буднично проговорил:

— Грузимся, ребята! Пятнадцать человек во главе с Садыковым на ведомый вертолет к Ваканову. Радист и фельдшер — на ведущий. Ахмет, ты летишь со мной...

Усман Алиханов расчесал седую белую бороду, выдернул пару серебристых волосков и, дунув на них, долго следил слезящимися глазами, как они падали. Волоски затерялись в ворсе персидского ковра. Он нагнулся, пытаясь их найти, и чуть не упал от прилива крови, ударившей в голову.

«Постарел, Усман, постарел. Как эти волоски, затерялись мои годы в вихре бесплодной борьбы, — посмотрел в осколок зеркала и недовольно поморщился. — Да, годы ушли, остался совсем один на белом свете. Был Усман-хан, теперь просто гражданин Алиханов, восьмидесятилетний старик. Без дома, родных и близких ... На склоне-то лет! О, Аллах, верни мне младшего брата, убийцу и изверга рода человеческого. Я бы сам его покарал, жаль, не успел — переселился хитрец раньше времени в мир иной. Верни мне среднего брата Талгата, ко-

того враги приказали предать жуткой смерти. Верни мне единственного сына Ахмета, который предал дело отца, переметнулся к горлопанам Бабрака Кармаля. Верни мне из всех моих жен одну только Лизу, ту веселую Амазонку, которая повстречалась мне в пору моей молодости. Прости меня, Всемогущий, если скажу правду, что любил ее больше тебя. Верни мне ее, и я буду счастлив!»

Он опустил вскинутые руки, хорошо понимая, что чуда не случится. «Скоро и меня призовет Магомет, может, и встречу на небесах с зарезанной Ибрагим-беком Лизой», — горько подумал он, тоскливо окидывая взглядом свое жилище. Вытащил баночку с жиром и смазал плешивую голову. Аккуратно обмотал ее белоснежной чалмой, надел дорогой, блестящий золотыми стежками халат. Опясал себя старомодным русским кушаком и, вытащив из обыкновенного рюкзака хромовые сапоги индивидуального пошива, бережно натянул их на ноги. «Вот и собрался я в дорогу, — устало усмехнулся он. — В последнюю...»

Три раза звонко хлопнул в ладоши. На пороге показался его бессменный адъютант, такой же старый и седой, Абдулла Кадар. С достоинством поклонился и застыл в ожидании.

— Абдулла, караван готов?

— Так точно, курбаши. Прикажете выступать?

— Подожди... Еще не стемнело. А впрочем... прикажи Тур Мухамеду двигаться строго по маршруту, указанному мною, вперед выслать разведку. Я их догоню... Ты, Абдулла, останься здесь.

— Но, мой господин!

— Мое слово — закон, Абдулла. Сотворим вечерний намаз и расстанемся. Чувствую, это будет последняя моя дорога.

— Не говорите так, господин. Не накликайте гнев Аллаха!

— Поэтому и останешься здесь, Абдулла. Если я умру, найдешь мой труп. Не перебивай! Найдешь мой труп, перевезешь останки и похоронишь на родной земле. Помнишь скалу, с которой мы мальчишками прыгали в пропасть? Там небольшое плато и два крюка, за которые мы привязывались. Взорвешь динамитом и положишь меня там. Я так хочу, Абдулла. Такова моя последняя воля... Держи все, что у меня есть, — он протянул слуге туго набитый старинной работы кошель. — Здесь золото, Абдулла.

После моей смерти раздашь бедным и сиротам. Это все, что удалось мне скопить. А сейчас оставь меня, я хочу побыть один.

Абдулла дрожащими руками взял кошель, сунул за пазуху и, поклонившись, вышел из шатра.

«Ты всю жизнь был рядом со мной, Абдулла, — подумал старик, ложась на пуховые подушки и закрывая глаза. — Теперь мы впервые расстаемся и, быть может, навсегда. Но так надо. Ты переживешь меня и похоронишь как следует. Больше некому. Теперь можно смело сказать самому себе — жизнь прошла, Усман, и ты остался совсем, совсем один». Он перевернулся на другой бок и снова ушел в воспоминания: «Умен был Амманулла-хан. Вот единственный из правителей, который заслуживает уважения. Не мой ли отец поддержал Амманулла-хана в далеком девятнадцатом году? Сарбары Аммануллы разгромили летучие отряды англичан, Афганистан стал свободным. Отец упустил тогда прекрасный момент, единственный, подаренный Магомедом — не поднял руки на Амманулла, не убил его. Не принял хан учения Кропоткина, стал создавать государство. Отец увел своих джигитов и через Ферганскую долину решил пробиться на Украину. На пути встали красные аскеры и загнали нас в горы Туркестана. Там и встретил я Лизу, бывшую княгиню, вдову убитого белого генерала. Спас ее от головорезов Ибрагим-бека и женился на ней. Это была единственная любимая моя жена. Были и потом жены, и даже родился сын, но такой, как Лиза, больше я не встретил. Злой дух преследовал нас, Ибрагим-бек напал ночью, и все наши джигиты полегли под саблями его всадников. Отец тоже погиб, а я, весь израненный, спасся вдвоем с Абдуллой. Потом я узнал, что Лиза не покорилась Ибрагим-беку, и этот мясник зарезал ее, как барана.

В двадцать девятом либерал и размазня Амманулла был свергнут Надир-ханом. Я поспешил на родину, где меня знали и уважали. Собрал отряд и предложил Надир-хану установить анархию на всей афганской земле. В ответ он ехидно предложил мне должность евнуха в своем гареме. Я схватился за кинжал, но, как собака, пинком был выброшен из дворца. Этот сын шакала прижал мою сотню к границе русских и в долине реки Амударья разбил меня. Опять меня спас Абдулла, и целых тридцать лет мы скитались по свету.

Мой час пробил, и я благодарил Аллаха, что он продлил мою жизнь. Я поддержал родственника Надир-шаха — принца Давуда, и в семьдесят третьем мы свергли короля, вынудили его отречься от престола и сослали в эмиграцию. Давуд жестоко обманул меня. Он сохранил старую феодальную систему с привилегиями для аристократов, хотя и провозгласил республику, став ее президентом.

Все так запуталось в грешном мире, я был в отчаянии. Один, без верных моих джигитов, я ворвался во дворец и потребовал объяснений. Давуд рассмеялся в ответ, сказав, что принимал наш договор за шутку и предложил мне, как и Надир-хан, должность главного евнуха в своем гареме. Я, как тридцать лет назад, схватился за кинжал. Но спрятанные за занавеской телохранители схватили меня и обезоружили, посадили на цепь в темницу королевской тюрьмы.

Я готов был перегрызть тяжелую цепь и три дня выл от бесилия и отчаяния. Аллах смилостивился, — я не наложил на себя руки и мне вернули моего Абдуллу. Он сам пришел и сдался на милость Давуда. Абдулле разрешили свободно передвигаться на территории тюрьмы, есть и спать сколько влезет, дали мягкую постель и перевели в мою камеру. День и ночь следили за ним и били палками, если он пытался мне помочь чем-либо. Давуд так и не понял, что спас меня от ужаса одиночества и голодной смерти. Абдулла часто ел и часть еды оставлял во рту и приносил мне. Так он спас меня третий раз.

Пять лет кормили меня помоями, тыкали как последнего смерда и ждали, пока я издохну. Но я выжил! Аллах и в этот раз не обошел меня милостью. Я приветствовал начало апрельской революции. Думал, исполнится моя мечта, и народ обретет свободу. Давуд был свергнут. Руководство страной взял на себя Тараки, который назвал мои идеи бреднями выжившего из ума старика. Как он оскорбил меня!

Неожиданно меня пригласил Амин. Лживая лисица, он сочувственно посетовал над моей судьбой и предложил заключить союз для борьбы с Тараки. Я мудро рассудил, что если грызутся собаки одной стаи, они непременно сообща загрызут чужака, а уж потом уничтожат друг друга. Я пообещал помощь, а сам скрылся из столицы к себе на родину.

В сентябре семьдесят девятого Амин убил Тараки и захватил власть. Он заявил, что народ сам выберет свой путь развития. Я несказанно обрадовался, думал, что Амин пришел к моему решению. Еще немного, думал я, и он примет великое учение Кропоткина.

Я загнал двух лошадей и... О, Аллах! Прибыл в приготовленную западню. Амин, будь он проклят, похлопал меня по плечу и, вызвав охрану, отправил меня в ту же камеру, где я сидел при Давуде!».

Старик застонал, как от зубной боли, встал с подушек, обхватил голову своими высохшими, с выступившими венами руками: «Кто бы знал, сколько слез негодования и ненависти я пролил в той тюрьме. Даже Абдуллы не было рядом. Я устал жить, я ждал смерти как избавления. Но Всевышний и на этот раз смилостивился надо мной! В борьбе за власть этот выродок пал, был схвачен, приговорен к смерти и казнен во славу Аллаха! Теперь я уже не верил никому. К руководству страной пришел Бабрак Кармаль. Боясь не удержаться у власти, он обратился за помощью к русским. Против русских я ничего не имел. Но их вмешательство в наши дела принял как сигнал к действию. Ждать следующего крупного переворота мне не позволяет возраст.

Мне нужен преемник моего дела, и я нашел его в лице Ахмат-хана. Может быть, он сможет закончить дело моей жизни, растоптанное моим неблагодарным сыном».

Вспомнив о сыне, старик заскрежетал зубами, рывком растегнул ворот рубахи: «Его тоже зовут Ахметом, может быть, поэтому я и поверил хану. Нет, жить без веры нельзя. Это мой последний шанс. Необходимо выручить хана. Я сам поведу этот караван и, если мне удастся добраться до Ахмат-хана, останусь у него. Найду своего сына, посмотрю ему в глаза и убью своей рукой. Пусть не дрогнет моя рука и покарает клятвоотступника и предателя.

О, Аллах! Благослови меня на последний в моей жизни путь!»

Глава 2

Вертолеты с десантниками вырулили на взлетно-посадочную полосу. Звено прикрытия капитана Голикова рассредоточилось клином метрах в двухстах, на траверсе командного пункта.

— Три тройки! Карту выполнил. Взлет парой, — нарушил эфир голос Садкова.

— Взлет разрешаю. Счастливого пути!

— Понял. Взлетаем.

Вертолеты оторвались от бетонки, зависли и перешли в разгон скорости. Под колесами замелькали проволочные ограждения, склады, фигурки людей. Невдалеке от военного городка пролегла оросительная система, вблизи которой раскинулись мандариновые и апельсиновые рощи. Справа виднелся город — зеленая жемчужина Афганистана. Город прорезала автомобильная дорога, соединяющая юго-восток со столицей страны. Она делала характерный крюк возле водохранилища в районе Черной горы. По ночам на Черной горе зажигались костры, хорошо видимые на десятки километров. Это обогрелись враги, с тоской смотревшие на город, залитый светом электричества. Душманов неоднократно выбивали оттуда, но они упорно возвращались обратно, создавали новые базы, укрепляли горные вершины и надеялись, что этот город падет к их ногам.

Пара Садкова на предельно малой высоте и максимальной скорости неслась над зеленой полоской долины. Вверху и сзади примостились похожие на щук остроносые двадцатьчетверки. Владимир поменял курс и неожиданно услышал в наушниках веселый голос капитана Голикова:

— Три тройки! Смотри прямо.

Вертолет Садкова был в развороте, и правая полусфера кабины закрывала обзор. Он вопросительно взглянул на Ивлева. Правачок незамедлительно ответил:

— Дим Димыч тренируется. По Черной горе стукнул.

— Ну, как мы их? Должно быть, прищучили с десятков? — вновь нарушил эфир Голиков.

Владимир не удержался и коротко заметил:

— Иди проверь...

— Я — Омар! Что у вас там за пальба? Кто и куда?

— 261-й доложит, — ехидно заметил Садков. После длительного замешательства раздался недовольный доклад Голикова:

— Обстрелял противника... На Черной горе, на всякий случай.

— 261-й, с вами все ясно. По прибытии доложите подробно.

— Будет Дим Димычу банька. Комполка ему «харакири» сделает, — оживленно заявил Ивлев.

— И поделом. Нечего в белый свет палить, — отозвался Литвиненко. — Снаряды тоже деньги народные стоят.

— Интересно, попал он или нет? Взрывы видел, людей нет.

— Наверяд ли, а ему попадет. Это точно, — откликнулся Садков. — Прекратите болтать. Смотреть в оба.

Лейтенант Кудрин, прислонив лицо к иллюминатору, наблюдал за изменяющимся ландшафтом местности. По склонам долины громоздились отвесные скалы, прорезанные тонкими жилками высохших речушек. Местами долина расширялась, и отвесные скалы сменялись пологими склонами, к которым притулились серые постройки разбросанных дувалов. Чем ближе к границе, тем унылее и сиротливее они выглядели. Олег знал, что большинство дувалов покинуты людьми. Брошены с трудом возделанные поля, угнан скот, и только дикие звери и пришельцы из-за границы скрывались в полуразвалившихся мертвых кишлаках. Олег почувствовал жуткое одиночество и страх перед могучей силой природы. «Как жалок и крошечен человек, как одинок в стремлении покорить неизведанное, завоевать Вселенную, — подумал он. — Люди жили здесь столетиями, убирали хлеб, растили детей, любили и умирали. Они не догадывались, что их потомки покинут могилы предков. Пришла беда и поставила крест на сложившемся за сотни лет укладе жизни. Нарушилась гармония человеческих отношений, разобщила и раскидала по свету трудолюбивых крестьян. Земля оскудела, покрылась пылью и копотью. Выкопанные колодцы засыпал песок, а могилы умерших сравнял с пустыней коварный «афганец». Только развалины дувалов напоминают о прошлой жизни людей. И над всем этим погибшим крошечным миром, как и сотни лет назад, возвышаются снежные вершины, бегут по весне полноводные горные реки, бро-

дят в поисках пищи дикие звери, светит яркое солнце и плывут по небу облака. Вечная Вселенная».

Кто-то толкнул его в плечо. Кудрин встрепенулся и вопросительно повернул голову.

— Вышли в заданный район, — прокричал ему в ухо борттехник. — Сейчас начнется кордебалет. Не паникуйте, этот танец Шурик разработал. Все будет в ажуре.

Сколько раз Кудрину с ребятами приходилось бывать в заданном районе? Во все направления Афганистана пролегли трассы винтокрылых машин. И все так просто и обыденно. Заданный район.

Вертушки резко свернули влево. Переведя переключатель на стрельбу из бортовых пулеметов, Владимир нажал на кнопку. Оба пулемета ударили короткими оглушительными очередями прямо по горизонту. Литвиненко передернул затвор носового пулемета, вправил патронную ленту и весело стукнул кулаком по стволу. Пулемет как будто этого и ждал, невнятно рыкнул и затараторил. Юрий приподнял ствол и веером полоснул длинную очередь по пикам горных вершин.

В кабине неприятно запахло пороховыми газами. Садков открыл боковой блистер и отчетливо услышал, как выстрелили пушки группы прикрытия. Впереди по курсу возникли фонтаны вздыбившейся земли и камня. Раздался ракетный залп ведомого вертолета капитана Ваканова. Неуправляемые ракеты унеслись с бешеной скоростью и врезались в скалы. Вертолеты загасили скорость и произвели ложную посадку. Взлетели, постреляли и снова сели. И так три раза в разных местах.

«Пусть «духи» разбираются, что мы тут вытворяли», — со злорадством подумал Ивлев, показывая Садкову на карте обходной маневр с выходом в квадрат 43 с севера.

Капитан довернул вертолет на 90°, развернул прямо в горловину ущелья. И вдруг услышал слабые хлопки выстрелов с земли. Он непроизвольно отшатнулся к бронеспинке сидения. Пуля прошила обшивку вертолета позади сидения и вышла в правый блистер, чудом не задев остолбеневшего от неожиданности Литвиненко. Он осторожно потрогал пальцами рваную пробоину и воскликнул:

— Бьют с крупнокалиберного, черти!

Еще одна пуля заставила вздрогнуть всех. Она снова вошла с левой стороны, ударила по приборной доске и, чудом не разбив приборы, рикошетом ушла под нижний обрез переднего стекла.

С невероятным скольжением, изменяя диапазон скоростей, выводил вертолет Садков из-под убийственного огня пулемета. Как привязанный, за ним следовал вертолет Ваканова. В эфире раздался тревожный голос Голикова:

— Три тройки! Что там у вас?

— Нас обстреляли. Сейчас найду гадов.... Как поняли, 261-й?

— Вас понял. Не зарывайтесь...

Ивлев настороженно взглянул вниз и отпрянул от блистера. Кучка людей в разношерстных халатах залегла за россыпью мелких камней. Казалось, они целились и стреляли в него одного. Александр быстро передернул предохранитель автомата и одним нажатием на спусковой крючок выпустил весь рожок. Тут же опомнился и во все горло заорал:

— Командир! Вижу! Они под нами.

— Спокойно. Не суетись. Разворот влево.

По прямой, как на учениях, издалека заходили вертолеты на залегших за камнями людей. Почти в упор Юрий Литвиненко выпустил всю ленту крупнокалиберных патронов. Его побелевшие пальцы продолжали давить на гашетку умолкшего пулемета. Сзади справа раздался мощный залп ведомого. Ракеты кучно легли на землю, перепахав каждый метр каменистого грунта. Вертолеты прошли над безжизненно разбросанными, исковерканными телами врагов. Зашли на повторный круг.

— Я — Три тройки! Захожу на посадку. 334-й! Прикрой меня. Десантуре приготовиться.

Вот и земля, покрытая черной копотью. Неожиданно почти из-под колес выскочил человек и, размахивая руками, бросился бежать прочь.

Литвиненко дал короткую предупредительную очередь, которая пересекла дорогу бежавшему. Он упал на колени, схватился за голову руками и замер на месте.

— Не стрелять! Возьмем живым, — скомандовал Садков.

Ахмет и Хасан, а за ними и Кудрин выскочили из вертолета и подбежали к вращающему обезумевшими глазами человеку.

Подхватили его под руки и волоком затащили в вертолет. Десантники осмотрели валяющиеся трупы и, прихватив оружие убитых, влезли в грузовую кабину.

— Девятерых накрыли. Живых и раненых нет. Пулемет вдребезги, — прокричал Кудрин в ухо Садкова.

— Хорошо! Взлетаем, идем к месту высадки.

Наконец-то земля покрылась вечерними сумерками. Солнце спряталось за вершины гор, и лишь звено поддержки Голикова виднелось на фоне потемневшего неба.

— Командир! Под нами район высадки. Ветер 340°. Можем десантировать.

— Хорошо. Десантникам приготовиться. Высадка с режима висения.

Олег Кудрин приподнялся с сидения, поправил висевшие на ремне гранаты, передернул затвор автомата. Десантники последовали примеру командира.

Ахмет склонился над Кудриным и прокричал:

— Что с пленным делать будем?

— Возьмем с собой. Допросим в спокойной обстановке.

Садков привычными координированными движениями гасил скорость. Стрелка указателя подошла к отметке 50 км/ч, когда раздался тревожный голос Дим Димыча:

— Три тройки! По курсу 1,5–2 км вправо наблюдаю лежащих выючных. Единиц шестьдесят–семьдесят. Что будем делать?

Считанные секунды Садков принимал решение. Он успел подумать, что высаживать ребят нельзя. Мирный или военный караван, все равно обратят внимание и разведгруппа будет рассекречена. И неизвестно, сможем ли мы помочь ребятам, если они вступят в бой. Скоро ночь.

— 261-й! Передайте Омару — иду на проверку каравана. Юра! Объясни Кудряшу ситуацию. Пусть готовит гвардейцев к высадке.

Вот она, горка, разворот и перед глазами — сбившиеся в группу животные. Верблюды и ослы, насторожив уши, прислушивались к шуму приближающихся вертолетов. На спины животных были навьючены длинные деревянные ящики и тюки. Людей не было видно. Это и насторожило Садкова. Он три раза нажал на кнопку СПУ, что означало: «Будьте готовы».

Юрий вновь припал к пулемету, а Ивлев высунул ствол автомата в прорезь двери. Обычно караванщики приветливо махали руками, вывешивали флаги, сходились группками и терпеливо ждали соблюдения необходимых формальностей проверки. Здесь все как-то странно.

— Проверить пулеметом, командир? — спросил Литвиненко.

— Не надо. Может, мирный. Хотя, какой хозяин бросит свое добро. Будем садиться, Юра.

Ночь быстро опускалась на землю. Еще немного и придется возвращаться. Он ждал и уже догадывался, что эта встреча не случайна. Что-то должно было случиться. Так и произошло.

Звонко бухнул выстрел английской винтовки, протарахтел автомат. В ночную тишину ворвалась разноголосица беспорядочной стрельбы. Из-под туш животных показалась вооруженная охрана. Владимир толкнул ручку управления вертолетом от себя и с левым креном отошел от каравана.

Звено прикрытия открыло стрельбу по периметру. Снаряды рванули вблизи каравана, но урона не нанесли. По неписаному закону, после предупредительных выстрелов караванщики должны поднять руки и выйти на открытое место. Но по группе прикрытия ударил тяжелый пулемет, застрекотали автоматы.

— Я — 263-й! Поднялись давление и температура двигателя. Вероятно, пробита маслосистема. Возвращаюсь на базу. Как поняли? Прием.

— Возвращайтесь. Всем внимание! По готовности открыть огонь.

Земля вздрогнула от десятков снарядов, вонзившихся в ее тело. 263-й выпустил весь боезапас и, бухнув на прощание кормовой пушкой, ушел на север.

Ракеты рвали все живое на своем пути. И людей, и животных разносила в клочья злая сила, вырвавшаяся на волю. Вверх полетели ящики, вьюки, тела животных и людей. Но еще строчил заколдованный пулемет, неслись в сторону вертолетов огненные автоматные трассы.

— 261-й! Подавите пулемет. Произвожу посадку.

Раздался залп пушек пары прикрытия. Вторым заходом Дим Димыч прочесал караван из пулеметов. Владимир успел заметить, как подкашивались ноги верблюдов и они в смертельном страхе неуклюже падали на землю. Ослы пытались вырваться

из огненного мешка, но сползшие со спин ящики не давали беднякам тронуться с места. И только сорвавшиеся с привязи лошади с громким ржанием уносились прочь, в ночной сумрак.

Садков выполнил разворот в наветренную сторону и произвел посадку. Ведомый вертолет капитана Ваканова сел рядом. Кудрин дал команду, и десантники один за другим покинули вертолет.

Усман Алиханов осмотрел пустые стены шатра. Достал из сундучка туго набитый мешочек и сунул его в карман.

Он встал на колени лицом на восток, склонил плешивую голову и долго читал молитвы, усердно отбивая поклоны. В последний раз провел по лицу ладонями и решительно направился к выходу.

Около шатра били копытами и беспокойно ржали застоявшиеся, почуявшие близкую дорогу лошади. Его верные телохранители расположились у костра и пили чай. Увидев своего повелителя, вскочили на ноги и почтительно склонили головы. Эти люди были оттуда, с родины, его земляки, и он, как мог, заботился о них, оберегал и лелеял. В благодарность они поклонялись ему, верили каждому слову, были преданны и надежны.

— Я отправляюсь на родину. Поведу караван к моему побратиму Ахмат-хану. Дорога трудна и опасна! Кто не хочет идти со мной — может остаться в кишлаке. Я не буду держать обиды. У каждого своя дорога в жизни. Я свою прошел и возвращаюсь на вечный покой на могилы предков. Вы свободны в выборе. Да продлит Аллах вашу жизнь!

Усман обвел взглядом отряд конников и отвернулся. За его спиной послышался приглушенный шепот. Вперед выскочил Мамед Керимов, тридцатилетний великан с живыми детскими глазами и шрамом, пересекшим щеку надвое. Упав на колени перед стариком и облизав полку его халата, он заговорил:

— Учитель! Господин! Осыпь своей милостью верных своих псов, не обижай сыновей Аллаха и твоих детей. Мы выбрали твою дорогу и не свернем с нее. Умрем, но не бросим своего хозяина...

Старик прослезился, обнял за плечи верного джигита, посмотрел в его преданные глаза и троекратно расцеловал.

— Я горжусь тобою, Мамед. Если бы у меня был такой сын...

— Мы все твои сыновья, хозяин. Умрем, но не покинем тебя,
— под восторженно одобряющий гул голосов закончил Мамед.
— Спасибо вам.. Помолитесь. Попросите у Аллаха прощения грехов, и на родину...

Усман подошел к старому седому своему адъютанту и положил руки ему на плечи

— Прощай, Абдулла, друг детства, соратник и побратим. Помни мой приказ. И еще... Помнишь, в Ферганской долине ты искал меня трое суток? Я был на могиле у Лизы и взял на память горсть земли, вот она в мешочке, в кармане... Хотя и была она не нашей веры, но мы искренне любили друг друга. Высыплешь землю в мою могилу. Такова моя последняя просьба к тебе. Мешочек с землей, где бы я ни погиб, ты найдешь на моем теле. Двигайся за нами в одиночку. Я хочу, чтобы ты пережил и похоронил меня Ну, а теперь прощай.

Они обнялись, два старых, засохших дерева. Абдулла по-стариковски, всей пятерней вытер выступившие на глазах слезы и прошептал:

— Все сделаю, как ты велишь, Усман.

Алиханов отстранил от себя Абдуллу, долгим взглядом оглядел его лицо, крепко поцеловал в желтые потрескавшиеся губы. Резко повернулся, подошел к склонившему голову коню, похлопал его по огненно-рыжей гриве и вставил ногу в стремя. Абдулла помог ему запрыгнуть в седло. Подняв руку вверх, Усман произнес одно-единственное слово:

— Вперед!

Всадники гикнули, лошади сорвались с места и понеслись вдогонку за лошадью Усмана. Абдулла остался один.

Солнце закатывалось за дальние горы, когда Абдулла услышал далекий гром. Он выскочил на улицу и прислушался. Снежная лавина в середине лета? Гром в ясном небе? Может быть, показалось? Он засеменил на торговую площадь, где еще был народ. Знакомый торговец мукой, обтерев белую пыль с лица, произнес:

— Стреляют. И когда это кончится?

Старый Абдулла подумал, что ослышался и, подойдя к торговцу, дрожащим голосом спросил:

— Где стреляют?

Торговец махнул рукой:

— Везде стреляют. А сейчас там, за перевалом, на севере. Аксакал, вам плохо? Может, чем помочь?

Абдулла уже не слышал его. Не чувствуя под собой ног, он поспешил обратно в шатер. Собрал в рюкзак свои пожитки, сунул в него ломоть хлеба, запасся водой. Зыркнув по сторонам, спрятал кошель с золотом на груди. Подобрал крепкую, суковатую палку, повесил на нее сапоги, поклонился и босиком отправился в путь.

Он шел на север, по следам хозяина, наверняка зная, что скоро встретится с ним.

Глава 3

Выпрыгнув из вертолета, лейтенант Кудрин огляделся. Впереди что-то горело и гулко взрывалось. По долине стелился еле видимый черный дым, щипавший глаза и оседавший черной копотью на землю. Вечерние солнечные лучи затерялись в вершинах гор. Дневной зной сменился вечерней духотой. По бокам вертолета залегли Дектярев и Неделин. Метрах в двадцати от хвоста примостился пулеметчик Виктор Озеров со своим незаменимым ручником. Подняв облако пыли, метрах в тридцати выполнил посадку второй вертолет. Открыв блистер, Ваканов помахал кому-то рукой. К нему подбежал сержант Садыков, что-то спросил и оглянулся в поисках Кудрина. Олег сам подскочил к сержанту, кивнул Ваканову:

— Садыков, зайдешь им в тыл. Обойдешь по кромке долины. Постарайся не обнаружить себя. Я ударю в лоб, — прокричал, сложив ладони рупором, Олег.

Сержант, перекинув ремень автомата через плечо, покивал головой, хрипло ответил:

— Садыков не подведет, как змея подползет. Возьму первое отделение, командир, мы быстро.

— Ударишь после нашей атаки. Впрочем, смотри по обстоятельствам. Дашь знать красной ракетой. Все понял?

Садыков весело козырнул и попытался еще что-то сказать. Олег толкнул его в плечо и, показав кулак, бросился догонять основную группу десантников во главе с сержантом Ефремовым.

— Ахмет! Командуешь левым флангом. Ефремов, руководишь правым. Я в центре. Взять караван необходимо до темноты. Короткими перебежками, марш!

Первые выстрелы прозвучали неожиданно. Олег пробежал несколько метров, когда пуля сорвала панаму с его головы, и он, больно ударившись коленкой, плюхнулся на землю. Поискал глазами укрытие и, перевернувшись, спрятался за круглый камень. Лежа на животе, с любопытством ощупал аккумуляторную дырочку правее кокарды. Поморщился и засунул панаму под ремень. Скосил глаза в сторону и увидел торчавшие толстые подошвы ботинок. Потянул за ногу. В ответ кто-то лягнул его по скуле. «Живой! — обрадовался Олег. — Лягается, как жеребец». Он рванул тело за обе ноги, и неизвестный юзом влетел в укрытие.

— Ларин, ты? Миша, где рация?

Радист с трудом оторвал голову от земли, посмотрев на командира бессмысленными глазами.

— Рация где? — спокойно повторил Кудрин. В глазах Ларина мелькнул страх и ужас. Он по-мальчишески шмыгнул носом, вытерев его рукавом маскхалата.

— В вертолете.

Лейтенант понял, что впопыхах, надеясь на скорое возвращение, Ларин оставил рацию в вертолете.

— Успокойся, Миша. Вот так... Давай по-пластунски к летчикам. Слышишь? Пулемет заговорил. Пусть прижмут «духов» к земле и подавят его. Действуй. Я тебя прикрою.

Опомнившийся радист виновато взглянул на командира, молча развернулся и ловко, как ящерица, пополз обратно. Вскочил на ноги и, петляя, как заяц, двинулся короткими перебежками.

Кудрин высунулся из-за камня. Прицелился и короткими очередями ударил по огонькам, сверкающим в наступающей темноте. Рядом кто-то пустил длинную очередь в небо. Спихватился. Выровнял прицел и уже спокойно повел огонь по каравану. Дружно заговорили автоматы всей наступающей цепи десантуры.

Лейтенант облегченно вздохнул. Как он сам, так и его ребята оправились от внезапного встречного огня «духов». Пройдет немного времени, и они возьмут этот окрысившийся караван. Он оглянулся и увидел темный силуэт Ларина с рацией на

плечах. Вертолеты огневой поддержки встали в круг и, непрерывно пикируя, атаковали остатки каравана. Наконец-то обнаружили замаскированный пулемет. Голиков ударил из пушки. Песчаный грунт вздыбился, завалив огневую точку и похоронив пулеметчика. Кудрин под прикрытием огня вертолетов вплотную подполз к каравану. Вскочил на ноги и метнул гранату. Мельком увидел Ахмета, Неделина, Дектярева... Десантники, яростно строча из автоматов, опередили его и ворвались в расположение каравана. Кудрин быстро сменил рожок и, стреляя короткими очередями, бросился следом. Кто-то закричал «Ура!», он подхватил звонким голосом и закружился в вихре рукопашной схватки.

Садыков собрал свое отделение у подножья каменистого плато. Энергично жестикулируя, объяснил задачу. Оставив лишнее снаряжение, десантники двинулись в противоположную сторону от каравана. Пробежали с полкилометра. Сержант оглянулся и увидел, что они вышли из-за прикрывающих их вертолетов на открытую местность. Приказал продвигаться ползком. Преодолев на животах не одну сотню метров, они очутились в тылу каравана: Теперь Садыков терпеливо ждал атаки основной группы. Десантники кружком расположились около командира. Тревожно вслушиваясь в звуки отдаленного боя, Самошвили открыл портсигар и протянул сигарету Садыкову:

— Закури, Рустам. Утро вечером мудро. Лейтенант даст, и мы поддадим и задавим эту гидру революции.

— Контрреволюции, — поправил Садыков, чиркая спичкой о коробок. — И не мудро, а мудренее.

— Я и сказал: ликвидацию беспорядка будем делать, — попытался разговорить сержанта неунывающий Самошвили.

Садыков отмахнулся от друга-говоруна, переполз к краю ущелья. Прижавшись к гладкой скале, выглянул наружу. Они сделали большой крюк, и караван был намного ближе, чем он ожидал. В сгущающихся сумерках Садыков видел далекие силуэты родных двадцатьчетверок и яркие вспышки в центре каравана. Атака вертолетов разрешила мучивший его вопрос «Когда начинать?» Как замороженные, смотрели десантники на работу винтокрылых машин. Вертушки стремительно носились на малой высоте, сотрясая тишину ракетными залпами.

Несколько ослов с налитыми кровью глазами пронесли мимо, волоча за собой обрывки веревок и привязных ремней. Проковылял исполосованный осколками верблюд. Метрах в двадцати от них он упал на передние ноги и дико закричал. Из горла хлынула кровь, и бедняга захлебнулся ею. Повалился на бок и задергался в предсмертной агонии.

Садыков зло сплюнул, затянулся сигаретой и бросил окурок под ноги.

— Все, ребята, пора... Приготовьте гранаты.

Он достал ракетницу и выстрелил. Мгновение подумал, резко повернулся и, вскинув автомат, дал очередь по умирающему верблюду. Махнул рукой и побежал в сторону шарахавшихся от него животных. Преодолев метров триста, разгоряченный сержант увидел первых врагов. Кучка оставшихся в живых «духов» еще сопротивлялась в центре каравана. А эти бежали вслед за ослами, спешили спасти свою шкуру. Самый трусливый, самый слабый оказался в первых рядах отступающих. Его ужасающий вопль при виде приближающихся десантников пронесся над ущельем и тяжелым эхом отозвался в горных вершинах. Садыков огрел его прикладом и, вертанув автомат в руках, расстрелял в упор. Крик застрял в горле душмана, и он свалился под ноги наступающим. Сержант запнулся за распластанное тело и рухнул рядом. Через него перескочил Самошвили с автоматом в одной и гранатой в другой руке. Навстречу ему поднялся поджарый, заросший бородой великан. Кацо нажал на спусковой крючок, но выстрелов не последовало. «Кончились патроны», — промелькнуло в голове. Вспомнил про гранату и швырнул ее. Граната волчком покатила под ноги великану. Душман ловко прыгнул в сторону, спрятал голову за тушу мертвого верблюда и замер в ожидании взрыва. Самошвили упал метрах в трех от него и инстинктивно прикрылся руками. Прошло несколько секунд, пока враги поняли, что граната не взорвалась. Оба поднялись с земли, встретились глазами. Кацо выругался по-грузински, душман хмыкнул по-своему. Одновременно вскочили на ноги и бросились друг к другу. В руках душмана мелькнул нож, но очередь автомата Садыкова сразила его наповал.

Самошвили дрожащей рукой смахнул выступивший пот со лба. Почувствовал, как нервно дрожат колени.

— Рустам, — прерывающимся голосом выдавил он. — Я плачу долг ..

— Ты лучше про патроны не забывай, — крикнул обогнавший его сержант.

Попавшие в капкан душманы походили на диких зверей, стремившихся во что бы то ни стало прорваться через заслон охотников.

Садыков столкнулся с невысоким юрким коротышкой лет двадцати. Обнявшись, они упали и покатались по земле, царапаясь и сворачивая шеи друг другу. Душман подмял сержанта. Придавил коленом ему грудь. Выворачивая, ломая руки, дотянулся до горла и сомкнул грязные пальцы на шее Садыкова. В глазах Садыкова потемнело. Спазмом сдавило горло. Он отчаянно выгнул спину, рванул «духа» за волосы. Слабеющая рука все же нашла нож, подвешенный на боку комбинезона. Теряя сознание, изловчился и со всей оставшейся силой вонзил нож под левую лопатку врага.

Подбежавший Самошвили столкнулся с сержанта мертвого «духа», несколько раз ударил Садыкова по щекам, открутил колпачок фляжки и насильно влил воду в рот, Садыков поперхнулся и закашлялся, с трудом открыв глаза.

— Будем жить, Рустам. «Духа» сильно тебя задушил?

Сержант тяжело вздохнул и прошептал:

— Ничего... До свадьбы заживет.

Прошло несколько томительных минут. Работали двигатели, и где-то наверху тарахтела пара Дим Димыча. Владимир открыл блистер. В лицо брызнул выброшенный из выхлопного патрубка двигателя теплый воздух. Послышалась трескотня пулемета и гулкие хлопки винтовок. По бокам и сзади вертолета залегли десантники. Лиц не было видно. Лишь силуэты вырисовывались на фоне потемневшей земли. Садков повернулся к Ивлеву:

— Молодец, Кудряш. И об охране не забыл! Как с топливом?

— До дома хватит.

— Ну и ладно. Подождем Кудрина и домой. Что там видно?

Ивлев высунул голову из кабины и всматрелся в ночной сумрак.

— Да ничего, командир, не видно. Тьма, как в преисподней. Кто-то бежит к нам. Вроде, наш.

В грузовую кабину влетел Миша Ларин и возбужденно затараторил:

— «Духов» полно, нас прижали к земле, голову не дают поднять, гады. Лейтенант приказал подавить пулемет и расстрелять караван. Я забыл рацию, бегу обратно. Все.

— Подожди, торопыга. Опять без рации убежишь. Передай Кудрину: мы взлетаем через десять минут. О дальнейших действиях договоримся по рации. Связываюсь с Дим Димычем. А ты смотри, Маша-растеряша, головой за связь отвечаешь. Умри, но рацию сбереги, иначе труба дело.

— Все ясно, командир. Я пошел.

Садков подмигнул сконфуженному радисту. Юрий помог надеть ему ремни рации на плечи, шлепнул Ларина по заднему месту:

— Смотри мне, раззява! Голову не потеряй и то, что в штанах имеешь. Торопыга.

По переговорному устройству раздался спокойный голос Садкова:

— Ивлев, займись расчетами. Будем взлетать без включенных фар. «Духи» не все перебиты, не приведи Господь, вдарят по свету. Рассчитай время прохода по ущелью и точку набора высоты. Я не горю желанием расцеловаться с горной вершиной.

— Понял, командир. Будем верны женам. Смотри! Дим Димыч атакует.

— Вижу, позови Дектярева.

Садков высунулся из кабины и прокричал в ухо подбежавшему командиру группы прикрытия:

— Мы взлетаем. Забирай своих и к лейтенанту. «Духов» много, вы там нужней. Передай — после набора выйдем на связь. Все. Выполняй.

Дектярев выскочил на открытое место и помахал рукой. К нему подбежали трое десантников, и вся четверка бросилась к каравану.

— Три тройки! Произвожу взлет. 334-й, взлет одна минута, скорость 120, смотри маяк. Набор в квадрате 40. 261-й, вам выход в квадрат 40. Набор высоты после выхода из ущелья.

Плавным движением Садков отдал ручку управления от себя. Открыв блистер, бросил взгляд в кромешную темноту. Вся эта масса каменистых нагромождений просматривалась более темным сплошным пятном по границе ущелья. Будто чудовище сжимало и раздвигало свои огромные ручищи, пытаясь сомкнуться и раздавить вертушку, осмелившуюся нарушить вечный покой гор. Наконец чудовище как бы нехотя разжало ладони, выпуская пленников на волю. Кончилось ущелье.

— Командир, вошли в квадрат 40.

— Три тройки. Квадрат 40. Набор 1200. 334-й, дистанция три, набор и выход на базу самостоятельно. 261-й, наблюдаете проблесковый?

— 261-й. Наблюдаю южнее 2-3.

— Следуйте на точку. Волга! Я — Три тройки. Как слышно? Прием.

— Я — Волга. Слышу вас хорошо. Докладываю обстановку. Караван взят. Тьма оружия. Бросить не могу. Остаюсь до утра. Как поняли? Прием.

— Вас понял. Решение поддерживаю. Слушай внимательно. Сигналы ракетами, как договаривались на базе. Рабочая частота прежняя. Границу перекроем авиацией. Над вами постоянно будут дежурить вертолеты, указывай место удара. Много осталось недобитых?

— Пока не знаю, но постреливают.

— Как потери?

— Двоих насмерть, пятеро раненых.

— Держись. Мы скоро вернемся. Ни пуха ни пера тебе, Олег.

— К черту. Вам счастливо добраться...

После посадки на аэродроме капитана Садкова вызвали к подполковнику Мордуховичу. Лицо командира выглядело усталым. Сказывалось волнение за исход операции. В кабинете находились командир батальона спецназначения усатый подполковник, начальник разведки бригады майор Быстров и капитан Голиков. Мордухович подошел к стене и отодвинул занавеску, прикрывающую мелкомасштабную карту.

— Докладывайте подробнее, капитан. Что, где и как.

Садков взял указку и подошел к карте.

— В район высадки мы вышли нормально. Выполнили ряд необходимых маневров. Уничтожили случайно замеченную

группу «духов», одного захватили в плен. В момент приземления в квадрате 43 Дим Дим., извиняюсь, капитан Голиков обнаружил замаскированный караван. Я решил группу в засаду не высаживать. Несомненно, нас заметили погонщики каравана.

— Правильно решил. Продолжай.

— В момент посадки для досмотра по нам открыли сильный огонь. Нервишки не выдержали у «духов»? Голиков сделал предупредительный выстрел из пушки. В ответ ударил пулемет. Я принял решение на уничтожение каравана,

— Вы уверены, капитан, что это не мирный караван?

— Абсолютно, товарищ подполковник. Во-первых, они выступили на ночь глядя, хотя известно, что передвижения через границу запрещены. Во-вторых, первыми открыли огонь по нам. Не из допотопных ружей, а из современных винтовок и автоматов. В-третьих, лейтенант Кудрин подтвердил очевидное. Там и сейчас не прекращаются выстрелы.

— Убедительно. Продолжайте.

— Я связался с Кудриным. Он принял решение брать караван. Мы согласовали дальнейшие действия. Прошу моим экипажам продолжить работу. Мы освоились в том районе и нам будет легче, чем другим.

— Я сам хотел вас просить об этом. Идите отдыхать. Через час вам вылет. А вы, Голиков, задержитесь на минутку...

— Так вот, Дим Димыч. Я не постесняюсь присутствия офицеров из родственной бригады и объявляю вам выговор за ваши неуместные шутки. Вы понимаете, о чем речь?

— Так точно. Оплошал, командир. Уж больно зуб на них чешется.

— Вот и почешись... Там, в ущелье... Иди отдыхай. Все, товарищи офицеры, действуем, как договорились. Торопите броню. К рассвету они должны быть на месте.

Усман Алиханов подгонял коня. Чем ближе к границе, тем скорее хотелось пересечь незримую полосу, отделяющую чужую страну от долгожданной родины.

«Нет, еще не все потеряно, — пела в душе радостная струнка. — Я жив и вновь сижу на коне. Я чувствую силу в руках, и разум мой светел и чист. Я проведу караван к Ахмат-хану,

брошу клич на родной земле. В мои отряды вольются новые люди и я смогу покарать неверных.

Мои конники примчатся в Кабул, схватят блюдолиза Кармаля и повесят в центре города, на священной площади. Главой правительства я поставлю Ахмат-хана, который примет мои идеи и установит царство справедливости и счастья. Мы раскрепостим людей и установим на всей многострадальной земле Афганистана всеобщее братство. Мне приведут моего сына с веревкой на шее. Я посажу его в тюрьму и заставлю жестоко раскаяться в содеянном. Пусть сам увидит, что отец его был прав и народ наконец-то освободился от власти государственных узурпаторов, полиции, чиновников и бюрократов. Я стану пророком Магомета на земле, и люди возвеличат мое имя в веках. Вперед, старый Усман, только вперед!»

Конь неожиданно заржал и встал, как вкопанный. Тревожно задрал морду и странно фыркнул. Высоко в горах загредел гром. Вспыхнули и погасли далекие вспышки огненных стрел. Где-то гулко ухнуло, как при землетрясении.

Телохранители встревоженно загалдели. Вновь вперед выехал Мамед Керимов.

— Хозяин! Это русские. Они громят караван. Нас кто-то предал! Надо возвращаться в кишлак.

Усман дико закричал и, ударив жеребца нагайкой, не оглянувшись, понесся к ущелью. Подгоняя коней, охрана ринулась следом. Почти на входе в ущелье показался всадник. Увидев стену лошадей, он придержал жеребца и, узнав староро Усмана, соскочил с седла и упал на колени.

— Хозяин! Это неверные. Они разгромили караван. Меня послал Тур Мухамет, он ранен. Я видел, что и с тыла обошли нас. Караван в капкане. Будь прокляты эти огненные гориллы, ползающие по небу!

— Не ори! Сколько русских атаковали вас?

— Много. Не хватит пальцев пересчитать. Они вылезли из двух чудищ и, как змеи, подползли к нам. Видит Аллах, Тур Мухамет не подпустил бы их к каравану. Злобствующие гориллы уничтожили большинство воинов своим смертоносным огнем. Кто остался в живых, те вскарабкались на горные вершины. Тур Мухамет передал, что будет держать русских под огнем.

— Хорошо. Испей водички и наберись сил. Тебе предстоит обратная дорога. Мамед, сынок, возьми свежих коней и скачи в спецлагерь. Передай мой приказ: двинуть сюда все учебные части. Понял меня? Все, без исключения. Если Базарбай воспротивится, убей его. Русских не так много, Мамед, как наговорил этот болтун. Всего два вертолета — полсотни не наберется. До утра мы или погибнем, или прорвемся на родину. Захвати гранатомет, он может пригодиться. Я все сказал. Выполняй приказ.

— Хозяин, я приведу воинов, чего бы мне это ни стоило. Базарбай мне не указ. Твой приказ — закон для всех. Береги себя, отец.

Мамед вскочил на своего жеребца, ударил его плеткой и, прижавшись к холке, поскакал обратно в кишлак.

Усман повернулся к принесшему горькую весть всаднику:

— Показывай дорогу, еще не все потеряно.

Из его души рвался крик отчаяния. Хотелось завывать во весь голос. Но он понимал, что надо сдержаться, не показать людям свою слабость. Он прищпорил жеребца, горестно думая про себя:

«О, Аллах, за что ты наказываешь меня? Неужели мечты не сбудутся и мои предчувствия верны? Русские овчарки перегородили дорогу на родину. Зачем они здесь, что им нужно? Я стар и, видно, многого уже не понимаю. Меня, всю жизнь отдавшего делу освобождения моего народа, превратили в бродягу и бандита. Кто, кто в этом виноват? Русские? Значит, я должен бороться с ними. Но разве раньше они мешали мне? Наоборот, это мои люди рубили русских воинов в песках Туркестана. И не они, а Ибрагим-бек перебил моих всадников, погубил Лизу и ранил меня. Русские закрыли границу, помогают Кармалю утвердиться у власти. От этого кроме слез матерей и цинковых гробов ничего не имеют, не просят, не требуют. О, Аллах! Направь мои мысли на истину, дай понять перед смертью, где правда. Ясно одно: я должен вернуться на родину живым или мертвым. А теперь надо решать, как вырваться из ада лжи и предательства. Это последний шанс в моей жизни. Итак, предательства быть не должно. Что пойдет караван, знали многие. Но это ущелье, тропу я выбирал сам. Точный маршрут я сообщил перед выходом одному Тур Мухамеду. О, горе мне,

мой сын! Предатель! Он тайно перерисовал мою карту и теперь знает все, абсолютно все. Как же я забыл, не подумал, не догадался сменить маршрут? Он снова предал меня.

Но Ахмет не знал времени и дня выхода. Я решил в последнюю минуту. Я поторопил Тур Мухамеда. Не дождавшись темноты, дал приказ выступать. Я так торопился встретиться с родиной, что не подумал об ищейках, искавших караван с оружием.

О, Аллах! Ты отвернул от меня свой лучезарный лик. Дикий случай помешал мне выполнить благие намерения. Только я сам виноват в случившемся. Но еще не все потеряно! Необходимо уничтожить русских, осмелившихся встать на моем пути.

Освободить караван, разбить его на мелкие части и затеряться в «зеленке».

Он остановился. Развернул дряхлую, пожелтевшую от времени карту. Кто-то зажег факел и услужливо посветил ему. Над головой протарахтели вертолеты, помигали красными огоньками и ушли на север.

«Пошли заправляться, — подумал он. — Еще есть время. Итак, первый удар в лоб, на входе в ущелье. Пошлю всех оборванцев, которых набрал в Пакистане. Во главе поставлю эту свинью Базарбая. Позади пару пулеметов. Пусть знают: дороги назад нет. Если собьем заслон, чалмисты быстро разделяются с кучкой неверных и тогда наш путь свободен.

А если не удастся? Остается эта тропа. Потеряем много времени, но спасем хоть остатки каравана. Ее середину как раз оседлал Тур Мухамед».

Он подозвал ожидавшего приказа проводника.

— Передай Тур Мухамеду или тому, кто остался за него... Мы ударим со входа в ущелье. Пусть они пошумят сверху. В случае удачи немедленно спускайтесь по тропе, ждать не будем. Если постигнет неудача, второй удар нанесем именно с этой тропы. Возьми с собой пару человек и разведайте хорошо дорогу. Одного верни ко мне с точным и самым близким маршрутом. Поспеш.

Бой кончился. Кругом чернели трупы убитых, раздавались стоны раненых. И своих, и чужих. Распрямив плечи, стерев пот с лица, лейтенант Кудрин осмотрел то, что осталось от каравана. Чудом уцелевшие ослы и верблюды сбились в кучу. Они прижимались друг к другу, испуганно косясь на чужаков.

Туши мертвых и раненых животных лежали вперемежку с убитыми душманами. Вид их был жуток и ужасен. Кудрин отвернулся. Боясь, как бы не стошнило, нагнулся и хотел погладить раненого верблюда. Тот резко дернулся, с трудом приподнял голову и харкнул прямо ему в лицо.

Кто-то толкнул его в бок, осторожно обнюхивая карманы. Кудрин нагнулся и увидел ластившуюся к нему обыкновенную дворняжку. Собака настороженно вильнула хвостом, готовая молниеносно отскочить в темень. Олег осторожно погладил ее по прижатым ушам, провел ладонью по кончику холодного носа. Собака лизнула его пальцы и осторожно улеглась у его ног, жалобно повизгивая.

Кудрин пошарил в кармане, сожалеюще развел руками. Собака испугалась его движения и бросилась наутек. Олег внезапно, как там, в вертолете, ощутил жуткое одиночество. И все окружавшее его показалось нелепым, противоестественным, плохим фильмом.

А в это время в подмосковной деревушке бродили по улицам пыльные курицы. Вышагивали строем гордые гуси, кричали на речке хлопотуны утки, вился над ульем пчелиный рой, мычала на пастбище корова Дуня, хрюкали в хлеву свиньи. Спозаранку вертелась у горячей плиты бабка Анисья, а вечером поставит сети в речке добрый дедушка Максим.

Только здесь, на войне, понял Олег деда Максима. Он и курицы не обидит, и злого слова соседу не скажет. Вечно бабка беззлобно ворчала: «Голову курице рубить мне, а навар тебе. А еще мужиком называешься». Дед Максим, посмеиваясь, благодушно отвечал: «Повоюй, Анисья, и ты, а я свое отвоевал». Погладит шершавой ладонью по голове внука и, вздохнув, добавит: «Эх, кабы и тебе не пришлось».

Соберутся, бывало, безногие и безрукие ветераны за большим деревенским столом, поставят бутылочку «Московской» и давай вспоминать, как Сталинград защищали и Киев брали. Сидит Олежка, затаив дыхание, слушает. И почему-то все чаще захмелевшие старики, расходясь по домам, вздыхали, сетуя, что не все сбылось, о чем мечтали в окопах.

Кудрин тоскливо вздохнул, вспомнив о стариках и милой сердцу деревне. А теперь... Война продолжается. Он приподнял ствол автомата и выстрелил в раненого верблюда.

— Что случилось, командир? — подбежал встревоженный сержант Ефремов.

— Вот... Верблюда пристрелил. Из жалости, понимаешь?

— Понимаю, командир. Погибших ребят и раненых куда?

— Укройте под скалой, которая на отшибе. Что в ящиках — проверили?

— Уйма патронов, пулеметы, зенитные ракеты «Стингер» или «Блойпап» — в темноте не разберешь, винтовки М-16 и мины итальянские. Раненых «духов» шестеро, двое почти готовы.

— Так. Их тоже под скалу и перевязать, как следует. Где Садыков?

— Помяли его немного, через полчаса очухается. Двоих наших, командир, насмерть в рукопашной зарезали, Говорова и новичка Свежина. Пятеро ранены. Ничего, ребята держатся.

— Жаль Говорова и Свежина, да только завтра оплакивать будем. Сегодня еще придется поработать, чувствует мое сердце. Где афганцы?

— Ахмет пленного допрашивает. Говорит, караван будто тот самый. На ловца и зверь бежит. Командир, мы до утра останемся здесь?

— Слушай, Ефремов. Поставь по пулемету на вход и выход из ущелья, в сторону границы усиль гранатометом. Всем окапываться. Под укрытия применяйте туши животных, ящики, камни. Все, что можно. Надо остаться, Ефремов, надо. Зверь уж очень крупный попался, не выпускать же хищника.

— Я так же думаю, командир, и ребята гутарят об этом. Не бросать же столько оружия. До утра продержимся, да и струхнули они, не сунутся.

— Не говори гоп, пока не перепрыгнул, сержант. Оружие просто так хозяева не позволят бросить. Готовьтесь к бою. А я на рацию. И про животных не забудь... Зачем им мучиться.

Сержант Ефремов выполнил все указания лейтенанта. Вход и выход из ущелья перекрыл пулеметами. В каменистом грунте вырыли щель и установили гранатомет. Под козырьком скалы расположился импровизированный госпиталь, где властвовал военфельдшер Матвеев. Рядышком примостился и радист Миша Ларин, обложившись со всех сторон ящиками,

набитыми камнями. Помнил свою оплошность и наказ летчиков: от радики не отходить ни на шаг. Десантники перетащили десятки ящиков на вход в ущелье, не побрезговали и трупами животных. За пулемет залег сам сержант Садыков, вторым номером, примостился неунывающий Кацо.

— Рустамчик, как твое горлышко? Надо сладким смазать, заживет скорей.

— Сойдет и так. Где тут сладкого возьмешь, в горах-то?

— Момент, брат. Имей сто рублей и тысячу друзей.

Грузин пошарил в своих необъятных карманах, спрятанных под складками маскхалата и извлек пару конфет. Протянул сержанту:

— На, вылечивай гортань.

— Ух ты. Где взял? — удивился довольный вниманием друга Садыков. — С тобой и на том свете не пропадешь, Кацо. Бьюсь об заклад, что у тебя целый кулек припрятан. Поделись с ребятами.

— Им горло не давили. До утра далеко, сами съедим.

— Жадюга ты тбилисская.

— Зачем опять ругаешься? Ешь, пока я дала.

— Ладно, давай вместе.

— Вот это друг и называется. Тебе пополам и мне пополам.

— Ну да, как в песне: тебе половина и мне половина.

Посасывая конфеты, они продолжили неторопливую болтовню, внимательно вглядываясь в кромешную тьму.

За тушей верблюда, выкопав небольшой окопчик, залегли два ленинградца — Дектярев и Неделин. Дектярев перевернулся на спину и, не вынимая изо рта потухшую сигарету, смотрел на звезды.

— Венера... Звезда любви. Я первый раз влюбился в девочку из параллельного класса. Как сейчас помню — мы ездили на экскурсию в Пушкино. Как-то так получилось, мы отстали от основной группы и задержались около памятника Александру Сергеевичу. Она мне говорит: «Послушай, как звучит». И прочитала: «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты». Знаешь, рядом с великим поэтом его стихи воспринимались совсем по-другому, чем на уроке литературы. И сам он, каменный, неодушевленный, становился родным и близким. Вот и явилась в тот миг передо мной Оксана.

Через год ей признался в любви.

— А чем ваша любовь кончилась? — после минутного молчания спросил Неделин.

— А у нас и не кончилась. Шестнадцать стукнуло — я на завод. Оксана тоже работать пошла. В семнадцать мы поженились.

— Рано ты, Витек, хомут на шею повесил. И дети есть?

— Причем здесь хомут, если по любви. И дети есть, двое короедов. Моя Оксана говорит, что не остановимся на этом. Любит она детей.

— Ну ты даешь, Витька. Здесь героя не заработаешь, так там получишь.

— Ты не смейся, Дон-Жуан с Невского проспекта. Как хочешь, а я своей Оксанке верю. Хорошая женщина — это дом добрых советов и необходимых ответов. И нам, мужикам, без них не обойтись.

— Если честно, Витек, я вам завидую. И хорохорюсь я так. Не встретил я такую, как твоя Оксана.

— Правильно, Серега. Держи краба. Ищи свою единственную и неповторимую. А после дембеля заходи в гости, будешь третьего короеда крестить.

Лейтенант, перескакивая через туши животных и невольно вздрагивая от беспорядочных выстрелов, оседлавших горные вершины и спрятавшихся в расщелинах недобитых душманов, обходил линию обороны, на ходу объясняя сержанту Ефремову свой замысел:

— Они полезут только на входе в ущелье. Время их поджигает. Чтобы ударить с севера, надо минимум три часа на преодоление горной гряды и выхода нам в тыл. Могут послать небольшую группу. На всякий случай, пошли двух ленинградцев с пулеметом. Чем черт не шутит. Сам останешься у этой тропки, будь она неладна. И прикажи ребятам прекратить ответную пальбу, толку нет — только шумиха одна. Может, успокоятся и эти охламоны. Я буду находиться в нише радиста, послушаю, что пленный скажет.

— Хорошо, командир. Я здесь поставлю третий пулемет. Если они прорвутся на входе через Садыкова. то мне недолго повернуть ствол в их сторону и ударить отсюда, прикрыв таким образом госпиталь.

— Правильно. Командным пунктом будет та скала, где расположились Матвеев и Миша Ларин. Повнимательнее, сержант.

Кудрин чертыхнулся, запнувшись о что-то мягкое, завизжавшее под ногами. С удивлением узнал ту собачонку. Задрав лапы кверху, она как бы сдавалась в плен человеку, дрожа всем телом.

«Не можешь жить без человека, — подумал Кудрин, взяв осторожно ее на руки и прижав к груди. — Ну ладно, пошли, землячка твоего проведедем. Пить, наверное, хочешь и поесть бы не против?»

Ахмет, увидев лейтенанта с собачкой в руках, рассмеялся:

— Где взял такого «волкодава»?

— Тоже из охраны... В плен сдался. Матвеев, дай ему напиться и пожевать. Что, Ахмет, пленный говорит?

— Зовут его Махмуд, лет семнадцать, сам точно не знает. Говорит, их много было у родителей, отец со счета сбился. Родился в кишлаке около Матерлама. Мальчишкой забрали в банду и увели за кордон. Там поднатаскали. Это его третья ходка через границу. Ты видел сам, когда брали в плен, кусался, как звереныш. Сейчас немного обмяк. Не беспокойся, я его быстро обработаю.

Ахмет скороговоркой спросил о чем-то пленного. Тот исподлобья взглянул на лейтенанта и буркнул в ответ. Они заговорили на своем языке.

Собачонка вылакала чашку воды и спряталась в ногах сидящего на корточках пленного.

— Он говорит, что не верит русским. Какой-то Базарбай сказал, что пленным мы вспарываем животы, достаем потроха, набиваем кишки мясом, потом жарим их на костре и съедаем. Из головы и костей делаем холодец и кормим своих ханум. Я ему вправил мозги. Слушает внимательно, видно, не совсем свихнулся и пожить еще хочет. Говорит, устал питаться объедками со стола хозяина, но очень боится гнева Базарбая и его подручных. На днях тот безжалостно расправился с афганцами, которые сбежали из лагеря и были пойманы близ перевала. Всех повесили в центре лагеря, предварительно испоганив их мужское достоинство. Махмуд сам напросился с караваном. Вдвоем с земляком, кстати, собачка эта его, хотели незаметно

скрыться и вернуться домой. По его словам, караван вышел на пару часов раньше запланированного. Причину не знает. Впереди шла разведка, уничтоженная вертолетами. Никто не подумал, что их атакуют на ночь глядя, да еще вблизи границы. Махмуд благодарит Аллаха за свое спасение. На полпути караван должна встретить охрана Ахмат-хана. Случайно он слышал, где должна состояться встреча.

Кудрин достал из планшета карту, подготовленную майором Быстровым, и протянул ее Ахмету, который спросил о чем-то пленного.

Увидев голубое пятно озера, Махмуд ткнул грязным пальцем в название кишлака, притулившегося с восточной стороны перевала и перечеркнутого на карте жирным крестом, удивленно взглянул на Ахмета.

— Все точно, лейтенант! Мы сработали неплохо. Можете передать майору Быстрову, пусть встречает моего тезку на перевале.

— Передам... Спроси, какой была охрана каравана, кто старший.

Ахмет вдруг нахмурился и, не глядя на Кудрина, ответил:

— Я спрашивал. Охрана 120 человек. Старший каравана Усман Алиханов. В настоящее время в лагерях и учебных центрах находится около тысячи боевиков, имеется ударный батальон чалмистов.

— Что за чалмисты?

— Это мой отец так называет отборных головорезов, элиту отряда.

— А какое отношение имеет твой отец к этому воинству?

— Видишь ли, в чем дело, лейтенант. Мне говорить об этом не следует, но раз так получилось. Усман Алиханов — мой отец.

Кудрин разинул рот от удивления.

— Не беспокойтесь, лейтенант. Меня проверяли кому следует. И майор Быстров знает. Я сам удивился, когда узнал об этом. Обычно отец отправлял караваны к Ахмет-хану, но чтобы сам пошел... Подозреваю, что он решил вернуться на родину, ему восемьдесят. Хочет умереть по-человечески. Пленный говорит, что здесь есть звериная тропа в ущелье. Она

помечена на карте моего отца. Я знаю эту тропу, надо перекрыть и ее, лейтенант.

Кудрин автоматически мотнул головой.

— Ахмет, извини, я просто опешил от такой новости.

— Я тоже, когда узнал, что отец ведет этот караван. Мой отец — фанатик-анархист. С двадцатого года носится с идеями Кропоткина. Раз отец отправился с караваном, он от своего не отступит, и нам надо готовиться к тяжелому бою.

Михаил Ларин откинул антенну, подключил питание, включил тумблер и протянул наушники Кудрину.

— Три тройки! Вас вызывает Волга. Прием, — несколько раз повторил в эфир лейтенант и замолчал в ожидании ответа.

— Волга, я — 333-й. На подходе, — откликнулся Садков. — Как обстановка? Что нового?

— Все нормально. Ждем гостей. Недобитые постреливают. Передай на командный пункт, пусть высылают группу захвата в квадрат сорок, по улитке шестерка. Пленный подтвердил данные разведки. Встреча намечена именно там.

— Понял. Я тебе горячего чайку привез, три резиновых баллона. И гостинцев, которые ты просил. Сориентируй ракетам место выброски.

— Спасибо, Володя. Гостинцы пригодятся.

В воздух взлетели ракеты, вырвав из темноты зловещие контуры ущелья, новая серия ракет — и оглушительное гудение одиночного вертолета над головой.

— Командир! Садков просит отойти. Темнота, как в преисподней, боится обжечь кого-нибудь, — крикнул Кудрину радист.

Лейтенант кивнул и застыл, как вкопанный. На входе в ущелье, именно там, где ожидал Кудрин, застрочил пулемет, раздались автоматные очереди, грозно рявкнул гранатомет.

Мельком заметил, как Матвеев с кем-то из десантников подбирает сброшенные с вертолета боеприпасы.

— Миша! Доложи летунам, что началось. Пусть будут готовы к удару по входу в ущелье. Разберусь в обстановке — пришлю наводчика, — крикнул он радисту, выскакивая из укрытия.

— Командир! Баллоны с водой лопнули, — подвернулся под руку Матвеев. — Без чая остались.

— Черт с ними, не до чая. Оставшуюся воду как зеницу ока береги. Крылов! Со мной, бегом марш...

Чертыхаясь и запинаясь о камни, припустили к входу в ущелье. С разбегу чуть не перепрыгнули через ящики, вовремя услышав приглушенный голос Садыкова:

— Командир, сюда!

Сержант бил из пулемета короткими очередями в ночную мглу. Кто-то кинул гранату, толкнув лейтенанта на землю.

— Докладывай, сержант, — крикнул Кудрин, больно стукнувшись коленкой о камень, выматерился, скидывая с плеча автомат.

— «Духи» пытались просочиться, командир. Да Кацо заметил. У него глаза кошачьи, ночью видит.

— Подошли, сволочи! Торопятся сбить с ходу. Посмотрим, чья возьмет, — со злорадством ответил лейтенант, поворачиваясь к примостившемуся рядом грузину. — Кацо! Дуй на рацию. Передай летунам: пусть осветят вход в ущелье. Сигналы дадим ракетами. И метров двести от ракет нужно обработать зрсами. Все понял? Садыков, ты как? Очухался?

— Норма, командир. Повоюем еще.

— Тогда быстро к гранатомету, стрелять на дальнюю позицию, в глубину ущелья. Создать панику и страх перед атакой. Остальное сделают летуны. Крылов, замени сержанта. Стрелять только по моей команде.

Вертолеты зашли на бомбометание. В небе появились светлячки, которые, падая на землю, разгорались, выхватывая из темноты что-то черное и жуткое, заполнившее ущелье. Бомбы, упав на землю, какое-то время продолжали гореть, тускнели и гасли. Горловина ущелья не давала «духам» рассредоточиться.

Они катились безмолвной массой костей, мяса и плоти, из которой невозможно было вырваться, спрятаться, притаиться. Передние ряды застопорили движение, подняв невообразимый гвалт, но задние надавили, и вся дико закричавшая толпа с воплем ринулась в атаку. Выстрелы гранатомета вырывали людей из обезумевшей толпы, но ряды смыкались, и новые смертники вступали в поединок со смертью.

Кудрин с ужасом смотрел на серую массу людей, заполнивших горловину ущелья. Он вскочил на ноги, передернул затвор автомата и, не спуская глаз с орущей толпы,

протяжно крикнул: «Огонь!». Крылов что-то пробормотал и, сжав тело, как пружину, ударил длинной очередью, прорезав широкую просеку в набегавшем людском потоке. Затем плавно повернул ствол и без суеты скосил всю первую шеренгу наступающих свинцовым шквалом. Толпа громко зарыдала, завизжала, захныкала, застонала, заорала жутким гулом. А из ущелья выкатилась новая волна, которая была намного грознее первого шквала наступающих.

Сплошной линией перегородила путь наступающих заградительная черта взрывов. Кто-то все же переступил ее, но тут же упал, скошенный очередью пулемета. Их нагнала третья волна и сходу смела.

Кудрин размахнулся и кинул гранату. Она упала под ноги толстому, в длиннополом халате, душману. Тот успел заметить ее, дико закричал и попытался остановиться, упасть, спрятаться, провалиться сквозь землю. Но сзади толкнули, и, падая, он продолжал кричать истощенным срывающимся голосом. Его тело не успело коснуться земли и, подкинутое взрывной волной, отлетело назад в объятия новой жертвы. Огромный бородатый детина попытался бросить гранату, запнулся и вместе с ней упал в самую гущу мечущейся толпы. В горячке боя мало кто заметил, что погасли осветительные ракеты и снова нарастает шум вертолетных двигателей. Словно сварка, прорезали темень яркие вспышки. Земля вздрогнула от десятков снарядов, вонзившихся в ее чрево. Ракеты рвали все живое на своем пути, уничтожая остатки тройного вала наступающих. Разрывы чередовались, пропахивая каждый метр каменного грунта. Невозможно было понять, как можно выдержать этот ад, не сойти с ума, остаться живым.

Десантники не стреляли. Они в оцепенении смотрели на вереницу разрывов, разносивших людей в клочья. Садыкова стошнило. Крылов икал, уткнувшись лицом в землю. Губы побледневшего лейтенанта Кудрина выдавили вслух: «Ну и мясорубка».

Вертолеты прекратили атаку, и снова в небе повисли ракеты, осветившие страшное ущелье. Вокруг все стонало и корчилось в предсмертных судорогах. Оставшиеся в живых люди, оглушенные, подавленные, безразличные к жизни и смерти, не таясь, в полный рост брели в обратную сторону. Раненые стонали, тщетно звали на помощь. Кто-то предложил провести переговоры.

— Ахмет, узнай, что они хотят, — нарушил жуткое молчание лейтенант.

Афганец перекинулся несколькими словами с невидимым собеседником и, повернувшись к Кудрину, объяснил:

— Попросят подобрать раненых. Я ответил, что мы согласны. Думаю, вы не будете против?

— Наоборот. Спасибо, хоть догадались.

Всем своим видом показывая миролюбие, подняв высоко над головой горящие факелы, душманы медленно двигались по ущелью. Обогнав их, с двумя факелами в руках на пригрок поднялся мулла и стал читать молитву.

Кудрин неожиданно для самого себя вскочил на ноги, встал на снарядный ящик и замер в неподвижности. Враги заметили его, одобрительно загалдели. Так он и стоял у всех на виду, иногда сталкиваясь взглядом с грустными глазами муллы. Лейтенанта толкнули в бок, и четыре руки решительно стащили с ящика.

— В чем дело, сержант?

— Не надо, командир, так стоять. Чем черт не шутит, стрелнут.

Он сам понимал, что задержался на пьедестале и стал хорошей мишенью для их снайпера.

Лейтенант повернулся и молча зашагал в глубину своих позиций. Садыков и Ахмет молчком шли рядом.

«Итак, в ущелье все кончено. Будем думать, Олег Константиныч, как жить дальше, — подумал Кудрин, остановившись около медпункта. — Теперь вход в ущелье закрыт накрепко. Выход тоже перекрыт, и не сунутся они с севера. Перед рассветом попасть в мешок и быть расстрелянным вертушками мало кто захочет. Остается звериная тропа. Навязалась она на мою голову, будь неладна. Здесь не прорвались — там обязательно полезут. Пожалуй, самое уязвимое место. И вертолеты мало помогут. В такой темноте точности не будет, да и узковата она. Надо перебираться к тропе».

Он остановился и положил руку на плечо Садыкова:

— Рустам, останешься здесь за старшего. Я с Ахметом на тропу. Чаще освещай местность и наводи вертолеты, радиста оставим тебе.

— Будь спок, командир, как говорит товарищ Кацо. «Духи» получили свое, даже сверх меры. Надо будет — добавим еще. Скоро утро, там подмога придет. Все будет в ажуре.

Усман Алиханов не слезал с коня, готовый в любую минуту немедленно пустить своего аргамака обратно в лагерь творить суд и расправу. Наконец появилась конница во главе с Мамедом Керимовым. Позади — пеший отряд новобранцев и отдельный батальон чалмистов.

— Хозяин, — отрапортовал запыленный с ног до головы Мамед Керимов. — Ваш приказ выполнен, люди прибыли. Базарбая пришлось связать и доставить к вам.

— Что сделал этот сын шакала?

— Он приказал закрыть ворота и не пускать нас в лагерь. Заявил, что ваша власть, аксакал, кончилась и теперь он главный в лагере. Пригрозил, что откроет огонь из сторожевых пулеметов, если мы не уберемся вслед за вами. Я хотел брать ворота штурмом, но тут подъехали на автомобиле советники. Узнав, в чем дело, вправили Базарбаю мозги, выделили грузовики и передали вам, аксакал, пожелание удачи. Из-за этой гиены мы потеряли минут пятнадцать времени. Вот он, перед вами, — скинул Мамед с крупа лошади обвязанного веревками человека.

— Развяжите его, — распорядился Алиханов. Когда Базарбай встал на ноги, добавил: — Говори, как выполняешь мои указания?

Толстяк расплылся в лстивой улыбке, упал на колени, чмокнул полу халата старика и елейным голосом заговорил:

— Усман-хан, да продлит твои годы Аллах, дай сказать слово твоему верному слуге, который может попасть в немилость твою из-за грязных слов возомнившего о себе Мамеда Керимова.

— Довольно, лиса, чесать языком! Объясни, шакал, почему не пускал моих людей в лагерь? Да поскорей оправдывайся, иначе без покаяния помрешь.

— Я подумал, что они бросили тебя. Разве можно напугать настоящих воинов двумя стальными трубками?

— Значит, две стальные трубки для тебя чепуха, Базарбай? Хорошо. Ты возглавишь наступление на неверных. Подожди

благодарить. Даю тебе всех людей, кроме батальона чалмистов и моего отряда. Атаку провести тремя волнами. Думаю, воинов у тебя предостаточно. А позади вас я поставлю два пулемета и за одним будет лежать Мамед Керимов. Он лучший стрелок в лагере, об этом ты хорошо знаешь. Тебе, Мамед, приказываю: если вдруг Базарбай не справится с поставленной задачей, открыть огонь на уничтожение трусов. Понял, Базарбай? Горе тебе, если ты проиграешь...

Алиханов слез с коня и, подняв руку, установил мертвую тишину.

— Земляки. Я буду жесток сегодня с вами. Так поступать велит необходимость и наш всемогущий Аллах. Дорогу на родину нам преградила шайка неверных, высадившихся из стальных птиц. Необходимо смять их заслон, уничтожить иноверцев и освободить караван. Обратной дороги нет, дети мои. Трусы будут расстреляны огнем пулеметов моих телохранителей. Ваш командир — сотник Базарбай, он и поведет вас в бой. Спешите, пока не вернулись стальные птицы. Да хранит вас Аллах.

Он встал на колени, и вслед за ним рухнули сотни людей. Слова молитвы слились в монотонный гул, из которого выделялся красивый баритон воинственного муллы.

Алиханов вскочил на ноги и обратился к Мамеду Керимову, но так, чтобы слышали стоявшие рядом воины:

— Поставь пулеметы и положи за них метких стрелков. Открывать огонь по трусам без команды, — затем повернулся к поникшему Базарбаю и отрывисто бросил: — Это тебе не в лагере дурака валять.

Окруженный телохранителями с горящими факелами в руках, он стоял, обняв за холку своего коня, и жестко смотрел вслед уходящим в темноту отрядам. Подозвал командира чалмистов, молодого, с решительными чертами лица сотника, развернул потрепанную карту.

— Рафис, отбери пяток удалых бойцов и направь их через перевал в тыл русским. К рассвету они должны быть там. Они ударят в спину, мы вырвем караван из рук неверных. Помни, необходимо успеть до первых лучей солнца, иначе к ним подойдет подкрепление и стальные птицы уничтожат нас. Все, выполняй.

Из ущелья донеслись выстрелы, ударил пулемет, бухнули разрывы гранат. Донеслись истошные крики наступающих, и старик замер в ожидании.

Впереди творилась дикая и ужасная бойня. Шеренги шли во весь рост и падали, скошенные очередями пулеметов и автоматов десантников.

Бесполезно Базарбай носился позади наступающих цепей, хлестал плеткой малодушных воинов, паля из револьвера по убегающим.

Предупредительно твякнули тяжелые пулеметы, и рой пуль прижал бежавших к земле. Мамед выскочил из-за пулемета и заорал во все горло:

— Вперед! Вперед! Все вперед!

Толпа ахнула в общем стоне. Поднять кого-либо в атаку было уже невозможно.

Чуда, на которое надеялся Усман-хан, не случилось. В небе появились вертолеты. Усман прыгнул в седло и поскакал туда, где рвались бомбы и умирали его земляки. Мамед схватил жеребца Алиханова за узду, остановил его. Разгневанный Усман ударил плеткой своего верного телохранителя, хлестнул и коня.

Охранники замкнули вокруг кольцо и оттеснили Усмана в глубь ущелья.

Вертолеты повесили осветительные ракеты. Десантники не стреляли, давая возможность оставшимся в живых выбраться из кровавой мясорубки.

Усман проглотил слюну, старчески прокашлялся и, указывая плеткой на ущелье, промолвил:

— Зажгите факелы, договоритесь о перемирии. Надо подобрать раненых и погибших. Уберите пулеметы, страх здесь бессилен что-либо изменить. А ты, Мамед, приведи этого труса... держать ответ.

Телохранители подтащили упирающегося, смертельно бледного Базарбая. Алиханов с оттяжкой ударил плеткой по его трясущейся физиономии и, глядя прямо в глаза, сказал:

— Ты умрешь, собака, лютой смертью. Это ты, завистливая харя, виноват в гибели людей и в моем проигрыше. Ты протянул время там, в лагере, и дал возможность вернуться вертолетам. У русских не хватило бы патронов отбиться. Воины рас-

топтали бы, смяли кучку неверных и спасли караван. Будь проклят ты, Базарбай, и пусть не будет тебе покоя на том свете. Керимов, посадите его на кол, пусть помрет лютой смертью.

— Не надо, Усман-ага, не надо, — завопил толстяк, валяясь в ногах Алиханова. Старик отвернул голову, напряженно сжимая кобуру маузера. Охранники схватили Базарбая, связали его руки поясом, заткнули рот куском размотанной чалмы и, вытаскивая ножи, подтащили к отвесной скале. Прозвучал сухой выстрел маузера. Колени Базарбая подкосились и, хватая живительный воздух беззубым ртом, он замер на руках телохранителей. Те отпрянули от него, как от прокаженного, бросив дергающееся тело в пыль. Старик сунул дымящийся маузер в кобуру, взял за узду жеребца:

— Здесь нам делать больше нечего. Вертолеты уничтожат нас всех, прежде чем мы подойдем к русским. Оставим несколько человек с гранатометом, пусть исправно обстреливают их позиции. Вы, — он повернулся к командиру батальона чалмистов, — двигайтесь за проводником. Торопитесь, если не успеете до утра — вертолеты уничтожат вас.

— Понял. Усман-ага, а вы?

— Мы будем ждать вашей атаки. Они оставят здесь лишь прикрытие, и я со своими телохранителями сомну их в момент вашей атаки. Надеюсь встретить вас живыми на трупах наших врагов. Аминь...

Он повернул коня и, тронув за плечо Керимова, прошептал:

— Здесь пахнет мертвечиной, Мамед. Отойдем назад.

— Смотрите, хозяин! — воскликнул верный джигит, указывая плеткой вдаль. На позиции русских в свете факелов застыла фигура одинокого человека.

— Командир! Я сниму его одним выстрелом, — оживленно проговорил Керимов, скидывая с плеча автомат. Но удар плеткой охладил его пыл:

— Мамед, моя плетка не всегда бьет без пользы. Разве ты не видишь, что это их командир-смельчак? Это сердобольный человек, и я уважаю его за смелость и доброту. По всему видно, что он молод, как и ты, не чета трусу Базарбаю, который только и умел прятаться за чужие спины. Надо уважать смелого врага. Распорядись открыть огонь из гранатомета сразу же,

как уберут раненых. Не трогай русского, Мамед. Меня найдешь в той лощине, где поили коней. За мной, джигиты.

Глава 4

В небе гудели вертолеты. На горной вершине вспыхнул огонек костра.

— Обогреваются, гады, — подумал лейтенант Кудрин, перескакивая через тушу верблюда и направляясь в нишу радиоста. — Ну давай, давай, — разозлился он. — Мало вас учили уму-разуму, поучим еще.

Он приказал Ларину связаться с вертолетчиками и с нетерпением схватил наушники:

— Три тройки! Волга с вами говорит! Наглецы чаевничать вздумали, взгрейте их как следует.

— Видим, Олег, — назвал его по имени Садков. — 261-й на подходе. Пусть заварку бросят, а сахарком мы угостим.

Кудрин успокоился и, захватив с собой радиста, направился на середину участка обороны.

— Ищи, Миша, укрытие и располагайся. Теперь твое место здесь.

— Понял, командир, — весело отозвался Ларин. — Мы сварганим укрытие.

У подножия тропы расположились десантники во главе с сержантом Ефремовым. Ковырялись в земле, окапывались.

— Тихо у вас? — спросил Кудрин сержанта.

— Тихо, командир. Только позиция мне не нравится, закидают гранатами.

Лейтенант понимал, что местность для обороны выбрана неудачно. Тропа круто уходила вверх, и душманы непременно воспользуются преимуществом высоты. На рассвете снайперы будут стрелять сверху вниз. Отойти к северной стороне ущелья и отдать южную без боя? Но в такой темноте «духи» подползут, как змеи, и задавят количеством. Повесить осветительные? Нас тоже, как на ладони, видно будет. Навести вертолеты на ущелье? Сами пострадаем от осколков. Отойти под козырек скалы? Закидают гранатами. Где же выход?

— Командир! А что, если мы заминируем тропу, — услышался голос сержанта. — Как горохом посыплем мины по все-

му склону. Тогда им придется атаковать только с этого плато. Мы отойдем на северную сторону и сосредоточим огонь на этом пятачке. В трудную минуту отойдем к медпункту, а сюда наведем вертолеты.

— Ты думаешь, успеем заминировать?

— А я проявил инициативу, тропу мы уже заминировали, осталось здесь. Мины немного прикроем и рассеем по краю ущелья. Не будут же «духи» со спичками искать их. Пока пойдут, в чем дело, глядишь, и рассвет. А утром им крышка.

— Крышка, говоришь... Хорошо. Возьми всех свободных и минируй. А мы отходим на северную сторону.

Лейтенант совсем забыл о разозлившем его костре. И внезапный залповый выстрел, разорвавший тревожную тишину, заставил его вздрогнуть и оглянуться. Костра как будто и не бывало. Для верности вертолетчики дали повторный залп.

— Вот и чайку попили, — усмехнулся он, - да еще с сахаром...

Кудрин никогда не узнает, что прибывшие вскоре чалмисты обнаружили десяток обгоревших, разбросанных трупов и чуть в стороне – бездыханное тело Тур Мухамеда. В живых от охраны каравана остался один лишь посланный Тур Мухамедом гонец, который вскоре, подорвавшись на mine, вознесется на небеса вслед за товарищами.

Лейтенант удовлетворенно колупнул грунт саперной лопаткой и вдруг неожиданно услышал свист, и метрах в двадцати от него раздался взрыв. Ничего не поняв, он упал на землю и задрал голову. Второй взрыв, подкинувший труп верблюда, рассеял сомнения.

— Этого еще не хватало, гранатомет подтащили, — выругался он. Поискал глазами кого-нибудь. Темнота, словно все вымерли.

— Есть кто живой? — крикнул он.

— Я живой, — появилась неунывающая физиономия Самошвили.

— Кацо! Быстро к Садыкову. Пусть организует уничтожение гранатомета. В лепешку расшибитесь, но заткните ему глотку. Иначе не дотянем до рассвета, накроют минами.

Самошвили, вспомнив про устав, лихо вскинул руку к головному убору, но, услышав свист мины, тут же распластался на животе.

Когда Олег поднял голову, грузина уже не было. Самошвили подбежал к сержанту Садыкову и выпалил:

— Командир приказал уничтожить пушку. Скорее! Тянуть надо до утра.

Садыков, несмотря на серьезность положения, улыбнулся:

— Пушку, говоришь? Хорошо. Попробуем. Пойдешь со мной?

— Айда, Рустам, и в огонь, и воду.

— Про медные трубы не забудь, — пошутили рядом.

Сержант молниеносно составил план. Решил под видом отходящих «духов» подползти к гранатомету и уничтожить его. А дальше как получится.

Они сняли с себя маскхалаты, напялили замызганные, воняющие дымом и потом халаты. Кое-как обмотали головы длинными кусками материи. Садыков осмотрел с ног до головы грузина и, повернувшись к ефрейтору Лунину, с усмешкой сказал:

— Вылитый Ахмат-хан. Душман Самошвили, вы готовы?

— Так точно, хозяин. Молиться будем?

— После помолимся, Кацо... Когда вернемся. Стреляют, сволочи.

Над головой пролетела очередная граната и разорвалась в глубине ущелья, беспорядочно разбрасывая смертоносные осколки.

Уничтожить гранатомет было чрезвычайно трудно, но необходимо. Поэтому сержант торопился.

— Луин, остаешься за меня. Передай вертолетчикам, что пойдём по западной стороне ущелья. Понадобится помощь — дам знать ракетами, пусть бьют по восточной. Ну, Кацо, Аллах с нами.

Он перескочил через линию обороны и сразу ощутил жуткое одиночество. Невольно оглянулся на товарищей, как бы прощаясь с ними. Позади запыхтел Самошвили, и они поползли, натываясь на валуны и безмолвные трупы людей. Случайно Садыков прикоснулся к липкому холодному лицу и резко отдернул руку. Захотелось вымыть ее, так омерзительна была встреча со смертью. Трупов попадалось все меньше, и Садыков понял, что они вышли из зоны вертолетной атаки. Про-

ползли еще метров двести и неожиданно услышали приглушенные голоса.

Минут пять лежали, прислушиваясь. Поняли — боевое охранение. Должно быть, двое. Хриплый голос о чем-то рассказывал напарнику, который время от времени нервно затягивался сигаретой. «Влепить бы пулю по огоньку, — подумал Садыков. — Нельзя, шум подымет, надо снять осторожно, тихо».

— Кацо, — прошептал он, — ложись ко мне на спину, стони, как можно сильнее и приготовь нож. Приблизимся вплотную — бей левого, а я правого. Если больше двоих, придется пошуметь. Может, обойдется.

Грузин обхватил сержанта за шею, взгромоздился на него, зажав нож в зубах, и застонал. Садыков привстал на колени, затем выпрямился во весь рост и сделал первый шаг. Под ногами предательски зашуршали голыши. Голоса смолкли, щелкнули затворы автоматов. Хриплый голос о чем-то спросил и, не дождавшись ответа, тревожно крикнул. Садыков ущипнул Самошвили за ноги, который удручающе застонал в ответ. Шаг за шагом они приблизились к охранению. «Духи», прошедшие огненный ад воздушной и рукопашной мясорубки, сочувственно переговаривались и тревоги не поднимали. Да и не первыми были эти бедолаги, полуживыми возвращавшиеся из неудачной атаки. Сержант осторожно снял со спины стонавшего Самошвили. Будто в изнеможении прислонился к скале, вытащив из кармана нож. Его снова окликнули. Он промычал что-то в ответ. Из темноты выступили двое. Один подошел к грузину, держа в левой руке автомат. Склонился над ним, пытаясь выяснить, куда он ранен. Второй похлопал по плечу Садыкова и ободряюще затараторил на своем языке. Так и не вытащив нож, сержант опрокинул его на землю. Пнул носком сапога в висок. Оглянулся и увидел резкий выпад правой руки грузина в сторону нагнувшегося «духа». Тот упал на Самошвили, который вторым ударом прикончил его.

Вдвоем они быстро связали руки и ноги, заткнули рот не пришедшему в сознание «крестнику» Садыкова. Не таясь, побежали по ущелью.

За поворотом тропы показался слабый огонек. Они остановились и замерли в ночной темноте. Костер горел в небольшой пещерке. Полукругом сидели несколько человек. Лица их были

сумрачны и хмуры. Скупно перекидывались фразами, потрясенные пережитым недавно испытанием. Держали в руках кто кружку, кто консервную банку, отхлебывая из них горячий чай. Оружие лежало в стороне, забытое и никому не нужное. В отблесках пламени огня мерцал гранатомет, расположенный на открытой местности.

Садыков рукой указал грузину на костер, ткнул пальцем себя в грудь и указал на гранатомет. Кацо закивал головой и прошептал:

— Понял, Рустам.

Около гранатомета суетились двое молодых веселых душманов, третий угрюмо наблюдал за ними. После каждого выстрела они удовлетворенно хмыкали и готовились к новому выстрелу. Эти двое, вероятно, не участвовали в рукопашной схватке. Совсем молодые парни радовались жизни, надеясь, что беда обошла их стороной. Угрюмый поторапливал их. Еще не очухавшись от страшного боя, он был зол на весь мир и торопился отомстить русским, которые захватили караван, защищаются, а не спасаются бегством, как сделал недавно он. Угрюмый первым заметил выступившего из темноты Садыкова, растерянно заморгал глазами, поперхнулся, произнеся протяжное «а-а-а». Двое весельчаков удивленно взглянули на него. Один украдкой повертел пальцем у виска и, сдерживая смех, подал гранату товарищу.

Садыков выпрямился во весь рост. Чалма на его голове размоталась, и конец ее свесился на землю. Халат он скинул, и в своем «хэбэ» почувствовал себя уверенней. Не торопясь, размахнулся и одну за другой швырнул две гранаты, спрятавшись за выступ скалы. Первая ударила в грудь оцепеневшего от страха угрюмого, отскочила к ногам и взорвалась, отбросив его тело на ствол гранатомета. Вторая граната упала между весельчаками, изрешетив их осколками. Сержант выскочил из укрытия, оттолкнул труп угрюмого и сунул гранату в ствол гранатомета. Раздался глухой взрыв.

Самошвили не стал долго раздумывать. Все его гранаты полетели в середину костра, разметав людей в разные стороны. Для верности пустил веером длинную очередь из автомата. Приподнялся с земли и приблизился к трупам. Машинально ковырнул носком сапога тлеющие головешки костра. Обо-

шел всех семерых убитых, которые в разных позах застыли на камнях. Посмотрел первому в лицо и отшатнулся. На безусом молодом лице застыла вечная добрая улыбка. Глаза смотрели на грузина, как бы пытаясь рассказать ему веселую историю. Кацо подумал, что он жив. Взял теплую ладонь, пощупал пульс. Пульса не было.

Смерть душмана потрясла его. Молодой парень, не старше него. И почему он так хорошо улыбался, сидя у костра? Самошвили захотелось вернуться обратно, еще раз посмотреть на доброе веселое лицо парня и, может быть, спасти его. Но вспомнив о красных пятнах на груди душмана, он отбросил эту мысль и ускорил шаги. Неосторожно толкнул в спину Садыкова, который удивленно оглянулся:

— Ты как лунатик, Кацо. Что тебе, места мало? Или все переживаешь? Самошвили промолчал и обогнал сержанта. Бояться было некого, и они шли в полный рост. Тишину нарушил выстрел из винтовки, потом еще один. Чем-то обожгло живот грузина. Он недоуменно поднял голову и тут же застонал от резкой боли, ноги подкосились, и он рухнул на спину. Садыков волчком крутанулся на земле и, не обращая внимания на боль в правом плече, выпустил длинную очередь из автомата в сторону выстрелов. Быстро перезарядил его и, стреляя на ходу, бросился вперед. Его душман, тот самый, которому связали руки и ноги, дергался в судорогах. Руки его были развязаны и сжимали винтовку. Очередь из автомата сержанта вошла в голову душмана, изуродовав лицо и шею. Он еще услышал шаги Садыкова. С трудом поднял свое изуродованное лицо, превращенное в красноватый кусок пульсирующего мяса, жалобно простонал и затих, уткнувшись кровавым месивом в песчаную пыль. Садыкова, как на входе в ущелье, снова чуть не вырвало. Он отвернулся и нагнулся над телом грузина, обмотал бинтом его живот и взвалил на спину. Теперь он брел обратно, и снова грузин лежал на его спине и снова стонал разрывающим душу голосом. У сержанта подкашивались ноги, хотелось протереть глаза, которые щипало от попавшего пота и слез, выступивших от перенапряжения. Жгло рану, гудело в голове. Как заведенный, он упорно передвигал ногами, пока не свалился на землю. Встать на ноги он не смог

и тогда пополз, как червяк, таща за собой грузина. С трудом вытащил ракетницу и выстрелил в небо.

Их ждали. Подхватили под руки Самошвили. Кто-то сунул фляжку в губы Садыкова, который взалхлеб опорожнил ее. Вверху загудели вертолеты. Ларин бросился к рации и предупредил вертолетчиков о ложной тревоге. Когда он вернулся, Садыков подозвал его:

— Забирай ребят и к лейтенанту. Оставь мне пулемет, не бойся, они тут не пойдут, а там будет жарко. Доложи, гранатомет уничтожен. Матвееву передайте: за жизнь Кацо отвечает головой, так и передай — головой. А теперь идите, — устало проговорил он, удобней устраиваясь за пулеметом.

Вновь наступила тишина. Зловещая, предутренняя. И только уютжили небо невидимые вертолеты.

Самое безопасное место было под козырьком скалы, где расположился фельдшер Матвеев. Он сновал между носилками и поил раненых водой. Воды оставалось мало, и вся она была сосредоточена в руках Юрия. Кудрин приказал вырыть котлован и обложить его камнями. Сюда собрали всех раненых, а в дальнем углу положили убитых. Пленный освоился со своим положением и неумоимо носился среди раненых, стараясь заслужить доверие сердитого доктора.

Ахмет сел рядом с Кудриным. Второй афганец, неразговорчивый, с обожженным лицом — Хасан, куда-то запропастился, что не в меньшей степени волновало обоих.

— Как думаешь, Ахмет? Где он? — спросил Кудрин.

— Мститель-одиночка. Засел где-нибудь с ножом и поджидает жертву.

— Может, Махмуд видел его?

Пленный утвердительно замотал головой и, указывая рукой на север, затараторил. Ахмет оживился:

— Гляди-ка, справочное бюро. Возьму его в свою команду, глазастый, черт. Говорит, что Хасан ушел следом за ленинградцами. Он, Олег, жареного петуха носом чует, надо бы еще послать кого-нибудь им в подкрепление.

— Людей мало, Ахмет. Видишь, в котловане большинство ребят. Если бы не Садыков с Самошвили — все бы там были. Огонь гранатомета по пристрелянной цели — опасная штука.

Кстати, Ахмет, сержант ранен и остался один. Вот кому необходимо послать подкрепление.

— Идти надо мне. Я думаю, мой отец не захочет лазить по горам, слазить с коня. Не тот возраст. Старик неплохой стратег, всю жизнь с кем-нибудь дерется. Если я не ошибаюсь, основной удар нанесут отсюда, а вспомогательный с обоих выходов из ущелья. Людей у отца много, и он может себе позволить распылить силы.

— По докладу Садыкова, на входе в ущелье душманов нет.

— Они могли спрятаться в какую-нибудь лощинку или каньон, выждать и ударить.

— Убедил, Ахмет. Двигай к сержанту.

Ахмет поздравил пленного и долго ему что-то втолковывал. Махмуд кивнул головой и приложил руки к груди, с уважением посмотрев на Кудрина.

— Я ему сказал, если что случится со мной, держись командира. Неплохой парнишка. Говорит, раз я его спас, теперь буду ему старшим братом и его долг подчиняться мне. У нас развито чувство почитания старших. Нахваливает моего отца, говорит, старик честный, справедливый человек, а вокруг него одни собаки и кровососы. В этом духе. Мне пора, командир. Скоро утро. Встретимся на рассвете.

— Хорошо, Ахмет. Будет худо — отходите к скале, здесь будем держаться до последнего.

Лейтенант обошел раненых, задержался около Самошвили. Грузин был без сознания и тяжело стонал. Рядом с перебитыми осколками гранаты ногами лежал Крылов.

Олег взглянул в конец котлована, где лежали семеро погибших ребят его взвода. Он тяжело вздохнул и вышел наружу. Все боеспособные десантники находились на северной стороне ущелья, метрах в трехстах от медпункта. Кудрин насчитал четырнадцать человек. Садыкова с Ахметом и ленинградцев в расчет не брал, знал, что без приказа они позиции не оставят. В зыбкой полутьме рассвета догорали деревянные ящики, и дым тонкими струйками поднимался в небо. Всюду громоздились скалы, вершины которых терялись в сумрачной темноте. Ущелье выглядело пустынным. Как-то не верилось, что на входе его залегли Садыков и Ахмет, на выходе притаились ленинградцы и где-то спрятался мрачноватый

Хасан. Не было видно и котлована с ранеными, скрытого козырьком огромной скалы. Вверху монотонно и однообразно работали двигатели вертушек. Слух принимал шум двигателей как должное и необходимое. Словно так было всегда. Глаза лейтенанта поочередно выхватывали лица десантников. Он старался отыскать в них что-то особенное, памятное. Это утро и этот бой не повторятся. То, что они сделали и еще предстоит сделать, будет единственным и неповторимым в их жизни делом и, может быть, подвигом. Но лица ребят были спокойными и до обидного обыденными. И вряд ли кто думал о подвиге, о героизме, о возвышенном. Каждый оставался наедине с собой и думал о чем-то своем, сокровенном, скорее всего, совсем отдаленном от настоящей действительности.

Сержант Ефремов кусал стебелек травинки, полуобняв ствол автомата, устремив немигающий взгляд в сумрачную даль.

Рядовой Дима Озеров щелкал патронами, заполняя пулеметную ленту, что-то бубня себе под нос. То ли напевая песню, то ли считая патроны.

Снайпер Аркаша Старостин, прищурившись, смотрел в оптический прицел.

Миша Ларин прислонился к рации и дремал с наушниками на ушах.

Остальных десантников не было видно. И предстоящий бой показался Олегу нереальным и невероятным, противоестественным в этой идиллии наступающего рассвета. Не хотелось верить, что нарушат тишину разрывы мин и снарядов, снова прольется кровь. И эти парни, его родные ребята, забудут о матерях и невестах, отбросят усталость и застрочат из автоматов с яростными и злыми лицами. И ему самому будет некогда философствовать. Как все, он азартно и безжалостно будет стрелять и стрелять в таких же озверевших врагов.

«Еще часок, и нам сам черт не страшен, — удовлетворенно подумал он, взглянув на часы. — Наши где-то на подходе, да и десант можно будет высадить поутряне. Может, и ошиблись мы с Ахметом? «Духи», махнув рукой на караван, убрались восвояси? Все, что ни делается, — к лучшему. Однако не затем положил Усман Алиханов своих людей там, на входе, чтобы

смириться с поражением. Старик с гонором, тем более, рвется на родину. Надо ждать...»

Он встрепнулся от разрыва мины, потом еще одной. Послышался чей-то жалобный крик. По спине пробежал озноб, стало страшно. «Сейчас пойдут!» — решил Кудрин. Вскинул руку и выстрелил осветительную ракету. Радостно понял, что темень отступает, и с каждой минутой становится светлее. Приставил к глазам бинокль и напряг зрение. В утренней дымке различил маленькие фигурки людей, спускающихся по склону тропы. Впереди на карачках ползли несколько человек, отыскивая мины и тут же обезвреживая их. То и дело раздавались взрывы. Поняв, что обнаружены, «духи» пошли напролом, погнав впереди смертников.

— Ларин! Передай вертолетчикам: полезли и здесь.

Радист включил рацию. В наушниках затрещало и Михаил услышал голос 261-го.

— Броня на подходе. Через полчаса будет на месте. Противника не наблюдаю, работаю по разрывам мин. Как поняли?

— Командир, — крикнул Ларин Кудрину, — броня будет через полчаса. Дим Димыч спрашивает: работать по разрывам мин? Душманов не наблюдает.

— Передай, работать с курсом 200°, строго вверх, — крикнул радисту лейтенант, пристраиваясь около пулеметчика.

Капитан Голиков знал свое дело. Султаны разрывов накрыли смертников, заставив основную массу наступающих отхлынуть назад. Душманы рассредоточились по краям тропы, и теперь отвесные скалы предохраняли их от прямых попаданий реактивных снарядов. Некоторые смельчаки пытались, минуя узкий пятачок, переползти в ущелье, но были остановлены серией внезапных подрывов замаскированных мин. Сотник Рафис, командир батальона чалмистов, очень гордился расположением Усмана Алиханова. Теперь он должен оправдать доверие старого хана и разбить этих русских. Базарбай поторопился встать на пути старика и безжалостно раздавлен. Туда ему и дорога. Теперь он, Рафис, займет его место. Путь к почестям и славе идет через это проклятое ущелье. Он сломит сопротивление неверных, возьмет караван и даст старику прорваться на родину. Рафис хорошо понимал, что под

непрерывными ударами вертолетов их воинство не выдержит. Исход боя может решить одна мощная атака в лоб. Необходимо пожертвовать ударным отрядом головорезов, прошедших спецподготовку и названных стариком Усманом чалмистами. Потерь среди них не было. Они шли сзади, по следам «пушечного мяса». От общей массы душманов они отличались молодостью, отвагой, организованностью и дисциплиной. Самое главное — утопической верой в ислам и ненавистью ко всем иноверцам. У них была и своя форма, позволяющая отличить чалмиста от всякого сброда.

Белая чалма, красиво обмотанная вокруг головы, черные халаты, подогнанные по размеру, кожаные полусапожки или хромовые сапоги, плотно обтягивающие икры ног. Они были опоясаны широким ремнем, на котором болтались гранаты и запасные рожки. У каждого — современный автомат, в кобуре на боку пистолет и в чехле под халатом нож.

Все же Рафис сделал серьезную ошибку, не захватив с собой миноискатель и гранатомет. Теперь он наверстывал упущенное, посылая жалких оборванцев торить дорогу чалмистам. Он махнул рукой, и его элита, скользя, как змеи, маскируясь за трупы убитых, заняла плато.

Снайпер Аркадий Старостин вопросительно взглянул на лейтенанта.

— Давай, Аркаша, выбирай чернохалатников, создай им нервную обстановку.

Кудрин повернулся к Ефремову:

— Игорь, первыми атакуют чалмисты. Передай по цепочке: надо заставить их залечь. Затем быстро все под козырек скалы. Сюда наведем вертолеты. Броня на подходе, продержимся. Огонь по моей команде.

Старостин неторопливо передергивал затвор «снайперки», выискивал жертву в оптический прицел и плавно нажимал на курок. Отсюда не было видно результатов стрельбы. Но по первым вскрикам можно было судить, что такое положение долго не продержится, и душманы поторопятся с атакой.

— Командир! «Духи» пошли, — крикнул, оторвавшись от прицела, Старостин, торопливо передергивая затвор и почти не целясь, стрелял в сгрудившуюся на пяточке толпу.

— Вижу, — процедил сквозь зубы Кудрин, опуская бинокль и выкладывая на бруствер ручные гранаты. Повернулся к пулеметчику. — Уменьши прицел, не суетись, жарь длинными, заставь их залечь.

Мощный рев сотни глоток ворвался в предрассветную тишину. Сплошная серая масса спустилась с плато в ущелье, начала наступление. Казалось, этот черный поток вырвавшейся на свободу горной реки не сможет остановить никакая сила, что он сметет все препятствия на своем пути. Разгоряченный, подхваченный общим воем Рафис, размахивая наганом, рвался протолкнуться вперед, устремляясь навстречу гибели.

Лейтенант сохранил спокойствие до последней минуты. Он отбросил ставший ненужным бинокль. Как там, на входе в ущелье, все казалось невероятным, нереальным, происходящим не с ним, совсем не вписывающимся в красоту наступающего утра. Он неожиданно громко простонал, представив этих людей в той омерзительной картине смерти, которая открылась ему там, на входе. Помедлил секунду, чувствуя на себе недоумевающие взгляды ребят, и решительно махнул рукой.

Кинжальный огонь пулемета врезался в толпу. Застрочили автоматы, и редко какая пуля пролетала мимо. Чалмисты падали десятками. Живые давили раненых и упавших, ступали по трупам, упорно преодолевая оставшиеся метры до десантников. А на открытое плато стекали новые волны душманов и устремлялись вслед товарищам. Метрах в тридцати атака чалмистов выдохлась. Трудно было понять, кто убит, а кто жив — так густо чернели тела на песчаном грунте.

Кудрин отчетливо понял, что подошел предел возможностей. Если он не предпримет что-либо экстренное, им не сдержать удара залегших вблизи чалмистов.

— Дима, передай по цепочке. Всем отходить к скале немедленно! Я прикрою, — крикнул он Озерову, лежавшему за пулеметом. — Ларин, вызывай огонь вертолетов на себя, бросай рацию и — к скале. Только быстрее, ради Бога!

Пулемет неожиданно смолк. Кончилась лента. Кто-то протянул Олегу новую. Краем глаза заметил Озерова, выругался и снова нажал на гашетку.

— Командир! Вертолеты атакуют, — услышал он голос Ларина.

— И этот тут,— разозлился Кудрин и, оглянувшись назад, заметил, что большинство десантников приблизились к спасительной скале. Из котлована им протягивали патронные рожки, ручные гранаты, и ребята падали в укрытия, огнем прикрывая командира.

— Миша, отходите, — крикнул лейтенант радисту, зарядив новую ленту в пулемет.

— А вы, командир?

— Двигайте. Марш в укрытие оба. Я следом.

Михаил вскочил на ноги и побежал. Запнулся о камень и ткнулся носом в чье-то тело. Удивился, увидев живого и невредимого пленного.

— Ты чего? — угрожающе рыкнул на Махмуда. — Сбежать хочешь?

Тот глазами показал на Кудрина и, схватив Ларина за рукав, что-то затараторил. Оглушительный грохот прервал их объяснения. Несколько ракет попали в ящики с боеприпасами, которые взорвались, разнося в клочья набегающую толпу. Обезумевшие люди метались в логове дыма и гари, вскидывая в ужасе руки, кричали, пытаясь вырваться из огненного ада. Позади них бушевало всепожирающее море огня, впереди строчили автоматы в руках десантников, а с безоблачного неба убийственно грохотал ракетный гром вертолетных выстрелов.

Кудрин успел отбежать несколько шагов от пулемета, когда за спиной раздался грохот. Он хотел оглянуться, но что-то ударило в голову и толкнуло в спину. Олег еще успел сообразить, что это взорвались боеприпасы. В глазах его потемнело и, сделав еще шаг, он рухнул на землю. Завыл, закричал пленный афганец. Полуоглохший Ларин с трудом оторвал голову от земли и взглянул на пленного. Перевел взгляд назад, куда тыкал пальцем Махмуд. Вздвогнул от вида горящих людей и подскочил, как на пружине, не увидев нигде командира. Снова услышал бормотание Махмуда. Увидел лежавшего на краю огненного вала Кудрина. Вскочил на ноги и бросился к нему. Махмуд обогнал его и первым склонился над Кудриным, поцокал языком и осторожно приподнял за плечи. Они подхватили тело командира под мышки и, не оглядываясь, потащили в сторону от огня и пламени. Навстречу выскочили сержант Ефремов и Старостин. Наступило утро.

Два ленинградца — Виктор Дектярев и Сергей Неделин — долго выбирали удобную позицию. В принципе, выхода из глубокой лощины не было. Она продолжалась и дальше. Но здесь ущелье пересекал узкий, с отвесными скатами, каньон, который, изгибаясь в виде подковы, брал свое начало на той стороне границы.

Лейтенант подробно объяснил им его местонахождение. Выходило два километра от медпункта, взятого за точку отсчета. Ближе выходов в лощину не было, и они, добросовестно отсчитав шаги, зажгли факел.

— Мертвецки темно, — выругался Виктор, озираясь вокруг. — И какой дурак будет лазить по горам в такую ночь?

— Кому как, — отозвался Сергей. — Кто в городе никогда не бывал, тому село Ленинградом покажется.

— Ты-то когда-нибудь в деревне был?

— Случалось. У меня дядя в Поволжье живет. Ездил к нему в гости.

— А я только в пионерлагере город повидал, а так не приходилось.

— Много потерял. Отстал ты, Витя, от жизни.

— Стоп, Серега! Вот он, этот каньон. Ошиблись на сто шагов.

— Ты уверен, что не прошли?

— Уверен. Ты шаги считал, а я стену ощупывал. Ни одного спуска не было, сплошной камень. Тут расположимся?

— Нет. А вдруг этого аксакала принесет сюда нечистая сила? Прыг из расщелины — и заказывай панихиду по рабам Божьим Виктору и Сергею, усопшим по своей глупости. Надо отойти назад и там залечь.

— Верно, пошли, а то хрен его знает, что у них на уме.

— Потуши, Витя, факел, неприятно. Будто целится кто в тебя.

— Ладно. Считай шаги, выберем позицию и уйдем во мрак.

Отсчитав сто шагов, осмотрели обрывистые скаты. Не обнаружив признаков тропок и сухих русел речушек, установили пулемет, обложили его камнями. Потушили факел и затихли, вслушиваясь в тревожную тишину.

Вдруг слышались легкие шаги и чье-то бормотание. Неделин, перевернувшись на левый бок, крикнул:

— Стоять!

— Своя, своя. Хасана я, — отозвался из темноты знакомый голос афганца.

— Ей-Богу, Хасан, — удивился Дектярев. — Тебя командир послал?

— Помощь пришел, сама пришел, душман лезет — убивать буду.

— С чего ты взял? Светать скоро будет, а ты — «духи». Лейтенанта или Ахмета предупредил?

— Ага, Махмуда сказал, пошла к вам.

— Нашел кому докладывать. Вечно ты, Хасан, со своими фокусами. Раз пришел, не маячь, ложись рядом.

— Нет. Дальше надо засад делать, душман вас погоню.

— Откуда им взяться, Хасанчик? Ложись рядом, дорогой, не ерепенься.

— Не уговаривай, Виктор. Он только майора Быстрова слушается. Хасан, мы через часок к своим рванем. Тебя подождать или ты весь день в засаде просидишь?

— Душман старый, умный аксакал, он послал джигит на перевал, хребет. Эта, как ее, дырька выйдет. Я бить их спину, вы пулеметом та-та-та.

— Предложение дельное. Только навряд ли кого тебе бить придется. Слышишь взрывы мин? Полезли, сволочи, на ребят.

— Возвращаться надо. Нашим трудно придется.

Хасан протестующе замахал руками. Постукал пальцем по циферблату часов:

— Ждать надо, будет душман. Я пошел засад.

Неделин нервно закурил, пряча бычок в широких ладонях.

Минут пятнадцать лежал молча, с беспокойством прислушиваясь к разгоревшемуся бою. Когда ударили вертолеты, не выдержал и вскочил на ноги.

— Уходим, Витек. Кудрин приказал с первыми петухами возвращаться. Там каждый ствол на счету, а мы загораем, ждем у моря погоды.

— Да, штормит у ребят. Хасана предупредить надо, пусть вылазит из своей берлоги.

Неделин кивнул, встал на ноги, отошел метров пятьдесят от пулемета, сложил ладони рупором:

— Хасан! Мы уходим. Догон... — оборвал он, хватаясь руками за грудь и падая на живот.

По ущелью прокатилось эхо одиночных выстрелов. Пуля, взвизгнув, срикошетила о камень у головы Дектярева. Виктор вдруг осознал, что случилось страшное и непоправимое. Понимая, что Неделин убит, все же крикнул:

— Серега, назад! Серега... — он захлебнулся в собственном крике, почувствовав, как больно обожгло ноги. Подтянул их под себя и осторожно выглянул из-за камня. Успел заметить несколько чьих-то фигур, приближающихся к нему. Резко нажал на гашетку пулемета, срезав нападающих длинной очередью.

Забыв о боли, он костерил последними словами «духов», стрелял, стрелял и стрелял. Все же вовремя распознал ползущего Хасана и отвел ствол пулемета в сторону. Афганец сорвал с плеча винтовку и несколькими выстрелами добил оставшихся в живых «духов». Прислушался и победно затряс карабином в воздухе.

Виктор, преодолевая боль в ногах, пополз к Сергею, растегнул его маскхалат и попытался остановить кровь, заливавшую сильную грудь друга. Прислонил ухо к его сердцу, схватил руку, пытаясь нащупать пульс. Обнял Сергея за плечи и заплакал, уронив голову на бездыханное тело земляка. Вскоре, объезжая их, пронеслись юркие бэтээры, с которых смотрели десятки сочувственных глаз. Его обняла Ольга Данилова, ласково погладила волосы, прошептала:

— Мальчики, что они с вами сделали...

Усман Алиханов успокаивал всхрапывающего коня, гладил по упругой шее. Жеребец испуганно танцевал на месте, вздрагивая от выстрелов. Верные воины перебирали поводья в руках, готовые по сигналу старого аксакала пустить лошадей в атаку. Солнце коснулось лучами отвесных скатов лощины, и выглянувший из-за горного выступа Мамед Керимов немедленно доложил:

— Двое с пулеметом. Идут вниз. Что делать будем?

— Лишь бы эти двое не помешали нам. Пока не трогай. Помолимся, Мамед, вложим в руки Аллаха наши души.

Не успели колени Усмана коснуться скалистого грунта, как яркие вспышки прорезали горизонт. Старик встrepенулся

и с ненавистью проводил взглядом вертолеты. Понял, что нужно немедленно атаковать, иначе будет поздно.

Он молодо вскочил на своего жеребца, выхватил из кобуры маузер и, потрясая им в воздухе, закричал:

— Вперед! Покараем неверных!

Полусотня, скинув с плеч винтовки, понеслась по ущелью.

Ахмет с тоской смотрел на вершины гор и горестно думал об отце. Перед глазами проносились картины далекого детства, их кишлак и отец, подсаживающий его на круп кобылы. Из дувала выходит счастливая мать и, прищурившись, смотрит на сына. Затем Ахмет держит в руках отцовский маузер и целится в старый горшок, повешенный на изгороди. Отец часто пропадает из дома, и в один несчастный день мать умирает от брюшного тифа. Приходят какие-то люди и посылают Ахмета учиться в Советский Союз.

Грянула революция, и сын обнял постаревшего отца на пороге тюрьмы.

Старик не допускал мысли, что его сын может думать по-иному и является работником органов контрразведки. Они колесили по свету, клянчили оружие и деньги, создавая опорные базы подготовки отрядов. Уходили караваны и банды через границу и попадали в искусно расставленные засады. Нашелся предатель и рассказал все отцу. Усман проклял сына и поклялся своей рукой покарать изменника.

Залп вертолетов и черные клубы дыма, вырвавшиеся в поднебесную высь, накрывшие черной копотью одинокую скалу, где находился последний пункт обороны, заставил Ахмета и Садыкова выскочить на середину ущелья. Послышалась стрельба где-то вблизи. Садыков вопросительно посмотрел на Ахмета. Тот приставил палец к губам и замер в неподвижности. Уловил не вписывающиеся в общий грохот далекие выстрелы.

— В тыл ударили, там ленинградцы и Хасан прикрывают. Неужели отец сам полез в горы? — нерешительно проговорил он.

— Какой еще там отец? Что будем делать, Ахмет?

— Бери пулемет и двигай на подмогу лейтенанту. Неужели ошибся, не разгадал старого аксакала?

— Что-то темнишь ты, Ахмет. То отцом, то аксакалом какого-то «духа» называешь, — на ходу бросил Садыков, торопливо засовывая запасные ленты в патронный ящик и взваливая на плечо пулемет.

Ахмет не ответил. Схватив патронный ящик, бросился догонять тяжело идущего сержанта. Впереди вспыхивали зарницы пожара, суетились фигурки людей. С новой силой застрочили автоматы из-под козырька скалы. Вдалеке за клубилась пыль, слышалось урчание двигателей бэтээров. Сержант устало опустил пулемет на землю, обтер панамой пот с лица. Радостно повернулся к Ахмету. Охнув, бросился за пулемет, крикнув:

— Ахмет! Сзади «духи»!

Афганец упал лицом вперед, развернулся, сорвал с плеча автомат и передернул затвор. Перед глазами мелькало лицо отца. Их взгляды встретились, засветились мгновенной радостью неожиданной встречи. Ахмет задержал свой палец на спусковом крючке и, как замороженный, уставился на морщинистое лицо старого Усмана. Он не заметил, как всадник, скакавший бок о бок с отцом, приподнял дуло винтовки и, не целясь, ловко выстрелил. Что-то обожгло его левый глаз, прострелив вместе с яблочком образ отца, вошло в мозг и раскололо черепную коробку, брызнув сгустком кровеносных пульсирующих сосудов на воротник маскхалата.

Сбоку торопливо ударила пулеметная очередь, и несколько всадников кубарем скатились на землю. Остальные, не оттаиваясь, проскакали метров двести и встали, как вкопанные, поднимая коней на дыбы. Навстречу по ущелью неслись бэтээры и танки. Всадники повернули лошадей и, нахлестывая их плетками, понеслись обратно под губительный огонь пулемета Садыкова.

Мамед Керимов снова приподнял дуло винтовки, но выстрелить не успел. Он, вытаращив глаза, захлебываясь кровью из перерезанного пулями горла, вылетел из седла под ноги скакуна Алиханова. Жеребец Усмана испуганно заржал, вздрогнул и остановился. Упал на передние ноги, дико фыркнув, повалился на бок. Старик соскочил с лошади и, держа маузер в руке, подошел к сыну. Да, это был его Ахмет, убитый верным

Мамедом, который еще хрипел простреленным горлом, выплескивая на песок остатки жизни.

«Ему не поможет и сам Аллах, — подумал старик, проходя мимо верного телохранителя, направляясь к сыну. Увидев рану, понял, что Ахмет мертв. Осторожно положил простреленную голову сына на колени и погладил его курчавые волосы. Посмотрел на спину русского. Садыков, заметив старика с маузером в руке, беспомощно повернулся к нему, с ужасом понимая, что не успеет развернуть пулемет и упадет сраженный пулей этого плешивого старика. Но душман не выстрелил. Долгим печальным взглядом посмотрел на молодого безусого русского, опустил маузер, уронил голову. Садыков схватил автомат, наставил ствол на старика, держа дрожащий палец на спусковом крючке. Успокоился, увидев подъезжавшие бэтээры. Неожиданно вспомнил последние слова Ахмета о каком-то отце-аксакале. Веря и не веря догадке, подошел ближе и ужаснулся выражению лица старика. Любовь, жалость и усталость отражались в его слезящихся глазах, застыв в них всеми муками и печалью разбитого сердца. Старик приподнял голову, сознание его прояснилось, и он виновато улыбнулся молодому солдату. Повелительным жестом властной руки попросил оставить его одного.

Сержант, как замороженный, поспешно кивнул, повернулся к подъехавшему бэтээру, почувствовав сильную слабость. Вздрыгнул от одиночного близкого выстрела. Повернулся и удивленно посмотрел на старика, который, неуклюже положив голову на плечо Ахмеда, застыл в неподвижности.

Садыков, догадываясь о случившемся и боясь поверить в это, еле передвигая ноги, подковылял ближе. Откинул носком ботинка еще дымящийся маузер, увидел струйку крови, сбегавшую изо рта старика на его подбородок.

Вокруг сгрудились прыгнувшие с бэтээров десантники и отводили в сторону глаза, инстинктивно боясь встретиться с печальным взглядом старика.

Сержанта обняли за плечи, и он услышал знакомый голос комбата:

— Пойдем, старина. Нам здесь делать нечего.

ЭПИЛОГ

Электричка остановилась на небольшой опрятной станции в Подмосковье. Я спустился на землю из полупустого вагона и снял летнюю кожаную куртку. Вечер обещал быть теплым и солнечным. Подхватив небольшой чемодан, вышел на окраину поселка и зашагал по пыльной дороге в сторону лесного массива. На опушке, заросшей сердитой крапивой вперемежку с широкоухими лопухами, стояла выцветшая от времени табличка: «Берегите лес — наше богатство!» Усмехнулся про себя, подумав, что наверняка она на десяток лет постарше этого соснового бора, а тот лес, который она призывала беречь, давно уже срубили. Я передохнул на ветхой скамейке, чудом не подломившейся подо мной, и уверенно зашагал по утопанной тропинке в глубь леса.

Примерно через час появились редкие просветы в сменившейся ровные шеренги молодых сосенок смешанной чаще лиственных деревьев. С нетерпением прибавил шаг и наконец-то увидел деревушку, живописно раскинувшуюся по берегам небольшой речки, запруженной старым дедовским способом — землей и лопатой.

Вся поверхность пруда была покрыта овальными пожелтевшими листьями, стебли которых терялись в темно-зеленом скоплении вязкого ила. Лишь в середине и около самой запруды контрастно вырисовывались окна чистой воды, притягивающие к себе внимание рыболовов и детворы.

Память не изменила мне. И станция, и табличка, и тропинка, и деревушка были в точности такими, какими я их представлял со слов Олега Кудрина. Наугад постучался в ближайший дом, приглянувшийся мне красотой резных наличников. Вышедшая на порог хозяйка отряхнула покрытые белой мучной пылью руки и сдержанно поздоровалась, с какой-то суровостью и подозрительностью спросила:

— Вы кто будете? Не из райсобеса ли, молодой человек?

Я отрицательно помотал головой и, чтобы отделаться от лишних вопросов, пояснил ей, кто я такой, к кому и зачем приехал.

Морщинистое лицо пожилой женщины расцвело доброй, приветливой улыбкой, и, гостеприимно приглашая меня в дом, она скороговоркой пояснила:

— Ездют тут все... Агитируют перебираться в райцентр. Сколько деревень загубили, все им мало. Не пойму, зачем нам покидать родное местечко: и лес здесь, и речка, и воздух чистый, без машинной гари, мама с папой похоронены...

Она подала мне кринку парного молока. Я с удовольствием припал к ней губами.

— Вот так, сыночек, мы и живем, — насладившись зрелищем моей довольной физиономии, продолжила она. — Молодежь-то на стройки да в города подалась, одни старики остались. А что молодым-то здесь делать. Ни работы, ни театров, дорогу и ту сделать не могут. И начальства никакого, некому за нас заступиться. Бригадир Ванька Погорелов вечно в райцентре околачивается, приедет домой, так в стельку пьяный в клубе отсыпается или шукает, где бы опохмелиться. Давно пора гнать его в шею, не знаю, о чем только в правлении думают. Слышала я по радио, что больше зорить деревни не будут. Правда ли это, сынок?

Немного опешивший от потока информации о жизни сегодняшней деревни, я собрался с мыслями и в простых словах постарался пояснить ей нынешнюю политику по сельскому хозяйству.

Она неожиданно прослезилась, но затем облегченно вздохнула.

— Дай-то Бог. Может, и сыночки мои вернутся. Напишу им, нечего блукать по свету. Мой старик-то тоже говорит, опомниться власти должны, нельзя землю без присмотра оставлять. Мы умрем, кто ее приголубит, родимую? Ванька Погорелов? Так он и пьет-то потому, что на все махнул рукой. А в парнях справным был, и руки золотые. Поставить над ним умного человека, уважить его, так он горы свернет и пить бросит. Это я вам точно говорю. Ну да ладно, заговорила я вас. Спасибо вам на добром слове. Значит, вы к Кудриным, внучка Олежки товарищ? Больно уж убивались старики, получив похоронную. Мамаша-то его, дочка Анискина, Наташенька, слегла, говорили,

парализовало ее. Единственный сынок. Наталья-то на поправку пошла, но пока еще не приезжали; хорошо, мужик ейный, отец Олежки, золотой попался. Ухаживает за ней. Старики на все праздники в город ездют, могилку попроведовать. И к ним приезжают, изведывают. И сейчас девушка, баская с лица, поговаривают, Олегова невеста, с мальчонкой своим гостит. Она часто приезжает. Максим-то у нас за главного, если бы не он, так, наверное, сосватали бы нас в райцентр, погибла бы деревня, — пояснила женщина на прощание.

Я пожелал ей долгих лет жизни. Благодарный и озаренный счастливой догадкой, поспешил к указанному дому, расположившемуся вблизи величественной полуразвалившейся кирпичной кладки старого строения. «Церковь, что ли, была?» — подумал я, открывая проржавевшую шеколду голубой калитки.

Двор был полон птицы и скотины. Около сарая жевала свежий клевер белобокая корова со звездочкой на лбу. Рядом прилежал теленок, тыкаясь теплой мордочкой в бок матери. Довольно хрюкали в хлеву свиньи, в огороде носился выводок желтых цыплят, резво сбегаясь на зов-кудахтанье матери, вдоль палисадника расположились дремлющие куры, возле которых, искоса поглядывая на них, выхаживал коричневый петух. Над деревянной колодой горделиво гоготали серо-белые гуси, щипая друг друга, копаясь клювами в пушистом оперении. На припеке возле окошка, на мягком половичке развалились сомлевшая кошка и пара котят, усердно сосущих молоко, а под навесом сарая, заполненного наполовину чурками сухих дров, — аккуратная конура с внимательно наблюдавшей за мной собакой. На задах, за невысокой изгородью, сделанной из обыкновенных сосновых и еловых жердей, ломились под тяжестью спелых ягод кусты малины, привязанные верхушками к деревянным кольям, манили к себе гроздья черемухи, облепившие ветви дерева. Вдоль палисадника росло несколько молодых яблонь, и карапуз, лет трех от роду, вооружившись сучковатой палкой, настойчиво сбивал ядреное яблоко.

Что-то знакомое мелькнуло в его облике, и я, убежденный в верности моей догадки, окликнул его. Мальчишка недовольно взглянул на незнакомого дядю, отвлекшего его от важного дела. Тут же, не выдержав моего нахального вторжения,

залаял пес каким-то незлым, а вызывающим отрывистым лаем. Послышался скрип открываемой двери, и я увидел Ольгу Данилову. Она ничуть не изменилась, разве только пополнила, приобретя ту неповторимую женскую прелесть, которую принято называть материнством. В своем легком платьице и стоптанных тапочках на босу ногу она выглядела милее и домашнее, чем в армейской зеленой рубашке и такой же юбке, в которых мне довелось ее видеть...

— Фу, Дружочек, фу, — проговорила она и, откинув прядь волос со лба, вопросительно взглянула на меня, растерянно заморгал глазами и залившись краской. Забыв о мальчике, я подбежал к ней, обнял ее хрупкие плечи и замер, взволнованный и потрясенный долгожданной встречей. Она разрыдалась на моем плече, обхватила за шею руками и поцеловала в губы. Я заметил настороженные лица стариков, мелькнувшие из-за отодвинутой занавески окна, услышал какую-то перепалку между ними, а за спиной Ольги увидел насупившуюся физиономию мальчишки.

— Вот мы и встретились, — еще всхлипывая и не обращая внимания на расплывчатые от слез круги туши под глазами, сказала она, рассматривая меня с грустной улыбкой.

— Не в форме ты другой какой-то, непривычный. Как ты нас нашел?

— Олег рассказывал... Да и дело небольшое к старикам есть.

Я торопливо и сбивчиво поведал ей о цели своего приезда, затылком ощущая на себе колючие взгляды терпеливо ожидающих объяснения хозяев.

Ольга поняла мое состояние, кулачком постучала по плечу и рассмеялась.

— Боятся, что какой-нибудь принц похитит меня от них, даже к первому парню на деревне, пьянчуге Ивану Погорелову, ревнуют. Меня и внука... — громко добавила она и пояснила:

— Его тоже Олегом зовут. Олег Олегович... Мы приезжаем в деревню второе лето и гостим по два месяца кряду. Вот так и живем. — И, чтобы не сердить стариков, крикнула.

— Выходите, отшельники! Олежкин друг приехал!

Тут же растворились настежь двери веранды, и первой выкатилась оживившаяся старушка, а следом, покашливая в кулак, седой дед, с достоинством протянувший мне руку. Теперь я не мыслю моей России без таких стариков, всеми корнями приросших к своей земле, и деревушек, сохранивших самобытную красоту Отечества.

— Заходитев избу, гостем будете, — степенно произнес он, пропуская меня вперед как желанного гостя.

Мы просидели до первых петухов, вспоминали, грустили, пропускали по маленькой. И еще я три дня провел у них, отдыхая душой и телом.

Поезд умчал меня обратно на Север, но я часто вспоминал склонившегося над моей писаниной деда Максима с дымящейся трубкой в зубах и бабушку Анисью, скорбно поджавшую губы, сидящую на табурете, внимательно слушающую хозяина, время от времени украдкой от своего «безбожника» озаряя себя поспешным крещением. А на печи в уголке — свернувшийся клубочком, утомившийся голубоглазый мальчик, продолжатель рода Кудриных.

А недавно мне приснился сон: перед шеренгой замерших по стойке «смирно» молодых десантников стоит знакомый мне сержант Садыков и, открыв список вечерней поверки, звонким голосом зачитывает: «Лейтенант Кудрин?..» И правофланговый торжественно отвечает: «Лейтенант Кудрин героически погиб при исполнении интернационального долга...» — «Рядовой Неделин...»

В конце строя замерли девчонка с санитарной сумкой на боку, с выбившейся из-под берета челкой, и маленький мальчик с игрушечным автоматом на груди и глазами погибшего Олега Кудрина. И я сам, в голубом летном комбинезоне, нетерпеливо открываю блистер, выглядываю наружу и докладываю капитану Садкову о готовности вертолета капитана Ваканова и пары прикрытия капитана Голикова к вылету. Напряженное лицо Юры Литвиненко за гашеткой крупнокалиберного пулемета. На траверсе середина ВПП, метров двести левее расположились наши модули и над СКП полотнище

красного флага. Подполковник Мордухович берет в руки микрофон, нажимает на клавишу «Радио», и мы слышим в эфире: «Три тройки! Я — Омар. Взлет группой».

Вертолет разгоняется, отрываются колеса, и куда ни кинешь взгляд — горы, одни только горы. А под нами — зеленая жемчужина Афганистана, вечно цветущий солнечный Джелалабад.

РАССКАЗЫ

КАПКАН

*Безымянному офицеру Советской Армии и
его солдатам, погибшим в июле 1984 года
в Афганистане, в восточных отрогах
Гиндукуша вблизи озера Суруби, посвящаяю.*

Лейтенант Андрей Оверин с тоской и грустью провожал взглядом меркнувшие лучи вечернего заката. Прищурившись, через разбитое оконце в стене он наблюдал, как желто-оранжевый диск солнца нехотя перевалил за горную гряду и окончательно спрятался за изгибом русла полноводной в это время года реки. Он облизнул губы, такой близкой показалась ему живительная вода, в которой, напившись досыта, утонули цветастые блики заката. Ему захотелось вскочить на ноги и, погнав всех к черту, припустить что есть сил под гору. По пути скинуть с плеча автомат, отстегнуть поясной ремень с гранатами, снять промокшую кровью куртку, остаться в чем мать родила и бухнуться с разбега в зеркальную гладь воды. Он представил, как обожгло грудь холодом, свело руки и ноги леденящим зудом. Как от удовольствия закричал, и вода хлынула ему в глотку. И он, захлебываясь, пил, пил, пил. Долго, непрерывно, как огуречный рассол после недельной пьянки... Потом развалиться на мягком песке, зарыться по уши в теплом иле и безмятежно уснуть. И снова купаться, и снова пить. Набрать полную горсть мелких круглых камешков и пустить «блинчиков» вдогонку волне. Закинуть удочку и поймать огромную рыбину. Развести костер и сварганить ушицу. С удовольствием поглядывать сквозь очки на облака в синеве неба, ласковое солнце и стаи птиц, облепивших скалы. Вновь почувствовать себя не загнанным зверем, а свободным человеком. Он на минуту зажмурил глаза, окунувшись в лазурный мир желаемого, но досадная

дробь пулемета заставила встрепенуться. Оверин недовольно открыл глаза, поморщился, обведя взглядом серые стены дувала, подумал: «Могильник какой-то. Неужели здесь сдохну? Надо на солнце, солнце, солнце...».

Попытался проглотить комок, застрявший в горле. Зло сплюнул сгусток приторной слюны и глухо застонал от бессилия и безысходности. Откинул автомат в сторону, обхватил голову ладонями, потряс ее, стараясь выгнать из мозговых извилин радужные мечты о воде и спасении. Во все легкие, открытым ртом глотнул пыльного воздуха, поперхнулся и судорожно забился в сухом кашле. Из носа и рта потекла кровь — теплая и соленая. Чем-то сдавило живот. Он почувствовал жжение в паховой области, сильную слабость и зуд во всем теле. Боясь умереть неожиданно, нелепо, сразу, без агонии и борьбы за жизнь, скороговоркой пробормотал:

— Не конец ли приходит, Андрюха? Ну-ка, бери, браток, себя в руки. Трех смертям не бывать, а одной не миновать.

Оттого, что заговорил вслух, он почувствовал себя не так одиноко в этом проклятом «могильнике», за порогом которого застыл, раскинув руки, изрешеченный пулями Витя Кочергин, а в трех метрах от него, скошенные одной пулеметной очередью, тела двух Сергеев. Наступала ночь, и Оверин отчетливо понимал, что жить осталось немного, до темноты.

Дрожащей рукой достал помятую сигарету. С унынием подумал: «Последняя». Попытался прикурить ее, но новый приступ кашля сотряс тело. Он протяжно застонал, на глазах выступили слезы. Кое-как сделал несколько затяжек и щелчком выкинул окурок за порог. Сигарета упала возле тела Витька и погасла.

«Скоро и моя жизнь погаснет, — пришла в голову мысль. — Последняя сигарета, последняя затяжка — и мрак, пустота».

Стало муторно на душе. Он паниковал, трусил, в чем было трудно признаться самому себе. Не от страха смерти и боязни боли протестовала его душа. Гибель ребят и собственное израненное тело смирили его разум с фактом близкой гибели. Само понятие смерть стало обыденным понятием, как бы пройденным этапом. Он умирал несколько раз. В прошлую операцию, когда выстрел из гранатомета накрыл их позицию на вершине горы, размазав радиста Савченко и Колю Вершинина по скалам. И

он, контуженный, чудом уцелевший в суматохе боя, очнулся от прикосновения ласковых рук медсестры в медсанбате. Уже тогда, на больничной койке, от безделья, в тишине он философски смирился с мыслью о неотвратимом конце. И сегодня он умирал трижды. Тогда, когда пули, прошив Сергеев, вонзились в глинобитные стены дувала. Когда упало на пороге «могильника» изрешеченное тело Кочергина. Когда он сам, получив по пуле в живот, руку и ногу, кое-как перетянул бинтом раны, перешагнул через психологический барьер предстоящей физической смерти. Он был готов ко всему, но все же...

Было что-то другое, мучившее и злившее его до бесконечности, заставлявшее выть, скрежетать зубами, смотреть на солнце и крыть матом свою судьбинушку. Он не хотел подышать в этом «могильнике», на грязном полу, в собственной кровавой луже. Боялся потерять сознание и попасть в плен. На миру и смерть красна. А тут он один. И узнает ли кто, что он, лейтенант Оверин, с честью выполнил свой воинский долг? Вспомнят ли его? Добром или злом? Простит ли Бог прегрешения? Успокоится ли его душа в том загробном мире? Вопросы, вопросы, на которые нет ответа. Для него, Андриюхи, все будет кончено в этой мерзкой хате.

Как в тумане, ворох мыслей ворочался в его воспаленном мозгу. Чем слабее становилось тело, тем медленнее реагировало сознание. Становилось обиднее, ужаснее и страшнее. Он так и не успел додумать, дорешить для себя, трус он или нет. Его время остановилось, оставив другим решать вечный вопрос жизни и смерти. Ясно было одно, что его час пробил. Надо было спешить. Мозг устал, а израненное тело просило отдыха, вечного покоя.

Громкое эхо выстрелов из носовых пушек вертолетов огневой поддержки и залпов реактивных установок «восьмерочников» слилось воедино, пронеслось над долиной, спряталось в ущелье и затерялось в узких каньонах горной гряды.

«Бесполезно. Калибр маловат. «Градушки» б сюда или тяжелые танки. Мигом «душков» выкурят из подземных нор и муравейников», — тоскливо подумал Оверин, машинально, уже в который раз, шаря усталой ладонью по поясу. Почувствовал всем телом пугающую пустоту и легкость кармашков

из-под патронов.

Вспомнил своего командира, капитана Никитина, который находился там, за насыпью, в каких-то трехстах метрах. Уже пару часов он держал под огнем всю «зеленку», не давая «духам» прорваться через насыпь и всем «гуртом» разделаться с ним, лейтенантом Овериным. Еще на базе капитан строго предупредил:

— Никакой отсебятины. Быть готовыми с ходу принять бой. Идем на проверку караванов. Главное — не отрываться, наблюдать друг за другом, не ловить ворон. Всем держать в поле зрения командира и радиста. Тебя, Андрей, особенно касается, — повернулся в сторону лейтенанта командир. — В прошлый раз ты увлекся преследованием. Если бы не отсечный огонь вертолетчиков, сам знаешь, что было бы.

— Бы да бы, — взъерепенился Андрей. — Понял, осознал, на привязи, как осел, следом ходить буду. Только забыл ты, командир, что в прошлый раз мои ребята караван обнаружили, обшарив соседнее ущелье.

— Раз на раз не приходится. Я тебе, Андрей, как другу говорю. Не увлекайся. Помни, ты командир, а не осел... Не только за себя отвечаешь. Перед матерями, Родиной, наконец. У «духов» головорезы, а у нас пацанва. Половина хлопцев — необстрелянные салаги. Не обижайся ты, садовая голова...

Сердиться Оверин долго не умел. И уже после осмотра первого каравана слышался его возбужденный голос:

— Героинчика-то сколько взяли, командир! Молодцы наши огольцы, нюх у Витьки, как у натасканной собаки. Везет нам сегодня, как никогда. Всегда бы так...

И повезло, черт возьми! Накаркал на свою голову. Под самый вечер произошла осечка. Непоправимая, неотвратимая и последняя в его жизни. Этот караван был «пустой» в прямом смысле слова. Обычный, с тряпичным барахлом, ставший на отдых на песчаной насыпи. А он тогда был взвинчен от выпавшей за день удачи и раздосадован от последнего прокола. Спокойные лица кочевников и суета беспокойной детворы разозлили его. Старый аксакал — старший каравана — в новом белоснежном халате, с кинжалом на боку и доисторической винтовкой на плече хмуро выговорил на ломаном русском языке:

— Ищите не там. Оружия нет. Не надо грабить, мы мирные. Возьмите бакшиш и оставьте нас в покое.

Оверин и не думал их грабить. Так, потрясти немного, может, что и клюнет. Он с досадой наблюдал, как двое тезок Сергеев, распотрошив мешки с товаром, раскидывали по земле тряпичный хлам. Нагнулся, подобрал кулек с джинсами. Не поленился разорвать целлофан, надеясь найти наркоту. Нутром чувствуя, что голяк, отшвырнул пакет прочь. Недовольно ответил аксакалу:

— Все вы мирные, когда спите или в покойниках числитесь. Знаю я вас. Днем в торгашей играете, а ночью стреляете. Проверим — отпустим. Товар немного подпортим, не обесудь. Служба такая. Дома на печи тебе, старик, сидеть надо, не хрен по горам лазить.

Андрей матюгнулся, хотел гаркнуть на развеселившуюся, осмелевшую детвору, передумал и зло добавил:

— Уйми душманчиков. Меня от них тошнит. Не верю я вам. Все одним миром мазаны. И старики, и пацаны. С вами надо держать ухо востро. Где оружие, старик? Говори, пенек старый.

Аксакал нервно дернул плечами, покосился в сторону гор:

— Там... Возьми, если сможешь. А нас отпусти, мирные мы.

— И возьму. Сынки там твои, а, старик? Воюют с нами, а мы с тобой тут цацкаемся. Пулю бы тебе влепить, да скоро сам подохнешь. А до сынков твоих мы доберемся. Скажи только, как они выглядят. Ненароком не узнаю, пристрелю с ходу. Хочу поговорить по душам, через полевой телефон.

Понял ли его старик? О чем думал он, мрачно теребя бороду? Помолчал, грустно ответил:

— Все помрем. Да простит Аллах мои прегрешения. Всех вам не перестрелять. На земле мы своей, а вы здесь чужие. Уходите домой, так будет лучше.

Оверина окликнул Витек. Показал стволом автомата на кучу серых дувалов, притулившихся к подошве горной гряды.

— Смотрите, командир!

Это был вызов судьбе. В неровных просветах «зеленки» мелькали люди. Они падали, вскакивали, ползли, суетились, как в непонятной детской игре. То, что непонятно, то опасно. Такого правила придерживался лейтенант в этой страшной

войне. Он почувствовал, как его охватывает охотничий азарт, как у собак, загоняющих волка в красный круг. Вскочив на ноги, ехидно взглянул на аксакала.

— Вот и сынки твои объявились. Теперь посмотрим, кто кого. Хочешь с нами? Увидишь, как русский солдат контру бьет.

Старик неопределенно мотнул головой, ничего не ответил. Встал на колени и, не обращая внимания на лейтенанта, забубнил слова молитвы. Проклинал или призывал к миру умудренный жизненным опытом седой кочевник, Оверин так никогда и не узнает.

— Вперед! — забыв о старике, бросил на ходу Андрей, прижимая к груди автомат, кубарем скатываясь с песчаной насыпи. В последнюю минуту запоздало успел все же вспомнить о предупреждении Никитина. Увидев догоняющих его Витька Кочергина и двух Сергеев, подумал: «Осмотрю ближайший дувал, прощупаю людишек, может, мирные, зачем отвлекать Никитина. Начнут стрелять — помогут вертолеты, как тогда...».

Решение войти в дом и было его роковой ошибкой, цена которой — жизнь. Боже мой! Этого тогда он не знал. Всей четверкой они вперлись в просторное помещение с одним выходом, окруженное высоченной стеной. Брошенные хозяевами смежные пустые комнаты с голыми стенами и сорванной с петель массивной дверью, валявшейся на замусоренном полу, впоследствии ставшей надежным укрытием. Неожиданно снаружи что-то оглушительно громыкнуло. «Заряд сработал, что-то сволочи взорвали», — мелькнула мысль. Тут же послышалась дробная разноголосица автоматных выстрелов. Неторопливо застучал крупнокалиберный пулемет, «Началось. Кажется, приплыли», — подумал Оверин, крикнув ребятам:

— Назад! Быстро к своим на насыпь. Я прикрою.

Два Сергея молча развернулись и, мешая друг другу в дверном проеме, выскочили из дома. Из-за огромного валуна на дальнем краю ограды ударила длинная очередь ручного пулемета. Пунктирная линия рваных дырок прошила пятнистую материю маскхалатов на груди Сергеев, прошла сквозь мякоть туловищ и вонзилась в глинобитную стену. Без крика и стоа оба повалились на землю. Тут же, зарываясь в песок, из-под тел зловеще поползли бурые струйки крови. Андрей

оттолкнул Витька от выхода, проскрежетал зубами, плюхнулся на пол. Быстро перегородил дверью вход в дом, передернул затвор автомата, прошептал:

— Спокойно, Витюха, спокойно. Главное, не паниковать. Ах, сволочи, ах, сволочи! Обоих одной очередью... Не уберегя ребят, Витек. Вдвоем остались. Не высовывайся за дверь, успокоятся, решат, что всех кончили. Сунутся проверять, тут-то мы их и прищучим.

Он как в воду глядел. Из-за валуна показался один душман. Прополз с десятков метров и настороженно поднял физиономию. Оглядел пустынный двор и, заметив убитых десантников, удовлетворенно хмыкнул. Осмелев, гортанным голосом крикнул товарищам. Вскочил на ноги и, строча из автомата, устремился к входу в дом. Следом, угрожающе рыкая, бросились еще несколько человек. Передний душман, в горячке расстрелявший все патроны, остановился. Попытался на ходу сменить запасной рожок, помешав бежавшим сзади товарищам сосредоточить огонь на дверном проеме. Этой заминкой и воспользовался Андрей. Лежа на животе, тремя одиночными выстрелами расстрелял переднего. Схватил гранату, размахнулся и удачно метнул ее под ноги бегущих. Взрыв взметнул песчаный грунт, взрыхлил землю, раздробил камни, подняв облачко серой пыли. «Раз, два, три», — как на ученьях, отсчитал он, схватил автомат, рывком вывалился за порог. Секунды ему хватило, чтобы осмотреться, протереть глаза и нажать на спусковой крючок. Сзади над головой заработал автомат в руках Виктора. Сержант что-то прокричал, но было плохо слышно. Перестрелять залегших во дворе «духов» для Оверина было делом двух секунд. Для верности он всадил по пуле в убитых взрывом гранаты. Успел заметить удивленные лица людей за козырьком скалы, растерянно смотревших на молниеносный поединок. Увидел, как двое самых любознательных неуклюже вывалились наружу. «Витек долбанул», — последнее, что подумал Оверин в этой суматошной схватке. Он повернулся назад и, споткнувшись о порог, кувыркнувшись через голову, влетел в комнату. Прижался к стене, быстро сменив патронный рожок. По входу в дом ударил шквал огня. Стреляли из всех видов оружия. Пули впивались в мякоть тол-

стенных глинобитных стен, отламывая мелкие кусочки, взметал известковую пыль. Наконец, огонь стих.

Лейтенант чертыхнулся, с удовольствием чихнул, осторожно приподнял голову, обрадовался, увидев невредимого сержанта Кочергина.

— Отсекли нас, Витек, — тихо выдавил Оверин, чиркнул зажигалкой. Закурил сигарету и, глядя в дверной проем, тихо добавил: — Их там уйма. Ты двоих лихо завалил, молодец. Перекрыли нас. В капканчике мы. Ребят угробили. Я виноват, не послушался капитана. Век себе не прощу, если жив останусь.

Ближайший помощник лейтенанта — двухметровый, добродушный, с веснушчатым лицом, постриженный наголо сержант, восхищенный смелой вылазкой командира, беспечно проговорил:

— Ничего, выкарабкаемся. Не впервой. Не в таких переделках бывали. Наши выручат. А вы, командир, даете. Ловко «душков» подсекли. Человек восемь к праотцам отправили. Сосчитать не успел, те двое вылезли. Пришлось и мне пострелять.

Витек уважал своего лейтенанта. За ловкость, бесшабашность и честность. Да и разница в возрасте была невелика. Он и сейчас верил Оверину до бесконечности. Не сомневался, что командир найдет выход. Теперь дело Кочергина — отвлечь командира от тяжелых мыслей. Стараясь не смотреть на окровавленное, пробитое десятками пуль и осколков, покрытое пылью месиво — то, что осталось от двух тезок Сергеев, протянул:

— Жуть... На то она и война. Никто не застрахован от пули. Судьба. Выкарабкаемся — похороним с честью. Родина нас не забудет.

Лучше бы он не говорил последней фразы. У лейтенанта зашевелились желваки скул. Он скомкал пачку из-под сигарет, сжал ладонь в кулак и хрястнул им по полу. Замычал, завыл по-звериному. На минуту замолк, уткнувшись лицом в рукав маскхалата. Тихо проговорил:

— О чем ты, Витек? Родина, честь, Отчизна. Ты что, белены объелся? Да кто нас вспомнит добром? Мать, жена? Да и то пожалеют. Про нас фильмов-то не снимут, как мы здесь, в Афгане, подыхали. Суперменов каких-то сделают, наемников, уголовников. Но только не героев этой войны. Все, Витек, умрет вместе с нами. Не нужны мы ни своим, ни чужим. Для одних — отработанный материал, для других — убийцы,

изверги. Мы — потерянное поколение, Витек, списанное оптом в никуда. Трудно судить, что будет дальше в Афгане и стране нашей непредсказуемой. А ты: «Родина нас не забудет». Мы — живые свидетели срама и позора правителей. А свидетелей... сам знаешь, куда засовывают. На свалку, в небытие, к черту на кулички. Тоже мне — Родина. Другая она, совсем другая, Витек. Выздоровеет Родина, тогда, может, нас вспомнят. Только когда это будет...

Кочергин не совсем понимал командира, его жарких слов. Постарался перевести разговор на другую, понятную ему тему.

— Укрытие у нас удобное. Стены толстые, гранатомет не возьмет. Выживем... Атаковать могут только с открытой позиции. Мы тоже не лыком шиты, еще с десятков положим. Пусть только сунутся. Слышите? Наши долбят с насыпи, вертушки страх нагоняют. Скоро драпать будут душманчики. Выручат нас. Только патронов маловато. Кто думал в капкан угодить? К ночи, думаю, выберемся.

Кочергин повел стволом автомата, заметив очередную бородатую физиономию, выглянувшую из-за валуна. Плавно нажал на спусковой крючок. Очередь ударила прямо в лоб человека, раскроив ему черепную коробку. Послышались проклятия. Витек удовлетворенно хмыкнул, осторожно выглядывая наружу.

Андрей до последней минуты и сам верил, что выручат. Шло время. Он радовался удачным выстрелам, подбадривал себя и Витьку. Громко распекал командира врагов, посылавшего потенциальных мертвецов на открытый двор, под губительный огонь автоматов десантников. Вдруг с ужасом понял, что кончаются патроны, а людей у противника навалом и чужой жизнью он совсем не дорожит. У Кочергина боезапас кончился раньше. Он отстегнул от пояса гранату и протянул лейтенанту:

— Держите, командир, последняя. У вас получится лучше. Нам бы патронов тысночку, хрен им тогда нас взять. До утра бы продержались. У Сереги длинного на боку целая сумка россыпью, вот бы ее достать.

Сержант принял решение неожиданно. Мгновенно и бесповоротно. Так бывает на любой войне. И решение может принести удачу или гибель. Как повезет. Витьку не повезло.

С минуту он поерзал на полу, окинул тоскливым взглядом пустые рожки из-под патронов, тяжело вздохнул, вглядываясь в дверной проем, прикинул расстояние до Сергея, насупился, резко вскочил на ноги и, крикнув. «Я мигом!», — ринулся к телам товарищей. Витек успел схватить сумку и развернуться вполоборота. Размахнулся и попытался кинуть сумку Оверину. Не успел. Сломался пополам, раскинув руки, уронив сумку. Точный выстрел снайпера сразил сержанта наповал. Тут же яростно застрочили автоматы и пулемет, вогнав в бесчувственное тело Кочергина сотни пуль. Витек превратился в то же, что осталось от двух Сергеев, упав рядом.

Не успел лейтенант удержать своего последнего бойца, потерял друга, потерял и надежду. Теперь он остался совсем один.

И только глаза Витька преследуют Оверина. В них укор, тоска, злоба и чувство вины перед Андреем. И он, бравый командир погибших ребят, в растерянности бросивший последнюю гранату в сторону валуна, получивший по пуле в живот, руку и ногу, умирает на грязном полу и льет слезы.

Теперь стало ясно, что они напоролись на многочисленный вооруженный отряд, базирующийся в мертвом кишлаке. «Духи» насквозь простреливают треклятую насыпь. Они не дадут возможности капитану Никитину пробиться на помощь к нему, лейтенанту Оверину. Андрей отчетливо осознал, что пока он стреляет, капитан не отступит, не бросит его. Ночью от вертолетов толку ноль. Броня и подкрепление подойдут на рассвете. Вспомнил слова Кочергина о капкане. Представил, как тяжело будет обороняться десантуре на открытой местности. Они тоже будут в капкане и тоже погибнут. Из-за него, слюнятя Оверина.

«Надо кончать это дело, — как о постороннем Андрей подумал о себе. — Пора ставить точку. Ребята поймут, что со мной кончено, и Никитин примет верное решение — улетит на базу. А утром вернутся, отомстят».

То, что не забудут, отомстят — знал точно. Все же они были не в России. В доску свои парни, делившие горе и радость, глотавшие пыль Афгана, воевавшие не за страх, а за совесть, за Родину, пославшую их умирать на чужой земле. Вспомнил он и старика аксакала из каравана. Захотелось встретиться с ним, поговорить, поспорить. «Может, был прав старик?»—

последнее, что ясно подумал он, пошатываясь и осторожно переступая через то, что осталось от сержанта Кочергина. Неторопливо поднял вверх руки. Прищурился, последний раз взглянув на небо, сделал первый шаг. Расчет был верным. Взять его решили живым. Десантура никогда не сдастся в плен, а тут «спецназ». Дикий случай. На открытую местность, настороженно сверля Оверина глазами, выскочили несколько человек. Передний поднял руку, твякнул команду и твердым шагом направился навстречу. Это был их командир.

Как сквозь туман Андрей смотрел на подошедшего вплотную человека. Удивился его усталым глазам. С какой-то непонятной жалостью окинувшего взглядом забрызганного кровью с ног до головы Андрея. Их взгляды встретились. Два командира, два воина разглядывали друг друга. Лишь любопытство читалось в глазах. Не было злобы, не было ненависти.

«Такие же, как мы, не звери, обыкновенные люди. Зачем все это, зачем?» — пронеслось еще в голове, прежде чем Оверин упал на землю. Рывком выхватил из голенища сапога пистолет, зверино рыкнув, пустил первую пулю ему в глаз. Собрав остаток сил, не обращая внимания на дикую боль, боясь потерять сознание, оттолкнул падающее на него тело, выставил вперед дуло пистолета.

«Раз, два, три, четыре, пять, шесть», — просчитал Андрей выстрелы, успев пожалеть, что так и не узнает результатов стрельбы, сунул ствол пистолета себе в рот. Простонал, провыл с каким-то мальчишеским злорадством:

— Живым думали взять? Шиш вам!

Враги пинали его ногами, резали ножами, глумились, как могли, мстя за смерть своего командира. Но Оверин этого уже не чувствовал. Бросили в общую груды, на тела ребят. И, может быть, его душа обрела покой. Долгожданное примирение со всем миром, с друзьями и врагами.

За насыпью садились вертолеты и грузили десантуру. Не пряча слез, плакал капитан Никитин, грозил горам кулаком и клялся отомстить. Только кому и за что? Он и сам не знал. Но море крови обещал. И никто не сомневался, что капитан слово сдержит. Будет кровь, будет смерть, будет ненависть. Начнется все сначала. А может быть, нет. Кто знает?

На западе спряталось солнце. Наступила жаркая афганская ночь.

ЛЕШКА-РЫЖИК

Это был первый снег в Гардезе. Еще с утра светило яркое солнце. Невыносимо жгло лицо, спину. К обеду мощные кучевые облака оседлали вершины гор. Подул резкий ветер. Потемнела небесная высь. К вечеру закрутила серебристая поземка. Но снег таял, превращаясь в серую массу. На выбоинах и неровностях бетонки образовались лужи. Ночью слегка подморозило. Бетонка покрылась мокрым слоем льда. Порывы ветра поднимали снежинки от земли и гнали их к вертолетной площадке, примостившейся с северной стороны города. За неимением снегоочистительных машин сонные летчики спозаранку запускали дежурный вертолет. Вырулив на полосу, недовольно ворчали. Введя обороты, усердно перегоняли на края площадки снежную пыль — при потеплении она грозила превратиться в ледяную скользкую пленку. Это было опасно для взлетающих и садящихся бортов. Вхолостую сжигалось до полутонны топлива. Не менее хмурые солдаты роты аэродромного обслуживания лениво отшвыривали кучи снега от границ площадки. Никто не мог сказать, что было выгодней: пригнать из Союза снегоочистительную машину или сжигать тонны топлива.

А в это время к востоку от Кабула в вечнозеленых субтропиках Джелалабада безжалостно жарило усталое от бесконечного бдения солнце. Светящийся желто-розовый шар упорно прогревал предрассветную дымку. К девяти часам утра по московскому времени было невозможно взглянуть вверх без солнцезащитных очков. Яркие лучи афганского солнца насквозь прожигали легкие летние комбинезоны. Сушило губы, першило в горле.

— Пара вертолетов Ми-8 взлетела в шесть ноль-ноль часов с Желалабадского аэродрома. Утренняя жара только набирала силу. Пройдя южнее Черной горы, по старой кабульской дороге они пересекли на предельной высоте горы Гиндукуша и попали в широкую долину. К восточной стороне горной гряды прижался небольшой городок, покрытый снегом. Это был центр провинции Гардез. Командир звена капитан Владимир Петров — коренастый сорокапятилетний крепыш с голубыми глазами и ершистой челкой — поспешно вернулся с СКП.

— Штурмопредупреждение, — коротко сообщил он. — Срочно запрашиваем топливо на Кабул. Повезем убитого.

Правачок Петрова, двадцатидвухлетний весельчак и задира Андрей Шустов, был явно расстроен. В его расчеты не входило лететь сломя голову на Кабул. Ночевать где придется. Или возвращаться в парильню Желалабада. Он грустно окинул взглядом покрытые белым покрывалом узкие улочки города. Уныло покачал головой и выпрыгнул из вертолета. Под ногами приятно похрустывало. Снег искрился на солнце, слепил глаза. Его было много по краю площадки, целые сугробы. Подхватил пригоршню, помял, отломил кусочек, кинул в рот. Блаженно прикрыл глаза. Вспомнил о вылете, плюнул с досады и вернулся к вертолету.

— Благодать-то какая! Зима, как дома, — проговорил он, усаживаясь в кабину вертолета. — Попробуй, командир, вкусно, — добавил Шустов, выжимая сквозь пальцы живительные струйки тающего снега. Капитан машинально протянул руку и остро почувствовал приятную холодноватость ладони Андрея. Взял кусок снега и кинул в рот. С удовольствием перекусил зубами, поворожил языком и, зажмурившись, проглотил. Вспомнилось детство. Мальчишеские игры в войну в окопах и бойницах, вырытых в сугробах.

— Вали, вали отсюда к командирскому. Я его сюда, рыжего, вез, — услышал Петров недовольный голос командира ведомого вертолета капитана Девятых.

Около вертушки стояла санитарная машина и хорошо знакомый капитану медицинский майор. Он что-то мямлил, без толку размахивая руками. Его просьба не увенчалась успехом. Капитан Девятых категорически заявил: «Нет» — и демонстративно захлопнул дверку грузовой кабины. Майор по-

мялся на месте. Вяло махнул шоферу санитарной машины и направился к ведущему вертолету.

— Не берет, — выдохнул он, вежливо поздоровавшись с Петровым.

— Интеллего, — хихикнул было Шустов, но прикусил язык, заметив вытянутый в его сторону кулак командира.

— Не болтай зря языком, — вполголоса произнес Владимир, — комбриг рассказывал, что этот «интеллего» прямо в горах оперировал, десятки жизней спас. Думай головой, а не тем местом, на котором сидишь.

Майор тем временем терпеливо ждал, близоруко и с интересом рассматривая аккуратные, остроносые головки реактивных снарядов, торчавших из стволов подвесных блоков. Два санитары вынесли носилки, накрытые брезентом, из машины и застыли около стремянки вертолета. Петров привычно обвел взглядом контуры человеческого тела на носилках и молча кивнул санитарам.

Медик тщательно протер носовым платком очки и виноватым тоном произнес:

— Несколько дней пролежал, пахнет. Попутных бортов не было. Везти-то все равно надо...

— Обстрел или самострел? — поинтересовался Петров, хорошо зная, что десантно-штурмовая бригада боевых действий в ближайшее время не вела. Майор не спеша закурил, пустил замысловатое кольцо дыма, вздохнул:

— Хуже, капитан. Неделю назад вы его из Кабула привезли. Ваш напарник сразу узнал парнишку. Два месяца мы его лечили в госпитале, пару дней прожил в роте. Наглotalся до отвала всякой дряни и сыграл в ящик.

— А где он марафет приобрел?

— О, этого добра хватает. Глодают что попало, не разбираются, лишь бы кайф был. Источники разные. Шоферы в дороге приобретают. Едут через кишлаки и меняют шмотки на анашу. Только кто проверять будет, что подсунули? И проконтролировать невозможно. На каждую машину старшего офицера не посадишь. В духанах покупают, там тоже всякую дребедень подсовывают. Когда кишлаки прочесывают, хватают что попало. В общем, с наркотиками дело о-кей, каждый

второй солдат эту отраву пробовал. Вот и Лешка-рыжик — то ли наркоман, то ли токсикоман. И то, и другое употреблял. Полгода с ним мучились. Особенно перед операциями. Жить Лешка не захотел. Он ведь специально наглотался. Попал в жизненный тупик. И выход нашел страшный.

Петров с подступившим к горлу чувством жалости еще раз бросил взгляд в грузовую кабину и содрогнулся, отчетливо вспомнив лежавшего под брезентом парня и стычку со старлейем-спецназовцем...

Высокий, с тонкими, как плети, руками, бледным скуластым лицом, с взлохмаченными рыжими вихрами, в грязном, старом и кое-как местами зашитом хэбэ без погон, петличек и ремня, в кирзовых стоптанных сапогах, весь помятый, забитый, запуганный насмерть солдат с ужасом смотрел на офицера, украдкой вытирая струйки крови из разбитого носа и припухшей губы.

Поджарый, мускулистый и загорелый под цвет шоколада старший лейтенант-спецназовец, с перекошенным от злобы красным лицом, время от времени бил Лешку ладонью по лицу, приговаривая: «Сукин сын, подлюга, сморчок рязанский, убить тебя мало. Из-за тебя, наркоман хренов, мне кэпа задержали». Лешка кое-как прикрывал лицо руками. Его голова болталась из стороны в сторону, следуя движению рук офицера.

Владимир заскочил по стремянке в грузовую кабину, схватил спецназовца за руку, вывернул ее за спину и толчком бросил его на пол. Старший лейтенант выматерился, попытался вывернуться, резко стукнулся лбом о стальную оболочку.

— Не дури, старлей, лежи смирно, — прошипел Петров в ухо спецназовцу.

— Отпусти, — прохрипел тот, — руку сломаешь. Не трону я его. Пропади он пропадом!

— А ты парнишку, гад, за что бьешь?

— Его убить мало, наркомана проклятого, — прорычал, морщась от боли, спецназовец. — Отпусти руку, капитан, сказал не буду, значит, все, точка. Ну?

Владимир разжал руки. Спецназовец, покряхтывая, встал, помассировал вывернутую руку, потер ушибленный лоб. Уселся на сиденье, закурил.

— Я тебя знаю, капитан. Месяц назад ты меня высаживал на Айлихель. Мы тогда троих потеряли, так в горах ребята и остались. Вместо трупов в цинки землю да камни положили. Чертовы гробовщики. Четко знают свое дело. Лишь бы что-нибудь отправить. Только бы не было без вести пропавших. Сколько они таких гробов отправили! Ненавижу, ненавижу! Всех! Гады! Сволочи! Проститутки! — Он закрыл лицо руками, не договорив фразы. Резко повернулся в сторону Лешкирыжика, и вновь его лицо исказила бешеная злоба:

— Защищаешь мерзавца? А знаешь ли ты, капитан, что он мокрота, трус, гад ползучий? Около трех месяцев в госпитале провалялся, кашку ел, медсестер щупал. У меня за это время троих на Айлихеле положили, пятерых на Аргунской операции потерял. Володька Кислов, мой замкомвзвода, на прочесывании кишлака пулю себе в рот пустил. Ногу ему оторвало выше колена. У него невеста-красавица. Калекой к ней не захотел возвращаться. Парни были золото. Где я теперь таких возьму? Этот рыжий оболтус из старичков. Вот его молодняк наркотой и снабжает. Уважение проявляют. Губят парня. Год назад был как все, ходил на «боевые», «духов» щелкал из снайперки. Лихой был, да весь вышел. Полгода назад троих в плен взяли, отстреливались, идиоты, до последнего патрона. Шестерых ранили. Лейтенанта Белугина из «бура» в живот. Что такое «бур», надеюсь, хорошо знаешь? Жив ли Олег? Его сразу в Союз отправили. Что и как дальше, нам не сообщают. Пока руки, ноги целы, ты нужен. Так вот этот рыжий хрен взял и отпустил одного из пленных. Сам ему помог наше боевое охранение преодолеть. Хотели под суд отдать мерзавца, да пожалели, и зря. Говорит, что отпустил душманчика по причине его малолетности. Мне же первую дырку в правом плече десятилетний слизняк сделал. И я его не пожалел, пристрелил на месте. Ребенок с ружьем — это уже не ребенок. Я ему, рыжему, морду набил, думал, у дурака мозги прочистились. Так нет, он на травку перешел. Теперь у меня еще два наркомана появились. С него, рыжего, пример берут. Видят, как мы с ним нянчимся. Дай мне волю, я его лично перед строем расстреляю, чтобы другим неповадно было. Маменькиных сынков на войне не должно быть, пусть дома мозги канифолят. В горах воспитывать некогда. Там убивают. Или ты, или тебя...

Спецназовец говорил резко и грубо. То ли он от рождения был дурно воспитан, то ли в Союзе обозлился на весь мир, или его таким сделала мало кому понятная эта война? Старший лейтенант внезапно схватил за руку Лешку-рыжика и вдруг просящим, заискивающим тоном проговорил:

— Леш, будешь еще курить? Говори правду. Если да, так я тебя здесь своими руками пристрелю, чтобы не возить взад-вперед. Какая разница, где подыхать? Сам отмучаешься и меня дергать не будешь. Хочешь, я тебе достану этой дряни и ты накуришься до смерти? Должен же быть какой-то конец. Мы тебя в цинк — и домой героем отправим. Честное слово, напишу родителям, что погиб смертью храбрых. Да вытри, Леха, сопли, смотреть противно. Скажи хоть что-нибудь. Че молчишь-то?

Лешка поежился, отвернулся и со звериной тоской уставился в блистер. Медленно повернулся, все еще с опаской поглядывая на своего командира. Облизал ссохшиеся, окровавленные губы и тонким голосом произнес:

— Не бей, командир, не буду я больше ничего, и никогда не буду.

Он беззвучно заплакал, опустив голову на колени.

И — чудо! Железный, хладнокровный старший лейтенант, шмыгнув носом, ласково положил руку на Лешкину голову и погладил его рыжие вихры.

«Боже мой, — подумал Владимир. — Зачем все это? И почему? Какой-то дурной сон эта война. Особенно для таких пацанов, как Лешка. Ему же все безразлично, принимает побои, как должное. Один лишь животный страх и никакого человеческого достоинства. Парень устал смертельно и бесповоротно. Он не может больше убивать, он, в конце концов, не понимает, за что должен кого-то убивать. Эта кроваво-мозговая бойня поставила крест на его настоящем и. может быть, будущем. Так ведь и с ума сойти можно».

Владимир невольно вздрогнул и подумал: «А вдруг и я свихнусь, или спецназовец? Каждый по-своему. Возьму гранату и взорвусь к ядерной фене прямо в кабине. Но Шустов и борттехник при чем? Вдруг кто-нибудь из них это сделает? И этот с виду орешек-спецназовец — потенциальный псих. Если в бою не по-

лучит пулю в лоб или от своих в спину, то уж в Союзе обязательно сопьется или в тюрьму попадет. Ни он, ни я, ни Лешка не знаем, зачем мы здесь и для чего живем на этом свете. Все война перепутала. Только и знаем бомбить, стрелять, убивать. А кто дал нам такое право? Военная форма? Приказ?»

Он тогда отчетливо осознал, что по приезду домой их вознесут до небес, а потом выкинут на свалку и завалят хламом ошибок неумных и кровожадных политиканов. А этого Рыжика надо немедленно отправлять на Родину, к матери, к девушке, к друзьям, к родным березкам.

— Комиссовать бы его, а, браток? — оборвал поток собственных мыслей Петров, обращаясь к спецназовцу.

— Комиссовать, говоришь? — совсем успокоившись, протянул старший лейтенант. Криво усмехнулся, а затем нервно и надолго расхохотался. — Уморил, капитан. Тогда мне надо полроты психов на «большую землю» отправлять. И что они будут делать там, и с кем я буду воевать здесь? Ты об этом подумал? Некоторые письма пишут: забери, мол, командир, обратно. Не могут ребята вписаться во всю эту перестроечную кутерьму. Коммунисты, демократы, левые, правые, цивилизованные бандюги с портфелями и в галстуках. Одна шушера. Я, капитан, на второй срок напросился. Хочу домой, но не поеду. Понимаешь, не знаю, как в Союзе жить. А здесь думать не надо. Получил приказ — выполняй. Вот и с Алексеем все выяснил. Прилетим в батальон, и пойдет все как надо. Правда, Леш?

Рыжик покачал головой и прикрыл глаза. Спецназовец похозяйски растянул на сиденьи брезент, положил под голову подушку, поудобней протянул ноги и проспал до посадки. Тогда они удачно пересекли перевал и приземлились в Гардезе. Лешкино лицо ничего не выражало. Он вылез из вертолета и равнодушно уставился в горы. Старший лейтенант сладко потянулся и, хлопнув его по плечу, весело заявил:

— Приехали, Алексей. Теперь шагом марш в часть. Только харю сполосни.

Борттехник плеснул в Лешкины ладони воды. Он умылся, вытер лицо засаленным низом куртки и послушно шагнул за командиром. Сделав несколько шагов, оглянулся и виновато

улыбнулся Петрову. Таким и вспомнил его капитан — жалким и растерянным.

— Откройте брезент, — попросил он санитаров. Это был тот самый Лешка-рыжик. Как и тогда, назвать его солдатом Владимир не смог. Лицо Лешки распухло, он был в том же хэбэ, а его огненно-рыжие волосы торчали в разные стороны, и спутать его с кем-то другим было невозможно. Ветерок принес в кабину трупный, приторно-сладковатый запах, заставивший лейтенанта Шустова сунуть в рот сигарету.

— Взлетаем, — глухо произнес Петров, совсем забыв попрощаться с интеллигентным и беспомощным в делах мирских майором.

ОДИН ДЕНЬ ВОЙНЫ

Тот день остался в моей памяти навсегда, вобрав в 24 часа времени всю жестокость, мерзость, безнравственность, подлость, отчаяние, безысходность и глупость афганской войны. И я в той далекой горькой обыденности с трудом узнаю себя: молодого и сильного, равнодушного и послушного робота войны. Мы работали, выполняли служебный долг. Становились пленниками войны, ее закадычными друзьями. Менялись мы, менялась страна. В худшую сторону.

Тот день — страшный, насыщенный памятными фактами, для меня был последним, пограничным толчком к прозрению. Простой вопрос наконец-то пришел в голову. Для чего? Для чего все это? Ответы у всех разные. Но по сей день лично у меня одни вопросы. Всего один только день...

I

Полковник Смирнов, злой, как черт, явно перебравший спиртного, исходил потом. Все казалось плохим. Особенно это ущелье, куда с левым разворотом заходили вертолеты. Смахнув пот с лица, брезгливо поморщившись, влажной ладонью полковник прижал «ларингофон» к гортани. В эфире раздался его властный голос:

— Кто на посадке? Понял. Садись с ходу. Кому говорят, мать вашу! Не дрейфь. Что, летать разучились? Я приказал — с ходу! Кому говорю! Раззява хренов!

Смирнов был не в своей тарелке. Возомнивший о себе Бог знает что, как и любой большезвездный кабульский коршун, привыкший воевать по штабным картам, давать распоряжения, теоретик паниковал и нервничал. Он, как базарная

торговка, отрывисто, «матком» рычал в эфир, давая противоречивые указания:

— Куда прешь! Слепой, что ли? Уходи на повторный. Как твой позывной? Салага, мать твою! Сниму с летной работы, дуб тупорылый!

Смирнов вытягивал шею, вертел головой из стороны в сторону, налегая грузным телом на ручку управления вертолета. Резко дергал педалями, заставляя бледнеть и ерзать на сидении опытного бортмеханика Анатолия Головина. Анатолий, бросая взгляд на приборы, кричал мне в ухо:

— Этот инспектор нас в землю вгонит. Перетяжелит винт. Опять скорость гасит. Что он, с ума сошел? Ведь перетяжелит, перетяжелит винт!

— Командир! Обороты, скорость, — напомнил я, стараясь не взбеленить разгоряченного полковника.

То, что Смирнов самодур, но летчик от Бога, я знал давно. Но здесь... Не Кабульский аэродром и не плановые полеты по коробочке. У меня было достаточно горького опыта сложных полетов в горной местности. А опыт мне подсказывал, что еще немного дерготни — и нам амба, конец. Полковник что-то буркнул в ответ, брезгливо, с высоты покосился на меня и вновь перешел на визг:

— Куда прешь! За горку заходи! Что, ослеп или пьян с утра? Я тебе покажу на разборе полетов. Кому говорят, олух небесный!

Толку от моих реплик было мало. Небесный ас не слушал мелкоту. Может быть, спутал стационарный командно-диспетчерский пункт аэродрома с кабиной вертушки. Как каждый штабной большезвездный чин, он искренне считал, что кругом одни дураки. Он привык командовать, любил повелевать. Ко времени и месту ли — ему было наплевать.

У командира последней вертушки сдали нервы. Да и по логике последний всегда крайний. Ему полковник преподнес целый букет матерков. Командир поспешил с посадкой, преждевременно загасив скорость. Вертолет резко просел, набрав большую вертикальную скорость.

— На повтор, на повтор! — заорал благим матом в эфир полковник.

В данном случае повторный заход был необходим, но нежелателен. Второй круг — всегда угроза лишней пробоины в фюзеляже или дырки во лбу. Но и уходить на второй круг было поздно. Набору высоты и разгону скорости мешали пики горных вершин, торчавших в поднебесье по курсу взлета. Вертушка плюхнулась на землю, благо, на все три точки опоры. Удар был силен. Вертолет отпружинил от земли, сделал пару скачков, бешено вращая лопастями. Умелые руки летчика удержали вертушку от опрокидывания. Резко был сброшен шаг-газ и немедленно выключены двигатели. Угрожающе раскачивая корпусом, вертолет замер на краю пропасти.

— Пронесло, — только подумал я, как почувствовал всем телом резкое падение вниз. Сразу же вылетел из головы полковник со своими командами и судьба вертушки, произведшей посадку. Мой и Анатолия взгляды мгновенно сосредоточились на приборах. С ужасом я увидел стрелку указателя скорости, приближающуюся к нулю. Мельком увидел угрюмое, побагровевшее лицо борттехника. Мои руки схватились за рычаги управления. Будто во сне услышал крик Головина:

— Командир! Скорость, обороты, обороты, скорость!

Вроде бы Толик съездил полковнику по уху. Все же Смирнов был дока в летном деле. Молниеносно окинув взглядом приборы, сосредоточив внимание на указателе оборотов и скорости, он плавно потянул «шажок» (рычаг шаг-газ), поманипулировал «коррекцией» и протолкнул ручку управления вертолета вперед. Позже я понял, что это был единственный шанс выжить.

Перетяжеленному несущему винту не хватало мощности двигателей. И винт мог сделать опасную штуку. Страшную для любого летчика. Стоимость которой — человеческая жизнь. Вертолет, задирая нос, камнем падал в пропасть. Тогда нас спасли глубина ущелья, выдержка и умелые руки самодура-полковника.

Прищуриив глаза, плотно сжав губы, он упорно проталкивал ручку управления вперед. Еле-еле стрелка указателя скорости поползла вверх. Нос вертолета выровнялся. Прекратились визжавшие от напряжения хлопки воздуха. Метрах в 150 от земли нас потрянуло, скорость перевалила за отметку 60 км/ч. Я с облегчением понял, что и на этот раз «пронесло». Вертолет

перешел на режим косой обдувки, стремительно уменьшилась вертикальная скорость и мы плюхнулись позади всей вертолетной кавалькады. Несколько десятков метров высоты и секунд времени спасли нас от гибели. Смерти. Внезапной, нелепой, сотворенной человеческими руками.

Но полковник! Он остался верен себе. Не зря говорят: «горбато-го только могила исправит». Затормозив вращение лопастей, он победоносно взглянул на меня и самодовольно проговорил:

— Что? В штаны наложили? Паникеры. Как моя посадка? Ты бы сумел? Где уж бы вам, лапотникам. Учись, браток, пока я жив. Так что вам повезло.

Позже о «геройской» посадке со слов полковника знали многие. Смирнов за операцию получил орден. Но мало кто знал, что лишь своевременное вмешательство мое и борттехника сохранили те метры и те секунды. Ну а тогда его высокомерная, победная рожа, ждущая похвалы, желание ястреба, создавшего своим самодурством смертельную ситуацию, какой-то благодарности от нас повергло в шок.

— Я больше с вами не полечу, — спокойно проговорил Головин, закуривая сигарету. Вылез из кабины и, повернувшись к ошарашенному полковнику, добавил, — хотите подышать, так без меня. Ваши фокусы мне ни к чему. Ищите другого дурака-технаря. А мне хочется домой вернуться.

Анатолий снял шлемофон с головы, долго смотрел на пред-рассветные лучи солнца, жадно вдохнул воздух и молча двинулся к соседнему вертолету.

— Стоять! — взревел опомнившийся полковник. — Я кому сказал! Стоять! А ты куда без команды? Я с вами еще разберусь!

Тут уж взбеленился я. Появилось желание съездить Смирнову по роже. Кое-как овладел собой. На ходу бросил:

— Летайте с другими. Более умными. Вы же сами сказали, мы до вас не доросли.

Услышал вдогонку:

— Сниму с летной работы. Я кому сказал. Стоять!

Головин не выдержал. Его лицо побагровело, кулаки сжались. — Спокойно, Толик, — я обнял его и с силой сдвинул плечи. — Я сам разберусь. Как летчик с летчиком.

Мы смотрели в глаза друг другу. Смотрели долго, не мигая, непрерывно. Мы говорили глазами. И мы друг друга поняли. Полковник отвернулся первым. По-стариковски побряхтел, вытер потными руками лысину и молча пошел в сторону штабной палатки. Больше мы с ним не летали.

Это был рассвет. А утром...

II

Мы дремали в вертушке, обливаясь потом. Кто-то пошаркал ногами по стремянке. Я открыл глаза и увидел здорового десантника. Его лицо было оживленно. Заметив, что я проснулся, он весело спросил:

— Командир, курить не найдется? За неделку совсем прокурились. Патроны, жратву возят, а курить нет. Хоть на травку переходи. Забодала житуха.

Я протянул ему пачку «Примы».

— И что вы тут неделку делали?

Он жадно затянулся дымом, несколько раз чихнул и, хохотнув, ответил:

— Трясли друг друга. То мы «духов», то они нас. Благо, сегодня поутряне две «объемки» бахнули. То, что мы за неделю напластали, бомбочки за часок ковырнули. Эффективно, скажу я вам. Есть желание, пожалуйста, таких «страшков» покажу, какие и в кошмарном сне не приснятся.

Я вскочил как ошпаренный. Только сейчас поняв причину тишины убаюкивающей вершины и долины горной гряды Гиндукуша. Соскочил с сиденья и Анатолий — любитель всевозможных зрелищ. Оживленно переговариваясь, мы двинулись следом за десантником. Жестикулируя, он восторженно рассказывал:

— Мы с прошлой недели дергаемся. Ни туда, ни сюда. Сильно укрепились, гады. Ни пулей, ни снарядом не возьмешь. А тут начальства, как саранчи, поналетело, журналисты всякие. Взводный говорит: «Хана, ребята, дело. Полбатальона положат, а заставят горку взять». Показуха. Мы было приуныли. А ночью команда — отойти назад. Поутряне «стратеги» (самолеты) нагрянули, затем вертушки. Когда рассвело, и мы в бой пошли. Хотя, какой бой? Трупики одни. Трупики. А какие! Бомбочка хрясь — и сливай воду. Эффект стопроцентный. Сами

посмотрите. Такое в кино не покажут. Муторно, блевать тянет. Снайперов не боись. Как в Сочах на курорте, голяком гуляй. Всех бомбочка подчистила. Газочек в каждую щелочку залез. Говорят, какая-то вакуумная. Разряжение сильное, давление бешеное. Хлеще американского напалма. Там море огня и шума. Тоже эффективно. Смотреть жутко. А у нас по-другому. Тихо, мирно — и шашка в дамки. Чаще бы применяли. А то нельзя, негуманно. Убивать ножом, пулей гуманно, а газом нет. Брехня какая-то. По мне так хоть весь Афган вытрави. Скорей домой поеду. А вот и первый экземпляр. Их поблизости много валяется. В одной пещерке так под сотню штук. На стенки, дурилы, прыгали, друг в друга мертвой хваткой цеплялись. Как клопов, траванули. Туда мы не пойдем. Опасно. Там несколько человек живьем взяли, выжили как-то. Только я думаю, они после бомбежки по каньону спустились. На разведку шли. Тишине удивились. Или подкрепление? Свеженькие. Не попали под молотилку. Может, еще кто есть. Стрельнуть могут. А нам это ни к чему. Береженого Бог бережет. Этого дохлого добра и здесь навалом. Бомбочка, скажу я вам, ну и бомбочка!

На возвышенности стоял пулемет, заправленный полной лентой. Полукругом окоп, под ногами стреляные гильзы. Валялись три трупа. Двое — уткнувшись лицом в песок, третий — облапив руками камень, выгнувшись по-змеиному телом. По очертанию спины еще не старый человек, с неестественно вывернутой шеей и сжатыми в кулаке пальцами. Grimаса его лица была ужасна. Рот порван. Красное, обогреное дупло с торчащим, обкусанным куском языка, вытянутым каким-то образом до подбородка. Задранная к носу верхняя губа и звериный оскал шеренги ровных зубов. Его подбородок был свернут в сторону, щеки сморщены. А глазищи! Открытые, выпученные, вылезшие из глазниц, с лопнувшими поперечными и продольными жилками кровяных стрел.

Десантник деланно хихикнул. Пнул носком ботинка в бок трупа.

— Развалился. И правда, у себя дома. Посмотрели? Сногшибательно. Что я говорил? Те двое песок, камень хрумкали. Так и подошли с набитым ртом. А этот ерепенился. Не хотел

умирать. Я за день нагляделся. Ничего, привык. И вы привыкнете. Человек, он ко всему привыкает. Пойдемте следующих мертвяков покажу. Экскурсоводом поработаю.

Дикое желание посмотреть на чужую смерть у меня испарилось. Невольно на миг представил самого себя на их месте. Попытался вообразить предсмертные муки, последние мгновения жизни этих людей. Мне показалось, что вот сейчас вновь взорвется бомба. Уже мы будем грызть зубами землю, дико орать от бешеного давления в ушах, хвататься друг за друга руками и молить Бога о скорой смерти. Мне стало жутко, одиноко, тоскливо. Я потянул Головина за рукав. Анатолий почувствовал что-то подобное. С нас довольно было и этих экземпляров, о чем я сообщил десантнику.

Он благодушно кивнул, явно и сам не желая продолжать экскурсию. Опустился на корточки, развернулся спиной к трупам, запустив в рот очередную сигарету:

— Дело ваше. Как сговорились. Третью экскурсию веду. Дальше никто не двинул. Мы по горячке осмотр произвели. Вот теперь и рассказываем. Но лучше б глаза мои не смотрели. Сниться еще будут. На гражданке никто не поверит, что такое бывает. Сюда бы тех, кто войны начинает, кто придумывает эту белиберду Гуманно, негуманно. По мне, Бог дал жизнь, он и забрал. Вся гуманность. Мы тут дергаемся, долбим друг друга пачками. За что, про что — по сей день не врублюсь. Пробуем новые виды оружия. Сегодня мы, а завтра они. Конструкторы тем временем еще что-нибудь страшненькое изобретут. Зачем, для чего все это? Иногда гадаю, какой смертью легче умереть. Вот такая ерунда в голову приходит. Раньше на мечах бились, стрелы пускали. После пушки пошли, снаряды, автоматы. Теперь бомбы атомные, водородные, напалм, газы, ракеты. Интересно, лет через сто как убивать будем? Как думаешь, командир?

Мы сидели рядом с десантником, думая каждый о своем. Головин вдруг громко захохотал, схватившись за живот. Повернулся ко мне и, тыкая пальцем в десантника, проговорил:

— Чудит десантура. Сто лет жить собрался. Ты до дембеля-то доживи, не сыграй преждевременно в ящик.

— Жив буду или помру, а мне все равно интересно. Раньше

воевали, сегодня воюем и завтра будем. А техника-то развивается, особенно убойная. Сами сегодня убедились. Одна— две бомбочки, а такой шухер навели.

Толик помолчал. Сорвал пучок травы. Долго мял его пальцами. Тихо ответил:

— Ничего не будет. Пустота. Безбрежный космос. Тысячи других планет, других миров. Смотри. Я дунул — и нет травы. А когда-то она цвела, зеленела. И земля прахом пойдет, если дальше воевать будем. Ну, нам пора. А ты, философ, возьми лопату и закопай «духов». Люди же...

— Ну уж фиг. В могильщики я не нанимался. Их тут полно валяется. Месяц закапывать будешь. Мы уйдем, вернется «духовская» родня, похоронит. Насчет этого у них строго. Мертвых не бросают.

Действительно, у мусульман строгое правило — хоронить убитых. И мстить за их смерть. Это железное правило было причиной ряда яростных атак на наши позиции. Пока штабисты и разведка выясняли, что ценного «духи» нашли в данной местности, афганцы, прикрываясь огнем, тащили на себе погибших товарищей. Стратеги в погонах закручивали кольцо крупной операции на пустом месте. "Духи", вытащив своих, тихо покидали район боевых действий. А потом мстили. Коварно, безжалостно. И, может быть, справедливо. Хотя, какая может быть справедливость на войне? Это было утром, а в полдень...

III

Изнывая от жары и безделья, находясь под впечатлением утренней экскурсии, мы уныло наблюдали за группой людей, спускавшихся с пригорка. Впереди, связанные одной веревкой, устало тащились четверо пленных. Сзади грузные мужики, обвешанные оружием, явно не первогодки, замыкали процессию. Пленные, как на подбор, были молодые, сильные парни. На головах двоих отсутствовали чалмы, один придерживал другого, третий одергивал руками в клочья разорванный халат. Последний, опираясь на палку, скакал по камням босыми ступнями ног. Безразлично взглянув на нас, они проковыляли мимо. Сзади резко дернули за веревку и четверка пленных послушно рухнула на землю.

Я посмотрел на конвоиров и увидел радостно улыбающуюся знакомую физиономию.

— Привет, старина, — хрипло пробасил коренастый, мускулистый майор, протягивая руку.

— Колян? — удивился я, мгновенно вспомнив приклатненного, вечно пьяного капитана, с которым два месяца назад на пересылке в Ташкенте мы трое суток беспробудно пили водку. Выпили мы ее море. Опустошив карманы, двинули на поиски приключения. Связались с какой-то узбекско-татарской шантрапой, которой на прощание решили заглянуть в наши бумажники. В карманах только ветер гулял. Разочарованные собутыльники начали футболить нас ногами, разбудив мирно дремавшего на ящике капитана воздушно-десантных войск. Колян дрался яростно. Бил жестоко и профессионально. Последнего из нападавших потряс за шиворот и заставил обшарить карманы противников. Засунув деньги в карман, ладошкой рубанул последнего по шее. Матюгнулся и изрек: «Ишаки. Лежачего бьют. Денег захотелось, вот и платите компенсацию. Сматываемся, а то менты нагрянут. А эти? Пусть знают наших. На кого, суки, руку подняли».

Где-то орала милицейская сирена. По дороге снова нажрались до одури. Колян вновь пил за себя, того парня и хоть бы хны. Куда-то рванули на такси. Щедро расплатились. И... Дальше не помню. Резко пошел в вырубон. Утром открыл глаза, а капитан уже с опохмелькой стоит, ухмыляется. Оказывается, как с поля боя, он меня на спине тащил километра два. А я песни пел. В общем, совсем крыша поехала. А он выдержал. Что значит десантная закалка. Колян улетел первым. На прощание обнялись. Он похлопал меня по плечу:

— Встретимся в Афгане. Пора, братан, на работу. Передышку необходимо сделать. По спиртному годовую норму выполнил. Держи краба, браток.

Вот и встретились. Правда, теперь его было не узнать. Может, и правда, все мы меняемся, когда пересекаем границу. И туда, и сюда. Какой-то дерганый, взвинченный, как пружина. Болтал без умолку. Видно, безумно был рад случайной встрече. На его плечах я заметил майорские звездочки, с чем незамедлительно поздравил. Он покосился на погоны и довольно изрек:

— Это за Митерлам. Вне очереди. Знай наших. Такими темпами, дорогой, я и генерала в Афгане получу.

«Или пулю», — хотел добавить я, но промолчал, решив не омрачать ему настроение.

Вдруг в его глазах загорелся зловещий огонек. Как тогда в Ташкенте. Сумрачно окинув взглядом пленных, Колян повернулся ко мне:

— Вот такое дело, дружок. Троих надо спустить на землю, без парашюта. Сможешь? Или кишка тонка?

Я с изумлением уставился на майора, ставшее чужим и злым его лицо. До меня постепенно дошел смысл его предложения. Дрогнули ноги, тело прожгло жаром. О таких делишках я слышал. Но чтобы самому... Помялся на месте, растерянно улыбаясь. Колян не дал мне передышки. Речь его стала прямолинейной, четкой и напористой. Он загорелся идеей, он вновь занимался делом, своей работой.

— Не дрейфь. Так надо. Они на связь шли. После бомбежки. Не раскалываются, хоть кол в задницу вбивай. А тот дылда за главного. Я переборщил. Задницу ему проводкой попортил. А это место у них святое. Теперь ему муки земные «до фени». Может быть, небесные помогут?

Какое-то нездоровое любопытство, чувство новых ощущений заставили меня утвердительно мотнуть головой. Не глядя на пленных, спросил:

— Всех? Или по выбору?

— По ходу видно будет. Мне бы этого верзилу тряхнуть. Чувствую, знает, но молчит. Возиться с ним некогда. А информация у него ценная должна быть. Ну что, по рукам?

Эта минута перевернула многое в моей жизни. Ведь фактически и я стал палачом. Но тогда об этом не думалось.

— Надо с начальством вылет согласовать. У нас за бугра полковник Смирнов. Договорись с ним. Скажешь, второго летчика с соседнего борта возьмем. Он поймет, почему. Кстати, прикажи этих привязать, а то дергаться начнут. А бардак в воздухе нам ни к чему.

— У нас не подергаешься. Правда, кто их знает. Возьмут, друг за другом все прыгнут. У них мозги набекрень после проводки. Одного надо оставить обязательно, а там посмотрим.

Я к полковнику Запускай вертушку. Одна нога там, другая здесь. Я мигом.

Парашиот, парашиот.

«Духи» нас не подведут,

С па-ра-шио-том сиганут,—

громко мурлыкая, растягивая слова, пел он, шагая к штабной палатке.

Тогда в воздухе я вышел в забитую пленными и десантурой грузовую кабину. Хотел понять, что чувствуют приговоренные к гибели люди на пороге смерти. Догадываются ли об этом? Они сидели рядком с левой стороны борта. Напротив — насупившиеся лица офицеров-десантников. Мой безоружный, в голубом комбинезоне, вид сильно отличался от вида вооруженных до зубов десантников и разбудил в пленных любопытство. И, как мне показалось, надежду. Это были последние минуты их жизни. Понимали, знали ли они об этом? Никто никогда не поведает. А я старался запомнить их лица. Надолго, навсегда. Не знаю, зачем. Я хорошо понимал, что моя команда послужит началом конца их существования на земле. Что-то подтолкнуло меня к третьему смертнику, сидевшему рядом с верзилой. Молодому безусому парню с грустными черными глазами. Как ни странно, на его жилистой руке сохранились часы. Я протянул ладонь и указал глазами на них. Верзила что-то буркнул афганцу. Тот растерянно, виновато встрепенулся и резко вскинул левую руку в мою сторону. В его утомленных глазах сверкнула веселая искорка презрения. Презрение к мародеру в синем комбинезоне. Ко мне. Я провел пальцами по стальному браслету и прочитал еле заметную надпись на циферблате — «Сейка». Вторая рука пленника попыталась растегнуть браслет. Я схватил его за ладонь, крепко сжал за запястье и отрицательно замотал головой. Афганец сидел не шелохнувшись, уставившись мне прямо в лицо. Наши глаза встретились. Какая-то человеческая ниточка связала нас. Я потерянно улыбнулся ему. И в его глазах мне почудилось сочувствие и жалость. Человеческое участие ко мне, одному из палачей! Не знаю, понимал ли он тогда, что был на краю смерти. Но никто не хотел умирать. Это я твердо знаю. Я оттолкнул его руку с часами. Неожиданно для себя потрепал по плечу и, повернувшись к Коляну, прокричал:

— Этого оставь. Он мне понравился. Прошу тебя...

Майор внимательно смотрел на нас. О чем-то посоветовался с заместителем. Криво усмехнувшись, ответил:

— Хорошо. Только лучше ли это будет? И для него, и для нас. Пусть живет пока...

Смысл этой фразы я понял поздно вечером.

Первый смертник по-звериному визжал и брыкался. Первому всегда трудно, тем более умирать. Страшной, дикой смертью. В прямом смысле от страха он наложил в штаны. Колян заломил его руки за спину, вывернув их из суставов. На голову накинули веревочную петлю, затянули. Схватили за ноги, качнули и швырнули смертника в поднебесную пустоту. Хрипящий визг — плач пленника оборвался, растворившись в безбрежном океане Вселенной...

Второй смертник поспешно читал молитву. Он закатывал глаза в потолок, судорожно водил ладонями по лицу и старался не смотреть и не слышать мук своего собрата. Толчок в плечо пронзил его тело судорогой. На мгновение закрыв глаза, он резко вскочил на ноги, что-то прокричал и сам выбросился в дверной проем кабины.

Десантура замаялась, обговаривая смелый поступок афганца. Этим воспользовался верзила, каким-то чудом развязав узлы веревки на руках. Облапив Коляна сзади за грудь, сжав в мертвой хватке пальцы, пленный потащил майора за собой в пучину смерти. Лишь в последний момент ошарашенный заместитель майора успел схватить пленника за ноги и повалить на пол кабины. Кто-то опустил на голову афганца приклад автомата, проломив ему череп. Обрызгав Коляна кровью, верзила потерял сознание и разжал пальцы. Майор, беспрестанно матеря все и всех, на карачках вылез из-под афганца, вытер подолом куртки с лица и рук чужую кровь, развернулся и стал пинать бесчувственное тело ногами. Что-то рявкнул в залитое кровью ухо смертника, схватил за плечи его тело, подтянул к дверному проему и швырнул в пустоту. Угрожающе сверкая налитыми кровью глазами, хватаясь руками за обшивку грузовой кабины и дополнительный топливный бак, Колян двинулся в сторону последнего пленника. Опомнившийся заместитель что-то прокричал ему в ухо, стараясь плечом отгородить афганца от взгляда майора. Колян на мгновение остано-

вился, успокоился и устало опустился на сиденье. Положил голову на плечо заместителя и прикрыл глаза. Так он и дремал до самой посадки. Может быть, спал, а может быть, думал свою горькую думу Как знать?

А пленник, тот самый, с часами, сидел в углу и плакал. Подетски, со всхлипом, растерянно и обиженно. Выйдя из грузовой кабины, он упал на землю, обнял ее руками и затих. Пинок в бок и окрик Коляна заставили его встать на ноги. Повернувшись ко мне, майор крикнул:

— Вечером продолжение спектакля. Парень сломался. Приходи, не пожалеешь...

Это было в полдень. А вечером...

IV

В жутком одиночестве, как последний трус, нервно перебирая ногами и теребя пальцами свою помятую панаму, я замер у края неказистой палатки, наблюдая и слушая то, что происходило внутри. Мне было страшно. Очень страшно и противно. За себя и своих друзей. Я не смел войти в палатку, я трусил, трусил и трусил. Я был ошеломлен и подавлен.

Пленника жестоко били. Какими-то ржавыми, окровавленными цепями, беспорядочно валявшимися на земляном полу. Накаливали железо на весело играющем в печурке огне и прожигали тело. Стояла страшная вонь обгоревшего мяса. Какими-то лязгающими рычагами с хрумканьем сломали суставы пальцев. Соорудили над головой бедняги какой-то стальной обруч, опустили его на голову и, плавно закручивая гайки, сжали его черепную коробку до леденящего хруста. Ввиду отсутствия иголок, монотонно постукивая по шляпкам железным молоточком, ему вгоняли под ногти мелкие гвозди. Прикладывая провода на различные части тела, периодически крутили ручку допотопного телефона, вырабатывающего электрический ток. Пытали всеми методами извращенной инквизиции двадцатого века. Пытали жестоко, подло, безжалостно, отвратительно. В каком-то первобытном, животном азарте современных дикарей. Что хотели, то и творили, забыв, что и их когда-то родила мать, что и они были когда-то детьми и

остаются всегда ими для матушки-земли. Зверь, оказывается, обитает в нас.

*И вчера, и сегодня, и завтра
Дьявол поселился в наших душах.
И вчера, и сегодня, и завтра
Ад уготован нам посмертно.
И вчера, и сегодня, и завтра,
Если зло победит добро,*

Если мы не остановим смертельный бег, Новый век уже не придет. Тебе конец, человек.

Мои мысли путались. Что только не приходило в голову. Я стоял и слушал. Слушал и стоял. И еле-еле дышал. Жертвой пыток был оставшийся в живых пленник. Сломленный, раздавленный уже человек. Вероятно, давно проклявший всех богов за спасение в воздухе и моливший своего Аллаха о милости послать ему мгновенную смерть. Его стоны и причитания тонули в пьяном гоготе десантуры. И лишь дикие вопли от боли, вылетающие из усталой глотки, изредка прорезали вечернюю тишину.

Как сквозь сон, услышал довольный голос Коляна:

— Колется, гад. Что я говорил? Ты, Ахмет, вытягивай из него все и не ври, а то и из тебя отбивную сделаем. Смотри у меня. А мой-то дружок-летун, белоручка, паинька, не пришел, мать его за ногу. Вечно нам грязная работенка достается. И правда, летуны в плен редко попадают. Собыют, так сразу в рай или ад отправляются. Или пулю в лоб пускают. Им рекомендовано в плен не попадать. «Духи» быстренько им кишки из живота выпустят. И бомбежки, и расстрелы кишляков — все на их совести. Я им не завидую. Не зря мой друган всегда пугач на боку носит. «Духа» им не напугаешь, а себя на тот свет мигом отправишь. Но все равно кишка у летунов тонка нашим делом заниматься. Видишь, даже не пришел. Давай, Ахмет, переводи правильно. Мы еще ангелы по сравнению с вами. Это же надо, Ахмет, такое придумать. Мне бы никогда в голову не пришло на башке гайки закручивать. Ну и кровавый вы народец, мусульмане. Своего земляка не жалеешь. А если бы меня, Ахмет? Как бы пытал? Врешь, стервец. Тебе дай волю, ты всю землю кровью затопишь. Вас на привязи держать надо, как цепных псов. И пулю в глаз, если с цепи

сорвался. Тоже мне, защитники ислама. Что мы, что вы — одним миром мазаны. И вы, и мы безбожники, точнее, проститутки. И вашим, и нашим. Не бубни, не бубни, Ахмет. Еще говоришь, муллой хочешь быть. А ты божьи заповеди знаешь? Везде они одинаковые. О добре и справедливости. Где же твое добро, Ахмет? Лицемер ты, одним словом. Крути гайки-то, что зенки пялишь. Крути еще круче. А теперь спрашивай: откуда, куда и зачем. А ты, лейтенант, куда смотришь? Видишь, посуда пуста. Наливай полный стакан. Не берет, стерва. По пьяне-то легче этим делом заниматься, быстрее забывается. Когда вернусь в Союз, на хрена мне эти воспоминания. Всадите кандидату в покойники еще пару гвоздей в задницу. Что-то орет слабо. Все равно не жилец он, да простит меня Господь!

А ты, Ахмет, переведи ему. Пусть своих сдает с потрохами. Больше мучить не будем, сразу к праотцам отправим. Скажи, что майор славных воздушно-десантных войск Колька Гранов слово держать умеет...

Ночью часть танков и бэтээров, облепленных десантурой, двинулись вглубь «зеленки». На переднем из них сидел чуть живой пленник, послушно указывая дорогу. Всю ночь слышались далекие взрывы и выстрелы. А утром меня бесцеремонно разбудил Колян. Довольно откупоривая бутылку водки, он пояснил:

— У тебя глаз наметанный. И как ты догадался этого в живых оставить? Расколосся за милую душу. Целый караван с оружием сдал. Мы их тепленькими взяли. Окружили танками в долине и размазали по земле гусеницами ко всем чертям. И верблюдов, и ослов, и людей. Затем кишлячок прочесали. Всех выкурили из нор. Бац, бац из пулеметов. Лихо поработали. Где пленный, спрашиваешь? А мы его того. Ликвидировали. Без мучений, как обещал. Лейтенант толкнул его прямо под гусеницы. Умер, как и подобает предателю. А как ты хотел? Нам свидетели не нужны. Где стакан-то? Давай налью. Что, головка бобо? Выпьем. За победу, что ли? Нет, в войне-то мы не победим. Все проиграют. Я про данный случай говорю. А в таких войнах победителей не бывает. На то она и локальная. Помяни мое слово, уйдем мы отсюда несолоно хлебавши, а еще и по мордасам получим. Я и сам не пойму, на хрена нам

Афган с их революцией. Но я об этом стараюсь не думать. Начальству, ему видней. А мне какая разница, где воевать. Лишь бы бабки платили да бабы были. Только не в своей стране. Кажется мне, и туда доберемся. Так сказать — цепная реакция. Вот тогда и думать буду. За что и кого долбить. В плен боюсь попасть. Сознание в бою потеряешь и застрелиться не успеешь. А я у «духов» на примете. Ужас, что со мной сделают. Это же мусульмане, браток. Они нас по идейным соображениям, не моргнув глазом, не глотнув спиртика, на куски разрежут, живьем на сковороде поджарят и благодарность от мульты получают. Стихия, одним словом. В общем, все мы сволочи. И мир сволочной. Нам держаться друг друга надо. И здесь, и там — дома. Выпьем за нас. За тебя, меня, всех ребят. За жизнь на земле, где и нам есть место.

А еще в те памятные сутки, в окутавшей горы ночи, я бежал, спотыкаясь о камни, подальше от страшной палатки. Бежал, пока не споткнулся о жерди прибитого рукомойника. Ладонью нащупал кран, крутанул стальной барашек и услышал журчание воды. Тщательно вымыл руки, сполоснул лицо, наклонился и долго глотал теплую, приторную жидкость. Сначала меня тошнило. Потом бешено рвало. Я толкал пальцы в рот, судорожно икал и не мог остановить этот безудержный поток гадости. В изнеможении опустился на землю, прямо на собственную блевотину. Какое-то равнодушие обволокло мой мозг, превратив само мое существование на земле в животный инстинкт болотных ползающих тварей. Я перевернулся на спину и долго смотрел в звездное небо. Торжественное, прекрасное и спокойное. Пробежали первые искорки мыслей. Светлых и печальных. О семье, о доме...

И вдруг прямо в звездном хороводе планет мелькнули дико орущие лица казненных пленников, звериный оскал отравленного газами пулеметчика, орудия пыток там, в палатке, и пьяные рожи хохочущей десантуры. А над всеми ними — Колян с сигаретой в губах и ехидной улыбкой на лице. Я прикрыл глаза. И череда жутких картин замелькала в памяти кошмарным круговоротом. Все здесь были. Враги и друзья. Живые и мертвые. Я завыл, завизжал сквозь зубы. Руки потянулись к кобуре пистолета. Вытащил «макар» и сунул ствол пистолета в

рот. Тут же представил, как пуля, разрывая внутренности, проходит в горловину гортани. Быстро вытащил ствол и решил застрелиться в висок. Но при мысленном виде кровавых сгустков моих мозгов резко отдернул руку. Приставил пистолет к сердцу. И вдруг понял, что уже позирую и ищу пути к отступлению. Мой мозг заработал. Я все понимал, я трусил. Уже с интересом подумал, что не помню о предохранителе. Той маленькой полоске стали между жизнью и смертью. Снят или нет? И есть ли патрон в патроннике? Это была уже игра. Азартная и опасная. Браня себя за трусость, стыдясь собственных мыслей, я машинально нажал на курок, интуитивно вздрогнув всем телом. Выстрела не было. Как прокаженный, откинул пистолет в сторону. Открытым ртом хватанул полные легкие воздуха. И заплакал. Как в детстве обиженный чем-то мальчишка.

Утром я промолчал. Не сболтнул по пьяни Коляну. Боялся, засмеет меня бравая десантура. И, может быть, будет права. Другое место, другая обстановка. И мы другие.

Сейчас мне не стыдно за слезы. Сегодня я с облегчением понимаю, что не только я, но и многие из нас были и остались людьми. И нам свойственно все человеческое.

Как жестокость, так и жалость.

Как героизм, так и трусость.

Как отчаяние, слабость, желание умереть и желание жить.

И мой друг майор, если остался жив, может быть, смотрит на небо, на звезды и вспоминает Афган. Он о многом жалеет и, может быть, плачет, не пряча слез. Все было, было, так было. Надо жить, жить и жить.

ГРУППА «ХАМЕЛЕОН»

*Ветерану войны в Афганистане
Францу Клинецвичу посвящается.*

Десантники брели длинной цепочкой, растянувшейся зигзагом по горной тропе. Иногда командир десантников, идущий впереди группы, тяжело ложился на каменистый грунт, обреченно раскидывал руки и ноги в стороны. Рассыпалась и вся цепочка его бойцов. Кто-то садился на первый попавшийся камень, спиной или боком прислонялся к скалам, или как капитан, замирал, лежа на животе. Командир на несколько минут умолкал, хрипло дыша и покашливая. С трудом поднимал голову, щурясь на солнце слезящимися глазами, с огромной тоской смотрел в бескрайнюю даль древних гор. В очередной раз, потеряв надежду увидеть конец горному кошмару, который должна сменить зеленая долина, он удрученно вздыхал. Бессознательно, невнятно мыча, еле-еле шарил усталыми пальцами по тропе. Нащупав что-то мягкое и шершавое в расщелине, боясь самому себе признаться, что это не что иное, а только ссохшийся от времени и жары пепельный мох, он упорно и жадно впивался губами в жесткую бахрому бледно-зеленой поросли. Зло и натужно рыча, хватал зубами и рвал ее на мелкие части. Кое-как ворочая обкусанным, кровоточащим языком, пытался жевать эту сухую массу, в глубине души надеясь чудесным образом высосать, выжевать, выдавить живительную влагу. Чувствуя неприятное жжение во рту, пыль, набившуюся в широкие ноздри, громко чихал. Чертыхаясь и матерясь, долго выплевывал серую, пережеванную кашицу прямо себе под ноги. Успокоившись, выпускал из рук автомат, скидывал с плеч рюкзак и переворачивался на спину. Плотнo закрывал глаза, прикрывая лицо покрасневшими ладонями. Проходило время, мысли путались в голове, но обезвоженный мозг

настойчиво выдавал команду: пить, пить, пить! И грезилось ему о чистой и светлой, как девичья слеза в водовороте первой любви, капели. Вспоминался холодный, прозрачный ручей в ельнике, за околицей села, вдруг превратившийся в бурлящий, пенящийся поток горного водопада. Водопад сменялся извилистой и полноводной лентой реки, проторившей широкое русло в бескрайней степи и впадающей в огромный океан, бьющий мощными волнами в берег. Вода была и рядом — прелая и вонючая в обвалившемся, заброшенном колодце, в мертвом кишлаке. Она искрилась в дождевой струйке, пробежавшей по трупам людей и животных. Покрасневшая, с соленым привкусом, но холодная, сладкая, дурманящая. Прелая, вонючая, соленая, кровавая — лишь бы влага, глоток воды. В крайнем случае ее можно профильтровать через вату, или три слоя бинта и тщательно выжать прямо себе в глотку.

Мучительное видение становилось невыносимым и тягостным. Тело командира жаждало покоя, душа — успокоения. Где-то крикнула птица. Горный орел. Мозг прожгло чувство зависти. Захотелось, как он, воспарить над вершинами Гиндукуша, расправить руки и стремительно ринуться вниз. Полететь навстречу прохладе зеленых садов, дымке костров, скалистой кромке полноводной реки. Туда, только туда. Где люди, где вода. Весь мир, вся Вселенная, собственная жизнь превратились в прекрасную полоску зеленеющей долины. Встать на ноги и прыгнуть. А там будь, что будет. Телесные муки, вся эта кутерьма, название которой «Афган», останутся позади. Но нет сил встать и нет сил идти. Теряется нить сознания, меркнет разум, цепенеет тело. Мозг отказывается служить людям, превращая разумное существо в обыкновенную ползучую тварь, безымянное, безмозглое человекоподобное животное. Все же командир не захотел быть падалью, добычей стервятников.

Широкоскулый, плечистый, русоволосый, лет тридцати капитан вздрогнул, открыл глаза, обвел взглядом лежавших на тропе десантников. Прокашлялся и выдавил из горла человеческий звук. Для верности прикладом автомата ткнул переводчика — близлежащего черноусого таджика, прошептал:

— Мурат, передай по цепочке, пусть башку поднимут, говорить буду.

Минут пять толкали друг друга. Капитан успел выкурить сигарету. Поморщился, проводив глазами «бычок», улетевший в ущелье. Перевел взгляд на своих бойцов. Голос его потеплел:

— Ребята, надо двигаться. Я впереди, Мурат — замыкающий. Не останавливаться до следующей горки. Вперед, ребята, вперед.

Только минутою назад здесь, на горячих камнях, на радость парящим птицам или там, на дне ущелья, в утеху ползучим гадам, солдаты были на пороге дикой смерти. Каждый в душе понимал, что капитан — один из них, устал, изнемог, как и они, от жажды. Его слова звучали как сигнал к действию старшего по званию и возрасту человека. Командир приказывал, солдаты исполняли. По привычке, по законам воинской дисциплины они упорно двигались на восток.

Шли, шли, шли... Шли, отупевшие от бешеной жары, безразличные к неповторимой красоте ущелий и вершин древних гор. Шли, видя перед собой потную, широкую спину командира, слыша позади упрямое и тяжелое сопение переводчика.

Казалось, будто целое столетие отделяло спецгруппу «Хамелеон» под командованием капитана Франца Клинецевича от того дня, когда их полк напоролся на минное поле. Неожиданно взрываясь под ногами, проклятые итальянские мины спутали все карты. Пока ждали саперов, пришлось спрятаться, зарыться в горячие камни, лишь бы не видеть приевшийся до одури желтый лик небесного светила.

Вечером полк отступил, не рискнув двигаться по заминированной местности. По узкому каньону двадцать человек след в след преодолели минное поле и двинулись к месту встречи с отрядом полевого командира Таджек-бека. Капитан Клинецевич обозначил на карте крестиком квадрат, в котором будет ждать вертолет, огляделся по сторонам. Далеко внизу клубилась пыль, и последний взвод их полка, унося раненых, спускался по склону горной гряды. Вот, наконец, группа прикрытия достигла пыльного облака, донесся рокот вертолетных двигателей. Вертушки протарахтели над долиной и скрылись за горизонтом.

На душе Франца стало тоскливо. Его бойцы, осторожно ступая по камням, поднимались к вершине горы, когда неожиданно раздался взрыв. Это была мина-ловушка, на которую напоролся опытейший из ребят Серега-дембель. Быстро перетянули раненому жгутом культю правой ноги, обмотали бинтом посеченный осколками живот, вкололи в бедро обезболивающий укол. Вниз возврата нет, только наверх. Хруст камней под ногами, жуткое ожидание нового подрыва. Кто следующий? Вот и вершина. И вновь испытание. Качающийся на ветру висячий мост над пропастью. Это сооружение, в одно бревно шириной, держится на сухих ветках и колышках. Только Алях знает, как по нему пройти при полной армейской выкладке, да еще с раненым.

Серега-дембель очухался, облизнул сухие губы, простонал: — Больно. Бросьте меня. Все равно крышка.

Или все, или никто. Третьего не дано. Десантский закон. Суровый, но справедливый. Или живой, или в цинке домой, на Родину возвращается спецназовец.

Как скупая слеза на реснице солдата эта «висячая» тропа. Дрогнешь — и упала слезинка из глаз. Ни повернуть ни влево, ни вправо, только вперед или вниз, в страшную пропасть.

Мурат нахмурил брови. О чем-то пошептал, прикрыв лицо ладонями. Зацепил за поясной ремень страховочную веревку и, ловко балансируя над пропастью, первым достиг противоположной пологой стороны ущелья. Около часа переправляли рюкзаки и боеприпасы. Затем наступила очередь раненого. Последним преодолел «висячку» командир. Обмыли удачную переправу глотком воды. И снова вперед.

Еще сутки добирались до кишлака, где должна была состояться встреча. Залегли полукругом вблизи кошары. Франц выстрелил из ракетницы. Афганец-связник неожиданно появился на горе, предупредительно поднял руку, в которой горел факел. Из темноты слышались гортанные крики и щелчки затворов автоматов. Связник громко называет пароль. Получив ответ, задает пару вопросов. Переводчик Мурат скороговоркой отвечает и встает на ноги. Он и капитан Клинецвич, освещенные огнем факела, демонстративно кладут автоматы на землю. Скидывают с плеч рюкзаки, отстегивают поясные

ремни с гранатами, снимают набитые боеприпасами разгрузочные костюмы.

Только доверием и смелостью можно завоевать уважение и развеять подозрения противника.

Связник, молодой, сухощавый бородач, небрежно кладет руки на цевье автомата и, прищурившись, смотрит на приближающихся врагов. Резко вскидывает автомат и делает три одиночных выстрела в небо. Клинецевич невольно вздрагивает и замедляет шаги. Опытный переводчик опережает его и что-то громко говорит на афганском языке. Бородач, услышав ответную дробь автомата из кишлака, миролюбиво приветствует Мурата, стараясь не замечать его командира. Поведение связника понятно. Будь его воля, он бы, не задумываясь, пристрелил неверного. Внимательно осмотрев двух парламентариев, он разворачивается и, не оглядываясь, идет впереди десантников. На окраине кишлака, откуда ни возьмись, выкатывается гурьба мальчишек.

— Шурави, бакшиш, — доносится хор детворы.

Бородач добродушно улыбается, увидев, как предусмотрительный капитан сует в грязные ручонки ребят горсти конфет. Контакт налажен. Дело за малым — договориться о взаимных действиях. Для Франца операция такого рода первая. Из отряда только двое — переводчик Мурат и раненый Серега-дембель — имеют своеобразный диверсионный опыт. Мирить одних, стравливать других, где ложью, где силой, без стрельбы, осознанно рисковать жизнью. Таков удел спецгруппы «Хамелеон».

Мысли капитана прерывает шум голосов. Шуршат под ногами камни, кто-то отгоняет осмелевшую детвору. Их окружают кольцом молчаливые люди с оружием в руках и ведут к замаскированному проему в стене дувала. Ловко и аккуратно обыскивают, обращаясь с вопросами к Мурату. Переводчик шутливо отвечает, охотно рассказывая о крупных силах десантников, окруживших кишлак. Достоверность его слов проверить трудно, да и время не ждет. На переговоры Франц отводит три часа. Мурат незамедлительно предупреждает своих соплеменников.

— На рассвете мы должны быть у своих. На нет и суда нет. Авиация и артиллерия уничтожат кишлак. Прощу, господа, не задерживаться с переговорами.

«Господа» недовольно ворчат, гневно поглядывая на капитана. Возвращается посыльный, утвердительно кивает головой. Связник подталкивает Франца к круглому отверстию в стене. Они пересекают широкий двор и входят в просторное помещение, освещенное керосиновой лампой. У противоположной стены на корточках их ожидает главарь отряда. По бокам расположились помощники и личная охрана.

Таджек-беку за сорок лет. Среднего роста, с густой, поседевшей бородой, короткими усами и пронзительным взглядом смоляных глаз. На голове аккуратная белоснежная чалма, а на ногах высокие армейские ботинки. В руках держит гроздь спелого винограда и небрежно кидает в рот ягоды. Кивком головы отвечает на приветствие Мурата и вопросительно смотрит на Клинецевича. Франц сразу переходит к делу. Диалог длится четверть часа. Говорят трое. Капитан, переводчик и Таджек-бек. Главарь бросает на пол виноградную гроздь и обиженно говорит Мурату:

— Переведи русскому, что они зря помогают Измараю. Этот шакал предаст вас. Дайте мне два взвода ваших солдат, боеприпасов и я уничтожу его отряд. И еще я гарантирую не трогать ваши машины и людей на дорогах. Только не лезьте в горы и в наши селения. Довольно лить кровь.

Клинецевич знает, что между бандами идут постоянные войны за расширение зон влияния. На личных амбициях главарей можно добиться многого. Этот Таджек-бек еще тот гусь. Желает чужими руками из огня каштаны таскать. Посмотрим, кто кого переиграет. Главное — не переборщить, болтунов здесь не любят.

Капитан неопределенно кивает головой и разыгрывает с переводчиком заранее заготовленный сценарий. Подробно, чеканя каждое слово, Франц объясняет свои условия. Убеждается в том, что молодой афганец, сидящий рядом с главарем, понимает русский язык. Он изредка шепчет на ухо Таджек-беку и старается не встретиться со взглядом капитана. Мурат с серьезной миной громко переводит слова Клинецевича:

— Мы пришли к вам не торговаться, не просить временных поблажек. Хотим найти общий язык на долгое время. Мы вам поможем, но и вы помогите нам. К Измараю из Пакистана идет караван с оружием. Вам его не взять. Возьмем мы и поделимся с вами. Поможем и с соседями разобратся. Давайте серьезно дружить.

Последнюю фразу переводчик добавил от себя. Францу становится смешно. Он слабо верит в дружбу по необходимости. Это игра, смертельная и опасная. В выигрыше будет тот, кто умнее.

Разговор нарушают далекие автоматные очереди. В дверях возникает знакомая фигура связника. Он злобно сверкает глазами в сторону Клинецевича и кивает головой на переводчика.

Таджек-бек недовольно морщится. Он явно озабочен внезапной паузой в переговорах. Пробубнив под нос ругательство, сердито говорит Мурату:

— Выйди, нам надо поговорить. Тебя позовут.

Переводчик ободряюще кивает командиру и немедленно скрывается за входной дверью. Франц, не поворачивая головы, внимательно осмотрел помещение. Горько подумал, что отсюда можно бежать только в могилу. Услышал злой голос связника:

— Абдулл решил проверить, сколько их. Мы попытались зайти к ним в тыл и перекрыть отход в горы. Но русские собаки были начеку. Абдулл и еще двое убиты. Надо отомстить неверным за смерть наших товарищей. Разреши, я перережу ему глотку.

В комнате наступила зловещая тишина. Все ждали решения своего командира.

Молодой афганец, который знал русский язык, не выдержал, вскочил на ноги и, коверкая слова, угрожающе прошипел по-русски:

— Тебе крышка. Молись своему Аллаху.

Взгляд Франца случайно наткнулся на цветные картинки, рассыпью валявшиеся на столе. На них были изображены удары каратэ на арабском языке. Франц знал, что в подобной ситуации надо протянуть время, спустить пар. Он обвел взглядом своих врагов и, опередив Таджек-бека, обратился к говорившему по-русски афганцу:

— Ты, недоучившийся в Союзе недоносок, переведи хозяину, что я готов к смерти. Только вы нарушите законы гостеприимства. Не надо было проверять нас. За нашей спиной целый полк солдат. Примерно через час вас долбанут, как вам и не снилось. Я предлагаю честный бой. Каратэ, варьете, русская рулетка. Один на один. Руками, ногами или дуэль на пистолетах. Выбирай. Кто смелый – выходи.

Франц снял с головы кепку, скинул куртку, оставшись в одном тельнике. Подтянул брючный ремень и принял оборонительную стойку. Афганцы с интересом уставились на его крупное, сильное тело, зашептались. Таджек-бек хлопнул в ладоши, его глаза азартно сверкнули. С удовольствием оглядев спокойно стоявшего капитана, весело крикнул:

— Керим!

Молодой афганец, говоривший по-русски, поклонился хозяину и, повернувшись к Клинецвичу, без предупреждения ударил капитана по корпусу. Клинецвич пошатнулся, успев ругнуть себя за неосмотрительность, ловко отбил новую атаку соперника. Керим сделал несколько прыжков вокруг капитана, помахал руками по воздуху, взвизгнул и пошел напролом. Этого момента и ждал Франц. Снизу левой он резко ударил соперника в челюсть. Молниеносно нанес серию ударов по животу своими пудовыми кулачищами. Атаку завершил ударом ноги в подбородок. Согнувшись пополам и откинув голову назад, афганец перелетел через стол, таща за собой учебные картинки. Не удержался на ногах и со стоном упал перед Таджек-беком.

Мертвая тишина обволокла стены комнаты. В голове Франца мелькнула мысль, что все кончено и им с Муратом живыми отсюда не уйти. Он медленно надел куртку, застегнул пуговицы, пригладил ладонью растрепанные волосы и спокойно взглянул на главаря. Они долго смотрели друг другу в глаза. Два командира, представители разных миров, непримиримые враги, вследствие необходимости встретившиеся на своем жизненном пути. Но еще они были обыкновенными людьми, со своими понятиями о долге и чести. Клинецвич облизнул языком губы и попросил на афганском языке пить. Таджек-бек приподнялся на ноги и сам протянул чашку воды Францу. Пристально посмотрел ему в глаза, медленно взял чашку

обратно и поставил на стол. Обвел взглядом своих подчиненных и, неожиданно улыбнувшись, проговорил:

— Хитрец. Наш язык знаешь не хуже приемов борьбы. И зачем тебе переводчик, говори сам.

Клинцевич облегченно вздохнул. Понял, что его прокол с иностранным языком пошел на пользу. Охотно ответил:

— Переводчик необходим. В переговорах должна быть ясность. Иначе наломаем дров.

— Наломаем дров. Это как понимать?

— Устроить бардак, принять неправильное решение. Старая русская поговорка.

Таджек-бек хмыкнул, перекинулся парой слов со своими подчиненными, повернулся к капитану:

— Русский язык — богатый язык, как и ваша страна. Только беспорядка много, этих самых дров. Я за ясность в наших отношениях. Керим, благодари Аллаха, что русский — достойный противник и твой проигрыш не посрамил мою честь. Иди, позови толмача, а сам с глаз моих долой. Учи русский язык и приемы борьбы. Капитан, теперь поговорим об убитых моих людях и о нашем общем деле.

Он скидывает ладонью картинку и приказывает положить на стол крупномасштабную карту. Шум и хохот за дверью прерывают его. Появляется оживленный Мурат, в окружении улыбающихся охранников, с гитарой в руках. Бросив тревожный взгляд на Клинцевича, он слегка поклонился Таджек-беку и предложил спеть песню. Его просьбу хором поддержала вся сопровождающая ватага. Таджек-бек был умным командиром и предпочел не торопить события в решении вопроса с убитыми в перестрелке. Он благосклонно кивнул солисту, захлопал в ладоши, вторично с хитрецей подмигнул Францу. Широким жестом руки предложил сесть рядом. Такого поворота дел не ожидал никто. В том числе и сам командир десантников. Клинцевич пристроился на подушку проштрафившегося Керима, поблагодарив хозяина за приглашение. С не меньшим удивлением, не мигая, уставился на своего переводчика. Франц любил бойцов спецгруппы по-мужски, по-отцовски, по-братски. Мурата же сейчас просто боготворил. Три года на войне и все в разведке. Хорошо стреляет, вынослив, как верблюд,

чешет на нескольких языках и, оказывается, поет, играет на гитаре. Определенно капитану с переводчиком чертовски повезло.

Да, Мурат хорошо знал своих соплеменников, живущих по другую сторону границы. Люди, они везде люди.

Он пел индийские песни из популярного фильма «Танцор диско» на таджикском, узбекском, русском языках. Куплеты переплетались то в веселую, то в грустную мелодию, проникающую в глубину души суровых воинов. Слова заполнили комнату, вырвались через двери наружу, заморозив сердца многочисленной охраны и спящей вблизи детворы.

Зрители не отрывали глаз от самодеятельного артиста, хлопали в ладоши и громко подпевали. И этот хор голосов чем-то напомнил мужскую пирушку собравшихся после разлуки старых друзей. Не было врагов, не было наций, не было войны. И так не хотелось возвращаться в тревожный и беспокойный реальный мир. Но прозвучал последний аккорд. Мурат поклонился, положил гитару на стол. Вопросительно взглянул на своего командира. Капитан скороговоркой рассказал переводчику о кулачном бое. Попросил перевести сказанное Таджек-беку. Мурат приложил левую руку к сердцу и, обращаясь ко всем, сказал:

— Люблю индийские песни. Вы прекрасно подпевали, спасибо. Придет время – может быть, еще споем. Как знать. От имени командира приношу извинения за убитых. Наши солдаты не виноваты, они выполняли приказ. Абдулл и двое погибли по собственной вине. Я далек от мысли, что проверять нас их послали вы. Они сами нарушили законы гостеприимства, за что и поплатились. О взаимной мести не может быть и речи. Мы поможем вам, а вы нам. Мой командир умеет держать слово, как и бить кулаком – в чем вы сегодня убедились. Вам решать, Таджек-бек.

Все это он сказал с достоинством и почтительностью, как подобает на Востоке. И выслушали его, не перебивая, внимательно и благожелательно.

Главарь на минуту задумался, покачал головой и решительно повернулся к Клинецвичу.

— Капитан, у тебя хорошие солдаты. Гордись ими. Теперь я верю своим предкам и легендам о том, что русский солдат —

лучший воин в мире. Я не держу зла за погибших. На все воля Аллаха. Спасибо за песню. Скоро рассвет. Приступим к делу.

Еще с полчаса договаривались о совместных действиях по разгрому отряда Измарая и блокирования каравана с оружием. Расстались довольные друг другом. Капитан хотел попросить воды, зная, что во фляжках десантников пусто. Мурат предостерег его:

— Во-первых, отравить могут. Во-вторых, догадаться: если у нас нет воды, то нет и прикрытия. В-третьих, сразу вычислят, сколько нас. Плюс-минус пять человек. Поймут, что с окружением кишлака мы их надули. Таджек-бек с норовом. Обидится. Тут ваши приемы и моя музыка не помогут. По горячке прихлопнут, отомстят за погибших. Верно говорят политики: «Восток – дело тонкое».

Он подумал и, вздохнув, добавил:

— Серегу-дембеля жалко. Два года мы с ним. Плохо, ох плохо будет без воды. Надо торопиться, пока прохладно.

Сменив маршрут, без остановок шли весь остаток ночи. Воду берегли для раненого. К обеду кончилась и она. Поднялись на круглое плато, и Клинецвич объявил привал. Десантники повалились на каменные плиты, устало замерли. Выдохся и сам Франц. Он прислонился спиной к огромной скале, открутил колпачок пустой фляжки, приложил горловину ко рту. Зная наперед, что фляга пуста, все же прикоснулся губами, лизнул шершавую внутреннюю полость горловины. Разочарованно хмыкнул, повертел фляжку в руках и швырнул в глубь ущелья, тоскливо проследив за ее падением. Оглянулся на своих бойцов, задержав взгляд на притихшем Сереге, подумал: « Не жилец он, пусть отдохнет. Не успел на дембель уйти, видно не судьба. Что-то притих. Эх, Серега, Серега...»

От мысли, что можно помереть тихо и незаметно, ему стало страшно. Пересилив усталость, он подполз к раненому, уселся на середину тропы, подогнув колени к подбородку, внимательно вглядываясь в его посеревшее лицо. Почувствовав чье-то присутствие, раненый открыл глаза и с надеждой посмотрел умоляющим взглядом на командира.

— Пить, — еле слышно выдохнули обкусанные, выжженные солнцем губы Сергея.

Франц осторожно погладил его темные волосы и попытался успокоить:

— Потерпи, потерпи, браток. Скоро придем к своим. Мы еще повоюем с тобой. Хотя тебе домой пора. На море поедешь с девочками воевать. Житуха будет у тебя, какая не снилась. Ты только крепись, не умирай. Слышишь?

Сергея-дембель внимательно слушал командира и, может быть, представлял тот сказочный мир, в котором, увы, ему не было места. Его лицо осветила мягкая, мечтательная улыбка. Он благодарно прикрыл глаза и громко по слогам выдал:

— Спа-си-бо, товарищ капитан.

Вероятно, это были последние слова Сергея. Через два часа его не стало.

Клинцевич, пошатываясь, опустился на корточки. Долго смотрел на кончик высунутого, побелевшего языка умершего, в его открытые, грустные глаза. Легким движением ладони прикрыл веки. Почувствовал на пальцах тепло последней слезинки солдата. А может быть уходящей из тела души. Он осторожно сдувает пыль с лица и пытается пальцами засунуть язык Сергея в рот, но плотно сжатые зубы не впускают обратно ссохшийся и окаменевший кусочек мяса. Тогда Франц левой рукой давит на скулы, а правой проталкивает язык вглубь гортани. Быстро вытаскивает пальцы из полости рта и слегка бьет Сергея по подбородку. Зубы умершего злоеще лязгают, соединяются верхняя и нижняя губы. Лицо покойника приобретает умиротворенный, божеский вид. Как подобает усопшему.

К ним подползает Мурат. Удрученно качает головой, вытирает потное лицо рукавом куртки, окидывает взглядом горные вершины, вздыхает:

— Вот беда-то, вот беда-то... Что делать будем?

Не услышав ответа командира, хрипит ему в ухо:

— Расчленить Сергея надо, распределить по рюкзакам.

Нести удобней.

Клинцевич вздрагивает, как от внезапного удара или выстрела. Смысл сказанного как молния влетает в утомленный мозг. Он что-то хочет сказать переводчику, судорожно хватаясь за горло и выплевывая изо рта блевотину. Ему хочется ударить Мурата, но последние силы ушли на рвоту. Он

протяжно мычит, отрицательно мотая головой. Его умнейший и храбрейший переводчик, не выдержав, срывается на крик:

— Слабо?! Блюешь, не понравилось. А как ты хотел? Себя и ребят погубишь. Подохнем ради целого трупа. «Духи» нам всем котелки поотрубают. Заспиртуют наши мордасы как военные трофеи. Уши высушат, в духовский гербарий попадем. Я дело говорю. Вам решать, командир.

Клинцевич вспомнил, что последние три слова Мурат говорил ночью, обращаясь к Таджек-беку. Главарь принял свое решение. Теперь предстоит принять ему — капитану Францу Клинцевичу.

— Что орешь? Не глухие. Уходи, спасайся. Дембеля я один попру. Земляк он мой, понял, земляк, — неожиданно заговорил пулеметчик Андрей Мальцев. — Что я его матери скажу? Резать не дам, хоть убейте. Подохну, тогда обоих обоих кромсайте, или в ущелье скиньте. Живодеры вы, суки...

Мурат нервно хохочет, хватаясь за живот, затем по-детски всхлипывает, шмыгает носом. Резко умолкает, протяжно и грустно вздыхая. Снимает ботинок и вытряхивает из него камешки. Зашнуровав и сделав петлю, вновь снимает. И так раза три. Молчит, качаясь телом из стороны в сторону. Думает. Решительно снимает с плеч рюкзак, перебирает вещи. Выкидывает в ущелье вилку, ложку, зажигалку, блокнот, тельник и другие мелкие солдатские пожитки. Оставляет только боеприпасы. Ни к кому не обращаясь, обреченно добавляет:

— Пацанва, эх пацанва. Живодером, сукой обзываешь, Андрюха. Я не говорю бросить. По частям надо тащить Серегу. Всем помаленьку, поровну. Ему без разницы, как в цинке лежать. Мать знать не будет, в окошечко посмотрит для успокоения. Главное, похоронить по-человечески. Поплачет, погорюет — смирится. А если мы все подохнем в этих проклятых горах? Будем числиться без вести пропавшими и Серега тоже? Что, легче его матери будет? Годами ждать погибшего сына. Мне «дембель» другом был и мой долг тащить его, пока сам жив. Только имейте в виду, если меня грохнут, то заройте труп в камни. Не обижусь. Двоих переть не осилите. Тогда точно все загнемся, живодерчики вы мои. Малец! Гони пулемет, обойдешься Серегиным автоматом. Что рот разинул? Берите

вдвоем «дембеля», и пошел. Всем рюкзаки расчехлить, всё лишнее в ущелье, за Андриюхиным пулеметом следом. Командир, проследите — ни иголок, ни ниток. Все в пропасть. И лишнее оружие скинуть. Оставить по паре гранат и патроны. Серьезного боя нам не выдержать. Таджек-бек поверил нам, не организовал погони. Лишь бы случайных бандюг не встретить. Пойду в авангард. Может быть и донесем «дембеля» целиком. Не буду загадывать.

Ворча и бубня под нос, Мурат обогнал всю группу и возглавил движение.

Вперед, зигзагами горной тропы. По каньонам, ущельям и руслам пересохших горных ручьев. По долинам, ложбинам, оврагам в окружении древних гор. Вперед, только вперед. В помеченный на карте квадрат. Еще несколько часов кошмарной ходьбы, и они вновь на вершине горы. Теперь спуск вниз. Близка «зеленка». Там вода, спасение, люди. Там безумствует взбесившаяся в войнах планета. И в этих войнах виноваты все живущие на Земле люди.

Пулеметчик Андрей Мальцев ползком упрямо тянет конец брезентухи, которой завернут его земляк. Позади, кряхтя и тяжело дыша, толкает тело друга Мурат. Его сменяет другой десантник. Где вдвоем, где втроем молча несут скорбный груз. Говорить нет сил и в голове какой-то тяжелый бред. Перед глазами серые скалы, прыгающие красные шарики, предвестники глубокого обморока. Франц толчками тормозит, подгоняет отстающих. Только вместе можно дойти, помогая, спасая друг друга. Они почти у цели, в спасительном квадрате. Слабый вечерний ветерок гонит из зеленеющей долины дурманящий горячий воздух, запахи цветов и фруктовых садов. Десантники невольно облизывают ссохшиеся, обкусанные, опухшие губы. На лицах появляется робкая улыбка. Широко улыбается и сам Клинецевич. Вдруг шквальное облако пыли выныривает из долины на плато. С размаху разбивается о скалы, оседая серой мутной пылью на камнях. Следом появляется многометровая темная вертикаль клубящегося и кипящего воздушного потока. Вертящийся смерч срывает камни с вершин, проносится над плато, сталкивается с горной грядой. На мгновение замирает, потеряв былую силу, взвивается в небо и уносится обратно в долину, набираться сил.

Все же краем своего страшного крыла коварный «афганец» коснулся людей. Кого опрокинул на спину, кого бросил на камни, оставив в воздухе громкий гул. Это был камнепад, который обрушился на долину. Через несколько секунд часть мелких камней достигли лежавших на возвышенности десантников.

— Под скалу, все под скалу, — громко крикнул Мурат, заталкивая вдвоем с Андреем в расщелину тело Сергея.

Франц услышал переводчика слишком поздно. Он успел прижаться телом к скале, засунув ноги в какую-то дыру. Огромные булыжники наперегонки, крошась и ломаясь, пронеслись мимо. Уже на излете камешек величиною с горошек щелкнул Франца в лоб. Его запорошило горной щебенкой, и, съехав на животе вниз, он потерял сознание.

Потустороннее, тусклое, унылое красное зарево заката вернуло его к жизни. Поморщившись, он потер лоб, на котором вскочила шишка. Встрепенулся, вспомнив о смерче, и попытался вылезти из дыры. Как сквозь сон услышал ворчание Мурата.

— Говорил, расчленить надо. Нет, подохнем, но тащить будем целиком. Салаги, одним словом. Сейчас бы в долине отдыхали. Капитану простительно, он новичок в Афгане. Я же, старый осел, третий год пашу, а мальчишек не убедил. Теперь камнями придавило, шиш кого поднимешь. Придется делать все самому.

Клинцевич облегченно вздохнул, почувствовав, как переводчик тормозит его за плечо. Радостно подумал, что не все потеряно, если у Мурата есть силы ворчать. Как сладкую музыку слушал он его голос:

— Капитан, ты живой? Шишка на лбу? До свадьбы заживет. Дай-ка я тебя вытащу на божий свет. Счастливики мы, никого не раздавило. Серега-дембель и тот не пострадал. Целехонек, ваша взяла. Здорово поштормил «афганец». Думал, смерч меня, как коршун цыпленка утащит. Мы с Андреем за Серегу ухватились. Так втроем и выдержали. Правда, Андрюха пластом рядом с земляком лежит, по хребту его стукнуло. А я везучий, обошлось. Ребят поцарапало, но все живы. На ноги никого поднять не могу. И вы, товарищ капитан, не ахти как. Колька-радист сумел рацию включить. Молодец. Как и вы, по лбу получил, но связь сберег. Командир, скажи

координаты, позывной, пора вызывать вертушки. Придется мне вас охранять. И что без Мурата бы делали?

Его слова убаюкивали, успокаивали Франца. Не хотелось думать, загадывать, отвечать на последний вопрос переводчика. Мураты были всегда и должны быть в любой армии. На таких людях все держится.

Клинцевич прошептал переводчику необходимые данные для радиосеанса. От усилий потемнело в глазах. Судорожно хватанув воздуха, он закрыл глаза. Очнулся от постороннего шума, доносившегося из горловины долины. Сразу понял: летят вертушки. Захотелось закричать от радости, не смог и заплакал. От слез стало легче на душе, он почувствовал себя бодрее и открыл глаза. Пошевелился, тронулся с места и пополз. Мельком заметил еще несколько движущихся фигур его бойцов. На открытом месте оперся грудью о камень, приподнял голову и навсегда запомнил эту картину.

В ночных сумерках, на скале застыла фигура переводчика. Перекинув через плечо автомат, Мурат держал обеими руками горящий факел и размахивал им над головой. К нему подползали десантники, шатались, вставляли на ноги и махали, махали, кто автоматом, кто кепкой, кто снятым с тела тельником.

Тот, кто не смог подняться во весь рост, вскидывал в приветствии руки, многие вытирали слезы с глаз, размазывая их по лицу. Командиру помогли подняться на ноги и посадили на скалу. Переводчик крепко обнял его. Вдвоем они сигналили факелом, смеялись и плакали, не стыдясь слез. Совсем неожиданно для себя, Франц прокричал:

— Мурат, ты был прав. Ты понял меня? Ты был прав... Война есть война...

Переводчик понял его, неопределенно покивал головой. Задумался и, повернувшись назад, нашел глазами сидевшего рядом с трупом Сереги-дембеля Андрея Мальцева. Заметил счастливый, восхищенный взгляд, слабое приветствие его руки. Широко улыбнулся ему в ответ и громко ответил Клинцевичу:

— Кто знает... Главное, мы живы. Живы, командир, живы!

ЧУЖАК

Игорю показалось, что качнулась земля, вздыбились в небо скальные нагромождения тысячелетних гор. Пронесся по кишлаку песчаный стремительный вихрь, поваливший ряд красивцев-эвкалиптов, растущих вдоль дороги, сорвавший крыши глинобитных домов, сбив с ног десятки людей и животных. Он проснулся, совершенно не соображая: сон или явь весь этот гул и грохот. Промелькнула мысль о землетрясении или извержении вулкана. Сильный удар здоровенной каменюки о стальную решетку его тюремной клетки и мощный рев каких-то чудищ над головою прервали его полусонные размышления. Сообразив, что это ничто иное, как ракетно-бомбовый удар самолетов, он засуетился в поисках укрытия. Близкий взрыв, мелкие камушки и серая пыль, свалившиеся сверху, заставили его поторопиться. На корточках дополз до скалистой стенки, уткнулся в нее лбом. Притаился. Сжался, свернулся, как змея, в дальнем углу глубокой ямы, куда швырнули его охранники, совсем не подозревая, что спасают молодого «шурави» от налета «бомберов». Не зная и о том, что вскоре погибнут сами.

Полуоглохший, испуганный до полусмерти, проснувшийся Игорь бессознательно заткнул уши пальцами, попытался засунуть голову под дырявый, замызганный матрац, валяющийся на клочках прелого сена. Он перевернулся на бок, прижал колени к подбородку, вжался всем телом в загаженное месиво в дальнем углу ямы, ставшей его спасительницей. Неожиданно для себя заплакал, завыл от обиды и бессилия, зловонного запаха человеческих нечистот. А с севера уже заходила вторая волна «сухариков», дав минутную передышку перед очередной бомбежкой своим жертвам.

Наступившая зловещая тишина заставила Игоря вскочить на ноги. Низом куртки он тщательно вытер заляпанное пахучей жидкостью лицо, просморкал забитый соломенной шелухой нос. Сплюнул накопившуюся слюну, брезгливо поморщился, мысленно увидев себя со стороны, подошел к лестнице. По ступеням поднялся вверх, с трудом отодвинул железную крышку, схватился за края ямы руками, подтянулся, выглянул наружу и застыл в изумлении.

На узкой центральной улице кишлака мельтешили люди и животные. Жители бежали в сторону разваленной мечети, падали, поднимались, махали руками, суетились и дико кричали. Рядом, с налитыми кровью глазами, переваливаясь с ноги на ногу, двигались верблюды. Прижав к заднице хвосты, шарахались между людьми и верблюдами ослики. С крыш и стен домов разлетались перья и пух кудахтающей, крякающей, гикающей живности. Бесновались на привязи и громко лаяли сторожевые псы. По земле стелилась серая дымка первых пожаров. Черная копоть горевшей на пригорке машины тянулась к солнцу.

Тюрьма — яма для пленников, где держали Игоря, находилась на площади перед мечетью, под палящими лучами солнца. Поместили его сюда вчера, предварительно расстреляв троих афганцев — партийных работников. Самолет Игоря был сбит «Стингером», и удачно катапультировавшись сам, он спарашютировал прямо в лапы «духов». Его величество случай и цепочка последующих событий вмешались в судьбу летчика и жителей кишлака страшно, жестоко и бесповоротно.

Взгляд Игоря выхватил из толпы испуганных людей седобородого старика, который в изнеможении опустил на колени и молитвенно вытянул перед собой руки. Его догнала женщина, тащившая на левой руке грудного ребенка, а правой крепко державшая за ладонь испуганную лет трех малышку. Женщина остановилась, нагнулась и что-то сказала на ухо старику. Случайно выхватила тревожными глазами на небе пикирующие на кишлак ширококрылые штурмовики, забыв о старике, закричала звонко и пронзительно. Судорожно дернулся и захныкал ребенок на ее руках. Громко заголосила девочка рядом. Старик устало помотал головой, показал рукой женщине на мечеть, прижался спиной к стене и уронил седую

голову на грудь. Их догнал хромающий бородач в черном стеганом халате, каких-то рваных башмаках на босу ногу, с разорванной штаниной, кровавыми подтеками на голени и винтовкой на правом плече. Он попытался успокоить женщину, поднял плачущую малышку на руки и накрыл ее голову полой халата. Проковылял десяток шагов и, не выдержав возрастающего грохота авиатурбин самолетов, опустил девочку на землю. Поцеловал в грязное, заплаканное личико и легонько подтолкнул к идущей впереди матери, окрикнул ее. Отрывисто что-то проговорил, показывая рукой на мечеть. С угрюмой тоской долго смотрел на свою семью, печально кривя губы. Резко повернулся. Тоскливо вздохнул и посмотрел в небо. Увидев пикирующих штурмовиков, яростно сверкнул глазами, скинул с плеча винтовку, лег на спину и стал палить в поднебесную высь.

Игорь машинально перевел взгляд с дымящегося ствола винтовки в руках мужчины на голубой небосвод. Вздрогнул от радости, заметив мчавшихся на кишлак родных «сухари-ков». Профессионально высчитал высотный рубеж начала стрельбы. Замер в возбужденном, ликующем ожидании. Четко заметил яркие вспышки реактивных снарядов. Успел с сожалением подумать, что наносится площадной удар по всему кишлаку, а не точечный по штабу «духов» в огромной скале, в стороне от селения. Вереница гулких взрывов поглотила крики людей и животных. Очередной залп самолетов был проведен классически, на оценку «отлично». Это Игорь признал с долей зависти к ювелирной работе летчиков. Он видел, как огромный осколок впился в позвоночник женщины, отшвырнув взрывной волной ее с ребенком на руках на серую стенку дувала. Кубарем влетела в дверной проем и кричавшая истошным голосом трехлетняя малышка. Стрелявший по самолетам мужчина оглянулся и, не увидев своих близких, завыл, зарыдал протяжным, жалобным криком. Бросил под ноги винтовку и рванулся в сторону дувала. И вдруг бесследно исчез в песчаном водовороте нового мощного взрыва. Всем назло уцелел только старик, сидящий на земле в прежней позе. Его обошел верблюд, который, нервно дрыгая задними ногами, остановился в двух—трех метрах от ямы Игоря. С усилием задрал

окровавленную, слюнявую морду, поворачивал огромными слезящимися зрачками глаз, пошатнулся, протяжно взвыл и грузно рухнул на землю. Через него перепрыгнула беспрерывно визжавшая, кусающая собственный бок собачонка. Пробежала возле ямы и, ощерившись, закрутилась на месте. Из глубокой раны на ее животе появился зловонный клубок парящих кишок. Собака, повизгивая и тяжело дыша, стала осторожно лизать их. Наконец бессильно вытянула тело, положила голову на лапы, слегка дернулась и затихла.

Еще несколько взрывов отозвались эхом по соседству, куда устремились оставшиеся в живых обезумевшие жители кишлака. Но наперерез им уже спешила бронегруппа майора Назарова. В ночном сумраке «броня» безжалостно расстреляет спасшихся от бомбежки людей и, не заходя в селение, уйдет догонять основные войска, участвующие в операции.

Игорь уже давно валялся на дне ямы, инстинктивно прикрывая голову руками. Наконец-то наверху все стихло. Сознание прояснилось. С облегчением понял, что бомбежка кончилась и он остался жив. Остро почувствовал вонючий запах дерьма, чихнул несколько раз, поднимаясь на ноги. Решил немедленно выбраться наверх. Присел на стальную крышку и окинул рассеянным взглядом улицу. Заметил убитую женщину с ребенком на руках и сидевшего в прежней позе старика. Пошарил глазами, стараясь отыскать мужчину с винтовкой, и вдруг заметил в дверном проеме горевшего дома мордашку девчушки, смотревшей широко открытыми глазами в его сторону. Малышка захныкала и дернулась, пытаясь выползти наружу.

«Сгорит!» — обожгла мысль голову Игоря. Вдохнув полную грудь воздуха, добрался до дверного проема и отшатнулся от языков пламени, вынырнувших из-под крыши. «Вовремя», — подумал он, вытаскивая девчонку на улицу. Подошел к убитой матери и с удивлением обнаружил, что грудной ребенок жив и спит. Забрав его, усмехнулся: «Надо же, двоих деток заимел». Он пристроил на руках и первую, которая успокоилась, зевнула и прикрыла глазенки.

Игорь долго сидел в неподвижности, прижимая к груди детей. Смотрел на лучи заходящего солнца и ни о чем не думал.

Почувствовал, что хочет пить, встрепенулся, выходя из состояния оцепенения. Осторожно положил девочек на землю и направился к убитому охраннику, на боку которого заметил фляжку с водой. Жадно выпил несколько глотков и подошел к старику. Пощупал на руке пульс и понял с удивлением, что старик мертв.

«Сердце встало? Видно, перенервничал. И правда, психом станешь от такой бомбежки. Мне самому жутко, а каково им?». Игорь вспомнил о детях с жалостью и тревогой. Поспешил к ним. Поднес горлышко фляжки к ротику старшей. Не просыпаясь, девочка с удовольствием глотнула воды, протянула ручки и крепко обняла его за шею. Плеснув в ладонь воды, осторожно смочил губы грудного ребенка. Наконец-то задумался: как быть дальше. Явственно услышал выстрелы на краю селения, дробь танкового пулемета. Догадался, что «броня» послана за ним и, вероятно, бомбежку кишлака произвели тоже по причине его плена. Только сейчас отчетливо осознал, что был виновником ужасной бойни, свидетелем которой невольно стал. Понял, что пощады ему от «духов» не ждать. И девчонки его не спасут. Но все же... Он был летчиком и мог принимать мгновенные решения. Правильные или нет — покажет время.

Игорь вернулся к мертвому старику. Снял с него длиннополый халат и напялил на себя. Чалмой кое-как обмотал голову. Пришлось снять со старика и обувь. Осторожно положил его на спину и прикрыл ладонью веки мертвых глаз. До выхода к своим решил для прикрытия детей взять с собой. Аккуратно поднял девочек на руки и осторожно двинулся навстречу пулеметным выстрелам. По пути попадались убитые и раненые жители кишлака. Иногда они стонали и звали на помощь. Он жалел, но и боялся кричащих, стонущих, страдающих, гордых, чужих, страшных в его понимании людей. Прижимая девочек к груди, опустив голову, не останавливаясь, Игорь благополучно выбрался из замысловатых лабиринтов селения. Дети, как будто чувствовали важность момента, ни разу не пикнули. По вспышкам выстрелов определил точное местонахождение «брони». Метрах в пятидесяти облегченно вздохнул, остановился, пошарил по земле рукой и аккуратно

уложил девочек на мягкую бахрому зеленой травяной поросли. Подумал с грустью и нежностью, что спас двух малюток, с которыми ему уже никогда не придется встретиться. Напоследок ладонью погладил их маленькие головки, положил рядом фляжку с водой. Выпрямился и, облегченно улыбнувшись, шагнул навстречу своим, высоко подняв руки.

Его заметил пулеметчик раньше, чем думал Игорь. Русоволосый боец повернулся к майору:

— Командир! Еще «дохляк» появился.

— Подпусти ближе, Семен, и одной очередью... Темнеет. Пора сматываться.

— А как же летчик? Может, в кишлак рванем?

— Черта с два. Я еще не спятил в кишлак ночью лезть. Видишь, под пули всякая «шантрапа» прет, а «душки» попрятались. Войдем в селение, сожгут и фамилию не спросят. Нет, мы теперь ученые. А летчик сам выберется, если в счастливой рубашке родился. Мы ему знак подали, часок подождали, теперь как судьба вырулит. Стреляй этого суку, Семен, и отступаем во славу Родины.

Пулеметчик повел стволом пулемета, алчно прищурился и громко, отрывисто рявкнул:

— Подыми выше руки, гад! Кому говорят, выше! Козел вошючий!

Игорь, услышав русскую речь, вновь улыбнулся. Хотел крикнуть: «Братишки, я свой», но поперхнулся дымом, закашлялся, согнувшись пополам телом и опустив руки. Сумел услышать, но так и не смог осмыслить последние фразы на родном языке.

— Не тяни, стреляй, Семен. Еще одним «духом» меньше будет. Вжарь ему ниже пояса, а потом в башку, по мозгам...

Игорь попытался скинуть с плеч халат, в ужасе широко раскрыл глаза, с трудом воспринимая разумом эти страшные слова. Хотел предостерегающе поднять руки и закричать, не успел. Ноги его обожгло жутким огнем, швырнув, как недавно мать девочек, на спину. Игорь умер мгновенно, уставившись удивленными, огромными глазами в любимое им с детства небо. Пулеметчик удовлетворенно похлопал по стволу пулемета:

— Точняк. Еще одного олуха прищучил. Темнотища. Самих могут из гранатомета кокнуть. Пора сматывать удочки, командир.

— Пора, Семен. Колян, доложи, что летчика не нашли. Ни в «зеленке», ни в кишлаке... Возвращаемся на базу.

На рассвете в селении показались люди. Они разбрелись по улицам и молча искали своих близких. Среди живых и убитых.

Чужак лежал на спине, раскинув руки, уткнувшись головой в живот старшей малышки. Проснувшаяся девчушка распутала его чалму и маленькими пальчиками перебирала русые волосы. С печалью и болью смотрела на мертвое осунувшееся лицо русского. Громко захныкал грудной ребенок. Быстро собралась толпа изумленных соплеменников. Родственники девочек, всплеснув руками, попытались вытащить малышей из объятий убитого «шурави». Истошно зарыдала, что-то лепеча и вцепившись мертвой хваткой ручонками в прядь Игоревых волос, старшая девчушка. Кое-как ее оттащили от тела убитого пленника. О чем-то долго спорили убежденные сединами аксакалы. Еще долго плакали обиженные людьми девочки. Самый древний из стариков встал на колени и легким движением ладони прикрыл глаза Игоря. Прочитал молитву, тяжело вздохнул. Попросил перенести тело убитого «шурави» на сухое место.

Похоронили его по-божески. В отдельной могиле, на пригорке, под солнцем и синим небом.

ЗА ТЕХ, КОГО НЕТ С НАМИ

Он сильно пил на протяжении двух лет. Его отменное здоровье позволяло вливать в желудок всякую гадость в любом количестве. Пил все, что горит, не брезговал и одеколоном. Мог сутками пить один где-нибудь в лесу, за городом, на природе. Обычно летом затаривался спиртным, брал закуску, садился на первую попавшуюся электричку и сходил на остановке, где взбредет в голову. Ставил палатку, разжигал костер, наливал в граненый стакан и часами смотрел на пожирающий сухое топливо огонь.

Зимой, как медведь, впадал в спячку. Никуда не выезжал, мотался по одним и тем же улицам в поисках выпивона и какой-нибудь работенки. Утром его выручали ленивые дворники, особенно в снежную погоду. За опохмелку он чистил подъезды, убирал мусор, подметал тротуары. Был с утра мрачен и зол на весь свет. До обеда добросовестно трудился грузчиком на подхвате в нескольких гастрономах. Молоденькие продавщицы заигрывали с ним: когда серьезно, когда просто так, но всегда без видимого успеха. Он отмалчивался, совал в рот сигарету и грустно смотрел своими добрыми глазами на веселых девушек. Потом делал обход района, заглядывал в укромные дыры, где обычно тусовались постоянные забулдыги. Его знали, ему наливали, и он редко оставался в долгу.

Длинные зимние вечера коротал в грязном пивбаре, задерживаясь до закрытия. Помогал убирать со столов и за это имел пару кружек горьковатого пива. Чужих остатков не допивал — брезговал. Многие завсегдатаи хорошо знали его в лицо и часто угощали: кто спиртом, кто самогоном, кто бормотухой или «ершиком». Покупали спиртное за углом пивбара. Там постоянно паслись малолетки и древние старушки.

Вечером в пивбаре дым коромыслом. Еле-еле виднелась табличка «Не курить». В зале застыл специфический пивной гул, длинная очередь у стойки. За стойкой шустрый малый лет двадцати двух в грязном белом халате небрежно швырял мелочь в сырую тарелку. И всегда не доливал в кружки. Но никто не скандалил — все привыкли.

Он садился за дальний столик. В разговоры не влезал, но слушал внимательно. Подвыпившим мужикам необходим собеседник, которому можно излить душу, обругать начальника или жену. Он умел слушать, ему наливали и клялись в вечной дружбе. Менялись компаньоны, а он оставался. Слушал и пил, пил и слушал. В конце концов упивался вдрызг. Не скандалил, не дебоширил. Не дослушав очередного собутыльника, еле-еле выбирался на улицу и шлепал домой в сопровождении рыжей лохматой собаки. Кое-как открывал дверь, пропускал вперед Шарика и тяжело падал на кровать. Жил он в комнатухе с высоким потолком и круглыми стенами, похожей на монастырскую келью. Из мебели имел старый обшарпанный стол, два стула, кровать и журнальный столик, на котором стоял черно-белый телевизор и фотография девушки в траурной рамке. Будучи не в стельку пьяным, он включал телевизор и гонял переключатель программ до окончания передач. Сам не ходил в гости и никого не приглашал к себе.

О нем ходили разные слухи. Говорили, что такая мрачная личность, несомненно, рецидивист и убийца, которому что человека зарезать, что курицу зарубить. Другой достоверный источник категорически объявил его злостным алиментщиком, скрывающимся от правосудия и праведного гнева брошенных жен.

Были сплетни и современные, сверхмодные. Соседка по площадке по секрету сообщила всем, что точно знает, кто он такой. Видела в замочную скважину входивших в квартиру мужчин, остававшихся там на всю ночь. Вывод один — он из голубых. И самое страшное — болен СПИДом.

Дворовая шишка Витька-Пузанчик с дружками решили изжить его из квартиры. На беду свою встретили трезвым, больным с похмелья. Не помогли просмотры видеков с каратэ и кун-фу. Его костлявый кулак бил без промаха, уложив всех рядком на асфальте. Звали мужика Иваном и было ему около тридцати...

В тот вечер, как обычно, он сидел за столиком и сдувал пивную пену из кружки. На душе было муторно. Денег не было, а выпить хотелось. Он поднял глаза и рассеянно обвел взглядом зал. Увидел двух вояк в синих летных фуражках. Внимательно присмотрелся и вздрогнул от неожиданности, узнав в коренастом майоре Семена Разина. Офицеры откупорили бутылку водки и налили в стаканы. Чокнулись и выпили, закусив ломтиками ржавого сыра. О чем-то говоря, дружно налегли на пиво. Иван, боясь быть узанным, боком протиснулся к стойке бара, взял две кружки пива в долг и примостился около окошка. Теперь он отчетливо слышал их разговор. До боли знакомый, спокойный голос Семена глухо произнес:

— Доперестраивались. Скоро и пивком побаловаться негде будет. Ты как думаешь, капитан, что дальше будет?

— Мрак будет, бардак страшный. Смутные времена наступают. Я понимаю, Семен, жизнь — это игра случая. Сегодня — пан, завтра — пропал. Третья рюмка, командир. Пьем молча?

— Как принято, Жора, у нас, как принято.

— Жаль, я не был в Афгане, но пью за вас, грешников.

— За тех, капитан, кого с нами нет. И не надо жалеть. Война — штука хреновая.

Они помолчали, с удовольствием потягивая из кружек пиво. Первым заговорил капитан:

— Говорят в Афгане были походно-полевые жены!

— Кто говорит?

— Все говорят. Нет дыма без огня.

— Женщины, они всюду женщины. Там их было мало и разные.

— Хорошие туда не поедут, одни проститутки.

— Этого добра в Союзе навалом. Только откуда хорошие жены берутся? Мы, мужики, трепачи хорошие. Приврем с три короба. Девушку или чужую жену опоганим, как ей, бедной, и не снилось. Есть, Жора, чистая, светлая любовь. И здесь, и в Союзе, и в Афгане... Расскажу тебе историю, случившуюся там. Только печальный будет рассказ. Хочешь — верь, хочешь — нет.

— Не печальней шекспировской трагедии?

— Как знать... У этой истории нет конца. Не стало Джульетты — исчез и Ромео. Но скажу тебе честно, это самое мое печальное воспоминание.

Случилось все, когда я тянул первый срок. Приехали к нам работать несколько молоденьких девчат. Подружки-хохотушки, веселые, шустрые. Подняли на уши весь полк. Даже мы, женатики, не остались равнодушными. Ожил наш военный городок, забренчали гитары около женского модуля, стали влюбляться все скопом. Ухажеров — целый рой. Особенно холостячки колготятся. Петушатся, как боевые петухи, готовые друг другу гребешок выклевать. Хоть сейчас под венец. Только женихов рота, а невеста приглянулась одна. Звали ее Светлана. Со всеми она дружна и внимательна. Каждому надежду подает, огонь ревности в сердцах тушит, умиротворяет своих поклонников.

Но всему есть предел, появился и ее избранник. Покорил ее сердце высокий и плечистый капитан, прибывший по замене. Естественно, от нас не утаишь. Там, в Афгане, как в деревне, — все на виду. Славная они были пара. Подстать друг другу — веселые, красивые, сильные. Дошло дело до свадьбы. Надо было лететь в Советское посольство в Кабуле, где проводили запись. Накануне была шумная вечеринка. Мы пили спирт и громко кричали «горько». Капитан целовал невесту, и всем нам было весело и чуточку грустно. А утром, сияющая и счастливая, она поцеловала всех провожающих и побежала к ожидавшему на полосе вертолету. Если бы ты знал, какой это был неповторимый миг, сказочное очарование — ее улыбка. Последняя улыбка, Жора, в ее жизни.

Она бежала навстречу судьбе, мы смотрели ей вслед, изгоняя из сердца дурные мысли. Лучи ее любви делали нас как будто человечнее. Но только в сказках счастливый конец да в детских мечтах. Она погибла, капитан, прямо на глазах...

За спиной Ивана забулькала в стаканы водка. Он сидел не шелохнувшись, прикрывшись ладонью и совершенно не слушая подсевшего к нему Генку-Шаромыгу. Вначале Генка недоумевал, потом обиделся и, прихватив с собой бутылку, ворча, направился к выходу. Иван закурил, судорожно сжав в пальцах сигарету. Неосторожно толкнул локтем кружку, которая упала под ноги офицеров и вдребезги разбилась.

Капитан недовольно покосился на соседний столик, где, сидя к ним спиной, дремал совсем бухой пьянчужка. Повернувшись к майору, презрительно бросил:

— Алкаш... Съездить его по балде?

— Не надо. Может, у человека горе. Чужая душа — потемки.

— И как она погибла, Семен?

Майор залпом допил пиво, перелил из полной кружки в порожнюю и тихо проговорил:

— Знать бы о страшном Светланкином конце. Я бы свою голову не пожалел, лишь бы Светик жила. Она бежала по вертолетке, размахивая сумкой, и капитан, ее избранник, с нетерпением ждал ее, выбрав шаг-газ вертолета до взлетного режима. Светлана знала, что через час они приземлятся в Кабуле, возьмут такси и помчатся всем экипажем в посольство. Будут цветы, поздравления друзей, зазвенят бокалы. А затем — самолет на Ташкент и небольшое село под Тулой. Пройдет полгода, и вернется ее любимый на Родину, и они будут вместе.

Ей кричали до хрипоты десятки глоток, и сам я орал, как бешеный. Шум работающих двигателей заглушал голоса. Кто-то побежал, стараясь догнать ее, но не успел. Все произошло на глазах, в доли секунды. Светлана попала под хвостовой винт. Резко брызнула кровь из разрубленной головы. Следующий удар швырнул ее на землю. Она упала на траву, так и не успев понять, что случилось, не почувствовав боли и не расставшись с улыбкой.

Мы подбежали к вертолету и застыли в оцепенении. Трудно рассказывать, больно вспоминать, капитан. Она лежала, съжившись, на боку, раскинув руки. В голове зияла глубокая рана, еще пульсировала кровь, вытекающая наружу, марая волосы. Лицо свела судорога, мертвая маска. В стороне валялась спортивная сумка — все приданое. Примчалась санитарная машина и увезла ее. Светлана умерла, не приходя в сознание.

А двигатели вертолета работали в том же режиме. Заметив санитарную машину, Капитан открыл блистер сдвижной двери. Около хвостового винта заметил молчаливую толпу летчиков. Он выпрыгнул из вертолета и сразу же увидел сиротливо лежащую спортивную сумку и пятна крови на пожелтевшей траве. Правый летчик выключил двигатели и затормозил несущий винт. С законцовок лопастей упали красные капли. Трясущейся ладонью капитан осторожно обтер законцовки и долго смотрел вслед отъехавшей санитарной машине. Мы стояли не шелохнувшись, боясь встретиться с ним взглядом.

Наконец, все поняв, он дико закричал, упал на землю, обнял руками красное пятно и застонал протяжно, по-звериному.

Подъехал командир полка и приказал обезоружить его. Я вытащил из кобуры пистолет и осторожно погладил капитана по голове. Как от удара тока, он вскочил на ноги, обвел мутным взглядом собравшуюся толпу и побежал к санчасти, хватаясь рукой за пустую кобуру. Его догнали и крепко связали руки офицерским ремнем. Он выл, скрежетал зубами и кричал пронзительным голосом:

— Я ее зарубил, я! Братцы! Застрелите меня! Я не хочу жить!

Через несколько дней, похудевшего и осунувшегося, с потухшим взором, жалкого и пришибленного, его отправили в Союз.

Ее проводили раньше. Построили весь полк, дали прощальный залп в небо и осыпали цветами цинковый гроб. Мы справили поминки, как принято в христианском мире. МИ-6 сделал почетный круг над аэродромом, качнул стабилизаторами и увез ее в последнюю дорогу.

Вот такая случилась история, Жора...

Офицеры помолчали, каждый оставаясь наедине со своими мыслями. Капитан, забыв о пиве, сосредоточенно смотрел в заляпанное мухами окно. Краем глаза заметил, как пьяница за соседним столиком качается из стороны в сторону. Охваченный возвышенными романтическими чувствами после рассказа майора поморщился при виде обыденности реального мира. Повернувшись к Разину, тихо спросил:

— А капитан? Что стало с ним?

Майор неопределенно пожал плечами и грустно ответил:

— Не знаю. Когда мы вернулись, он уже не служил. Был списан вчистую. Уехал в неизвестном направлении, исчез, испарился. Да кому он был нужен, кроме нас? А мы еще были в Афгане. Не стало Джульетты — пропал и Ромео.

Вечерело. Пивной бар заполнялся постоянными клиентами, которые по-хозяйски располагались за столиками со своими бутылками и закусками, вытесняя случайных посетителей. Офицеров потеснили подгулявшие работяги, обмывавшие день получки. Какой-то Лева, огромный двухметровый детина с красной добродушной физиономией, разглядев орденскую планку на груди майора, облапил его руками.

Майор не ломался, поддерживал разговор, дружески хлопывая по плечу Леву. Взглянув на часы, Семен спохватился и стал прощаться. Его толкнул в бок капитан:

— Алкаш на тебя уставился. Минут пять сверлит глазами. Может, ему все же по балде врезать? Лева протестующе поднял руку:

— Безобидный парень. Как всегда, заряжен с утра. Пойду и ему налью рюмку. Он меня часто выручает. Ваней его зовут...

Разин вздрогнул, повернул голову и окинул долгим взглядом совершенно седого человека. Что-то знакомое почудилось в нем майору. Но Лева не дал сосредоточиться, настойчиво предлагая «тяпнуть» на дорогу. Они обнялись, как близкие друзья, и, пошатываясь, пошли к выходу. Какая-то сила заставила Семена оглянуться. И вновь мелькнуло что-то до боли знакомое в опустившем плечи пьянице. Поторопил капитан:

— Опаздываем, Семен, придется брать такси.

Майор решительно толкнул дверь и вышел на улицу. Жора поймал машину, и, тепло распрощавшись слевой, они навсегда покинули город.

Лева завернул за угол, не торгуясь, купил две бутылки водки и вернулся в пивбар. Вспомнив об Иване, подошел к нему. Вдвоем они пили до закрытия. Последними вышли на улицу. Лева расщедрился и купил еще два флакона. Один взял с собой, другой протянул Ивану:

— Бери, браток, утром опохмелишься. Я почти готов, двигаю домой, в плен Тигре Львовне сдаваться. Зверь у меня баба— опять скалкой врежет. Ну и пусть. Зато с каким я человеком встретился. Жаль, Ваня, тебя с майором не познакомил. Держи «краба»...

Снова Иван был один и, раскачиваясь, брел к дому. За углом его терпеливо ждал лохматый Шарик. Он радостно вильнул хвостом и доверчиво обнюхал карманы хозяина. Степенно двинулся следом. Они вошли в комнату. Иван открыл холодильник и сунул собаке холодный кусок мяса. Себе достал из ящика луковицу и уселся за стол. Он снова пил, пил и вспоминал Сеньку Разина. Угрюмо обвел мутным взглядом свое убогое жилище, уронил голову на руки и, не сдержавшись, всхлипнул. Шарик жалобно взвизгнул и осторожно лизнул его ладонь теплым языком. Кажется, он спал часа два-три, был в

пьяном бреду. Видел себя молодым и сильным в кабине вертолета. Как наяву, чувствовал ручку управления и рычаг шаггаза. Смотрел на снежные вершины гор и слышал Сенькины команды. Внизу дымился сожженный кишлак. На кривых улочках суетились люди в поисках укрытия от осколков авиационных бомб. В небе срывались в пике «мигари» и неслись с ревом к земле. На окраине кишлака клубилась пыль, двигались танки, боевые машины десанта, реактивные установки. Солдаты вбегали в дувалы, строчили из автоматов, кидали гранаты. На центральной площади металась люди и падали, скошенные пулеметными очередями брони...

Воспоминания накатывали волна за волной, одно ужаснее другого. И он не в силах был остановить этот шторм, рвавшийся из глубины памяти.

Отчетливо увидел отвесные скалы узкого каньона, высохшее русло реки или весеннего ручья. Вверху терялись в небесной дали снежные вершины гор, обрамленные неровной линией предрассветной дымки. Каньон заканчивался в широком ущелье, которое ближе к югу сглаживало свои остроконечные пики и растворялось в бескрайнем море песка и камня.

Под нависшими козырьком плитами скалы стояли трое пленных афганцев. В старых стеганых халатах, с непокрытыми головами и подобием калош на ногах. Они жались друг к другу, устало и покорно поглядывая на десантников.

Высоченный, широкоплечий майор исподлобья смотрел на пленных и, наконец, решившись, резко протянул Ивану автомат, отрывисто бросил:

— Стреляйте, кэп! — заметив удивленный взгляд летчика, нехотя пояснил:

— Отстреливались лихо. Несколько наших замочили. Мы им сделали электропроверку, задницы через оголенный провод телефончика пропустили. Терпят, молчат, гады. Дураки. Раскололись бы, глядишь, живы остались. Ну и хрен с ними. Вы их всех ракетами, бомбами долбите. Ты своей рукой попробуй, как мы, если поджилки не трясутся. Не трусь только... Стреляй наверняка, сразу...

Группа запыленных, сонных офицеров топталась на пригорке, с нетерпением поглядывая на Ивана. Некоторые ехид-

но улыбались, заметив его нерешительность.

— Пехтура-десантура, — про себя выругался он, хорошо понимая, в каком дрянном положении очутился. Этим бравым воякам совсем просто нажать на курок. Они привыкли убивать, глядя в глаза врага. Мы — совсем другое дело. Тем более пленных. По всем законам войны они не подлежат расстрелу. Об этом и сказал громко Иван.

Майор, вливавший в рот воду из фляги, поперхнулся и зло швырнул ее в сторону пленных. Повернул побагровевшее лицо к Ивану, тихо и четко проговорил:

— Сопля ты, летун, хоть и капитан. Нет здесь пленных, понял, нет! Ты в их лапы попадаешь — с тебя сразу кожу спустят, без потомства оставят. С вами—летунами у «духов» счет особый. Они — нас, мы — их. Это только в кино война красивая, а на самом деле — мерзость. В Отечественную наши деды, думаешь, милосердием занимались? Зверели и наши, и немцы. Ты спроси тех, кто в самом дерьме побывал, с передовой не вылазил. Хочешь жить — стреляй первым, иначе в «черный тюльпан» сыграешь. Понял? Одной очередью всех троих. Давай, капитан, действуй!

Иван рывком передернул затвор автомата и, не целясь, пустил длинную очередь. Пули рикошетом ударили по камням, свалив одного из пленных. Двое стояли на прежнем месте, не шелохнувшись. В их помертвевших глазах промелькнули неудовольствие и ирония. Хорошо понимая, что рассчитывать не на что, они были готовы к смерти. Один презрительно сплюнул сквозь зубы и что-то сказал напарнику. Тот расхохотался и, нагнувшись, помог встать на ноги третьему, раненному шальной пулей в ногу. Майор не дал им опомниться. Покрыв всех матом, выхватил из рук Ивана автомат, на мгновение прищурился и тремя короткими очередями пригвоздил афганцев к скале.

— Вот, как надо, капитан, вот так. Чтобы не мучились...

Он сразу тяжело сел на подвернувшийся камень. Провел ладонью по лбу. Залез в карман и достал помятую сигарету. Долго смотрел на трупы пленных и вдруг, о чем-то вспомнив, громко крикнул:

— Постышев! Быстро лопаты в зубы и закопать их!

Повернулся лицом к молчавшему Ивану и совсем спокойно пояснил:

— Приедут «хадовцы», а мы им кукиш на постном масле. Сбежали, мол. Понимаешь, капитан. Мы их второй раз в плен берем. Пацанва гибнет, цинки на Родину отправляем, а «хадовцы» их отпускают. Политические проститутки. Мне теперь плевать на их революцию, лишь бы живым до дома добраться. А чтобы выжить, стрелять надо, а не сопли жевать. Мы так решили. Первый раз «духа» поймаем — отпускаем. Повтор — все, крышка. Ненавидят они нас. И, может быть, поделом. Но это уже другой разговор. А для первого раза ты ничего... Главное — переборол себя, сумел выстрелить, дальше пойдет все, как по маслу

...Иван пьяно стонал, пугая собаку, гулко стучаясь лбом о деревянный стол. Образ Светланы вытеснил из головы грязные воспоминания афганской бойни, постоянно бередившие душу. Теперь он уже ласкал ее руки, целовал глаза, нежно обнимал плечи. Она улыбалась ему, доверчиво припадала к груди и шептала: «Милый мой, единственный, любимый, мы всегда будем вместе. Всегда».

И вдруг—зловещее красное пятно на земле и ее спортивная сумка. Он протяжно взвыл и открыл глаза. Беспомощно огляделся, возвращаясь в реальный мир. Ужаснулся при мысли, что муки его никогда не кончатся. Понял, что смертельно устал и совсем готов к задуманному.

В углу торчал большой гвоздь, вбитый им несколько месяцев назад. Морщась от головной боли, допил остатки водки и решительно снял с пояса ремень. Теперь его действия были спокойны. Все же он был когда-то летчиком и привык заранее проигрывать все возможные варианты. То, что Иван делал сейчас, зрело в его душе давно. С того проклятого дня. Он устал от воспоминаний и одиночества, боялся встреч с прошлым и не видел просвета в будущем. Тогда он кричал: «Убейте меня, братцы! Я не хочу жить!» Теперь Иван не закричит — сделает все сам.

Ремень был мягкий и старый, из чистой кожи. Вероятно, тот самый, которым ему связывали руки. Петля аккуратно легла на шею, пощекотав железом пряжки. Гвоздь легко пролез в просверленную дырку в ремне, затянув петлю. Иван поспешно толкнул ногой стул. Стул упал и загремел, разбудив спящую собаку. Привыкший ко всему Шарик сладко потянулся и, свернувшись калачиком, вновь уснул.

Когда рассвело, жильцов дома разбудил громкий вой. Чертыхаясь, сосед постучал в комнату Ивана. Никто не открыл. Вой собаки был невыносим. Пришли мужики с верхней площадки. Посовещались и решили взломать дверь. Навстречу выскочил Шарик и, поджав хвост, юркнул на улицу. Соседи вошли в комнату — и отпрянули в ужасе...

Его хоронили за счет городского бюджета, с оркестром и воинскими почестями. В гробу лежал не Ванька-пьяница, а другой человек—в военном кителе и с боевыми наградами. Лицо было спокойным и умиротворенным и чуть-чуть, как всегда, грустным. Кроме армейской формы в квартире обнаружили небольшой альбом с фотографиями, на столе — аккуратный девичий портрет в траурной рамке.

Соседки всплакнули, посудачив о несчастной любви, и стали собирать на стол. На похороны приехал военком и рассказал всю правду об Иване. Провожать на кладбище вышел весь дом. Пришли все собутыльники по пивбару, местная братва во главе с Витькой-Пузанчиком. Несли гроб Лева и Генка-Шаромыга. Только не было никого из прошлой жизни Ивана. Вечером закатили поминки в пивбаре и не пускали никого чужих. В обнимку сидели тщедушной Генка-Шаромыга и огромный Лева, добрым словом вспоминая Ивана, кляня судьбу и все правительствa на свете. За углом бойко торговали водкой, невдалеке сидела рыжая лохматая собака и кого-то ждала.

НЕ ОСТАВЛЯТЬ В ЖИВЫХ

*Посвящаю участникам афганского похода -
Ивану Цуприкову и Владимиру Баландаеву.*

Кишлак был уничтожен только к вечеру.

А все началось с одиночного выстрела – прицельной или шальной пули снайпера, выпущенной из «зеленки» по вертушке, заходящей на посадку. Пуля-дура прошла тонкую обшивку «восьмерки» где-то сбоку, вошла в ухо командиру, разворотив бедняге голову до неузнаваемости. Правый летчик, обалдевший от кровавых сгустков, брызнувших ему на колени, заорал благим матом, выпустил из рук управление, усугубив ситуацию. Хвост вертушки опустился, с левым вращением «восьмерка» врезалась в скалу рулевым винтом. Сразу отвалилась хвостовая балка. Вертолет вспыхнул, как свечка, и, разваливаясь на глазах, трескающимся черным факелом кувыркнулся в ущелье. Дремавшая в грузовой кабине десантура, минуту назад бывшая смелыми, решительными людьми, теперь изломанная, обгоревшая груда мяса и костей вперемешку с металлом и керосином, еще долго дымилась на дне ущелья. Как коршун, ведомый вертолет кружился над местом трагедии, поливая «зеленку» из пулемета. Он ждал подмоги, ждал своих, ждал прикрытия.

Немедленно на место происшествия был десантирован батальон спецназначения майора Маликова. Следом с базы вышла броня и взлетела группа прикрытия. Началась одна из десятков ей подобных в этой странной, необъявленной войне операция.

Накануне отделение сержанта Владимира Жданова пополнилось новичками – желторотыми салагами-спортсменами. На базе старички заставляли двухметровых «бугаев» до сень-

мого пота ползать по-пластунски, носиться, как угорелых, при полной выкладке по сорокаградусной жаре, держали на голодном пайке, без грамма воды и пищи. Тот, кто осмеливался поднять спину от земли, получал громкого «леща» от самого сержанта. Резкий удар скрученной волосяной плеткой по заднице сопровождал дружный хохот старичков и насмешливый голос Кости:

– Учись, салага, учись, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия.

Уморенные от казавшейся бестолковой муштры, новички взбунтовались и потребовали воды. На что грузин Гога бодро ответил:

– Тебе не дам, себе не дам, никому не дам. В тебе воды много, ползай давай. Вода вредно сейчас, терпи, солдат, после дам. Вперед, шайтан! – он грозно закатил глаза и левым боковым врезал по печенке добродушного верзилу Сеню Савченко. От неожиданности и боли Семен изогнулся в три погибели. Грузин резко сделал подсечку, крутанул его бычьей шеей и рывком пустил грузное тело новичка в свободное плавание. Семен перевернулся через голову и рухнул лицом в горячий песок. Не успел фыркнуть, как резкий ожог ниже пояса заставил его прижаться к земле. Плетка больно жиганула пышущее здоровьем тело Семена. Жалко всхлипывая и постанывая, он задвигал руками и ногами. Рядом, усердно сопя, обгоняя его, ползли еще три десантника его призыва. И казалось, что не будет конца этой песчаной дороге, что треснут от жажды высохшие, обкусанные губы, взорвутся от нехватки воздуха измученные легкие, выскочит из груди усталое сердце, сгорит в огне обожженная плеткой задница, наступит конец света и все кончится. Но мучения продолжались.

После ползанья приступом брали препятствия. Сотни раз лазали по лестнице и канату. Вверх — вниз. Вниз — вверх. Падали, поднимались, косились на плетку в руках сержанта и уже безоговорочно выполняли приказы. Потом были приемы рукопашного боя. Лихо дубасили друг друга по мордасам. Доходило до драки, но Гоглидзе вовремя новичков растаскивал.

Затем кидали ножи в чучело. Сотни, тысячи раз – снимали часовых. И опять делали друг другу больно. Но уже не злились. Тупели от боли и становились равнодушными даже к

собственным страданиям. В голове — шаром покати. Всего несколько слов команд, механических мыслей и вечное желание пить. Затем трехкилометровый марш-бросок вокруг палаточного городка к стрельбищу. До сумерек стреляли стоя, сидя, лежа, на бегу, в падении, через плечо, на шорох и звук. Кидали гранаты прицельно, как баскетбольные мячи в корзину. И еще черт знает чем занимались. И так спозаранку и до заката. К концу дня получали долгожданную воду.

Сержант Костя Жданов, тоже уставший, как всегда, был расположен к шутке:

— Что, братва, трудно? Это вам не солнечные Гагры. Пить много нельзя. Привыкайте глотками, а не стаканами. Семен, тебе бы воду, как брагу, в ковшике подавай. Что морду воротишь? Я тебя плеткой только по заднице. Вон она какая у тебя толстая, всех демаскирует. Больно, да? До свадьбы заживет. Не выставляй ее напоказ, а то потеряешь. Я и говорю: «духи» прострелят или голову, или ее. Ладно, кончай злиться. Мне еще не так попадало, было время. Зато видите — жив... В горах или победишь, или подохнешь, или обузой будешь. Вот и выбирай.

Новички гордо и демонстративно молчали, миролюбиво поглядывая на сержанта и главного их обидчика — грузина Гогу. И не было на сердце зла и обиды. Все вышло с потом.

Так продолжалось с неделю. Так было надо. Так диктовала жизнь. А может — и смерть. Здесь, на базе, делились на молодых и стариков. Там, в горах, все были равны. Как перед Богом. В одних условиях. Разница была лишь в том, что выживал сильнейший. И духом, и телом. Разумом и сноровкой. Дисциплиной и инициативой. Жаждой жить и вернуться на Родину. Из стариков и из молодых. Из солдат и офицеров...

Они были одними из первых русских, ступивших на эту землю. А из русских — первыми, оседлавшими вершины Гиндукуша над злосчастливым кишлаком. Всю ночь молча и упорно долбили горную гряду, делали лазы и норы, выставляли пулеметы, ставили мины-ловушки, перекрывая возможный прорыв «духов» по рукаву долины. К утру замерли в ожидании. До обеда выдвигалась на позиции броня. Неторопливо, грозно и неотвратимо к селению приближалась гроза.

С запада и востока, на клочках обработанной земли, на

песчаных барханах и скалистых возвышенностях расположились расчеты ракетных установок. Мощные танковые орудия и стволы легких бронемашин, подошедших вплотную, взяли под прицел весь хаотично разбросанный жилой массив. Отступление на север преграждала бурная в это время года река, переправиться через которую не рискнул бы и сумасшедший. В воздухе барражировала дежурная пара вертушек, готовая немедленно нанести удар по противнику. А где-то на аэродромах, далеко в Союзе, уже выруливали на взлетную полосу стратегические бомбардировщики и ждали приказа.

Кишлак и прилегающая к нему «зеленка» были блокированы полностью. Молоденький лейтенант из отдела пропаганды и агитации, курносый, с ямочкой на подбородке, в аккуратной пригнутой и ладно сидящей камуфляжной форме, с планшетом на боку и биноклем на груди, впервые участвующий в боевой операции, подбежал к командиру батальона спецназа майору Маликову и весело отрапортовал:

– К заданию готов Разрешите выполнять.

– Давайте, – недовольно буркнул майор, совершенно не разделяя восторга лейтенанта.

Хорошего было мало. Только что радист принял приказ. Было сказано: никого не оставлять в живых. Это значит — работать на уничтожение. Вся и всех. Майору не привыкать. Он старый служака, хорошо знает свое дело. В его военной биографии были и не такие эпизоды.

Маликов не раздумывал. Сначала начнут авиация, артиллерия, а затем продолжат его ребята. Чуть кто дернется – снова авиация и артиллерия. Впереди броня. И снова ребята.

Своих пацанов он берег. В дело пускал в крайнем случае. Хорошо усвоил аксиому, что жалеть боезапас нельзя. Его в Союзе навалом. Гниет на военных складах. На сотню таких войн хватит. Родом он был из деревни. И ему часто приходило на ум поле. Обыкновенное крестьянское, хлебное. Видел, как по нему идут трактора. Пашут, а затем боронят и сеют зерно. Так и он, прежде чем пустить ребят в атаку, старался поглубже пропахать землю снарядами, проборонить ракетами и засеять осколками. На его поле не рос ни хлеб, ни даже сорная трава. Зато наступать можно было смело

Такого большого жилого массива обрабатывать ему еще не приходилось. Намечалась обильная жатва. Думать об этом, решать, а тем более отдавать приказ ему на сей раз не хотелось. До последнего тянул резину. Вот и этого юнца из отдела пропаганды вызвал, пусть попробует. Может, что и получится. Он вновь встретился глазами с азартным взглядом симпатичного политработника. Вспомнил самого себя из далекого прошлого, декабря семьдесят девятого. Все повторяется. Разное время, другие сюжеты. Только тема одна. Война, убийство и смерть. Три неразлучных спутника в истории человечества. Чтобы смягчить обстановку, Маликов коротко добавил:

– Ты, Иван, осторожней агитируй, держи дистанцию.

Лицо лейтенанта расплылось в улыбке. В какой-то удальской и одновременно хищной, беспечно-нетерпеливой. Молодцевато козырнув, он вспрыгнул на капот и скрылся внутри «бэмпэшки». Механик рванул газ, и, обдав комбата облаком пыли, боевая машина пехоты помчалась в сторону кишлака.

«Ерунда все это, – неожиданно зевнув, подумал Маликов, внимательно наблюдая в бинокль за движением машины, – все равно «духи» мирных из селения не выпустят, будут держать в качестве заложников, живым прикрытием. Откуда им знать, что получен приказ уничтожить кишлак. Живые свидетели в таких случаях не нужны. Хоть бы сдались, черти! Профильтровали через одного. Глядишь, женщины и дети в живых бы остались. Сожгли бы пустой кишлак, как сожгли десятки ему подобных. И дело в шляпе. Так нет же, как истуканы, во имя своего Аллаха дружно умрут все. И лейтенант, вероятно, бесполезно дергается. Одной стороной приговор уже подписан. Главарь, старейшина, мулла решили их судьбы. Теперь дело за другой».

Майор не спешил, он отчетливо сознавал, что именно ему предстоит дать команду, сделать последний толчок к началу бойни, тоже одобренной старейшинами из Москвы и благословленной патриархами Политбюро.

«Чертов снайпер! И дернуло идиота стрельнуть по вертушке! Теперь такая карусель закрутится», – тоскливо оборвал поток своих мыслей Маликов, прислушиваясь к звонкому голосу лейтенанта. Тот нудно и долго о чем-то убеждал через мегафон афганцев. «Бэмпэшки» кружили вблизи «зеленки»,

останавливались, и вновь раздавался настойчивый призыв лейтенанта. Майор поморщился, увидев, что агитаторы нарушили границу ориентира — одиночного пышного эвкалипта, дальше которого он запретил лейтенанту приближаться к кишлаку. Он оторвал взгляд от бинокля и сказал своему заместителю, капитану Баеву:

– Салага, мать твою, грохнут же. Куда лезет.

Вновь прильнул к окулярам, вглядываясь в пустынный кишлак. Приятно удивился, когда заметил одиночные фигурки людей, потянувшихся к «бэтээру». «Смотри-ка, сработало!» — успел подумать он, как короткие пулеметные очереди откуда-то из центра селения прижали сдающихся к земле. Гулко бухнули далекие выстрелы, окружив «бээмпэшку» султанами разрывов. На бешеной скорости бронемашина попыталась выскочить из-под огня и вдруг подпрыгнула, как игрушечный мячик, резко остановилась, задрав носовую часть в небо. Затем накренилась, плавно перевернулась и юзом, на тормозах скатилась в ложбину. Тут же из ложбины рванул яркий столб огня, а затем черное облако копоти.

– Тридцать первый! Вперед! — несколько раз рявкнул в микрофон покрытый по уши пылью заместитель Маликова. Не удержался, выскочил на плато и замахал в сторону танковой роты руками. Тут же раздался далекий одиночный винтовочный выстрел. Баев замер на миг с вытянутыми вверх руками, а затем грузно опустился на землю, схватившись ладонями за грудь. Его подтянули за плечи и волоком втащили тело в укрытие. На груди выступила кровь. Тело капитана дернулось в предсмертных судорогах. Он сумел открыть глаза и с какой-то грустью и надеждой долго смотрел на комбата. Он так и умер с открытыми глазами, не проронив ни слова.

Лицо комбата ничего не выражало. Щеки его побелели, дрожь пробежала по скулам, спрятавшись в плотно сжатых губах. Зрачки глаз расширились и наполнились жестоким огнем. Он тяжело, с натягом вздохнул и вновь уставился в бинокль.

К БТРу мчались три танка, облепленных, как гроздь винограда, десантурой. С высоты, где находилось отделение сержанта Жданова, прозвучали выстрелы. Радист схватил наушники и несколько раз повторил:

– Без команды не стрелять. Слышите? Без команды не стрелять.

Ждали команды урчавшие в небе вертушки. Молотили двигателями в Баграме загруженные бомбами самолеты. Застыли на кнопке «Стрельба» пальцы операторов ракетных установок. Примкнули к окулярам прицелов глаза наводчиков танков и БТРов. Приготовилась к стрельбе артиллерия. Сняли с предохранителей и передернули затворы автоматов десантники. Застыла в ожидании чего-то ужасного и природа. Слабый ветерок, обдав жаром лица, умчался вдаль и спрятался за вершину гор. Усталое желтое солнце спешило на запад, подальше к закату. Всего несколько секунд отделяло еще цветущий жизнью кишлак от границы хаоса и смерти.

Майор Маликов сверху вниз рубанул рукой. Радист молниеносно продублировал приказ о начале атаки, окончательно разорвав тонкую ниточку между жизнью и смертью. Рывнули, застрочили десятки стволов. Ураган взрывов накрыл кишлак сплошным залповым смерчем, методично и беспощадно стирая с поверхности все живое. Вероятно, и тех людей, кто пытался сдаться. Особенно досталось «зеленке». После залповой стрельбы огонь танковых орудий, артиллерии и ракетных установок стал хаотичен. Расчеты сами выбирали цели и стреляли по готовности.

С пригорка, на который выдвинулся командный пункт батальона, хорошо было видно, как разрывы снарядов вдребезги разбивали глинобитные дувалы, а неуправляемые ракеты кучно ложились на кривые улочки, стремительно врывались в дверные проемы жилищ. Сотни ядовитых жал горячего свинца разлетались в разные стороны, круша на своем пути людей и животных. Еще носилась по улицам чудом оставшаяся в живых курица, изредка из развалин появлялись фигурки людей, но уже вторая волна смертоносного урагана готова была низвергнуться на землю. В небе с востока появились «сухарики». Эскадрилья самолетов пропахала кишлак пятисоткилограммовыми бомбами и вторым заходом, сорвавшись в пике, нанесла точечный ракетный удар. И наконец-то юркие «двадцатьчетверки», а следом «восьмерки» плюнули огнем из всех стволов, закончив свинцовую смертельную пляску.

И тут же двинулся вперед разопREVший от ожидания и безделья, разгоряченный от увиденного спецназ. Через полчаса

десантура захватила всю «зеленку» вблизи кишлака, выйдя на финишную прямую.

К комбату стремительно подкатили две бронемашины. Бережно опустили с капота и положили на брезент рядом с телом капитана Баева и стонущего лейтенанта.

– Без сознания, – как сквозь сон услышал майор голос хмурого, с обвязанной белоснежным бинтом головой полуголого десантника. – У меня куртка загорелась, когда лейтенанта вытаскивал. Сквозное ранение в голову и удар в затылок. Может быть, выживет. Механик и стрелок мертвы, раздавило всмятку.

Маликов старался не смотреть на лежавшие рядом тела капитана Баева и лейтенанта Суприкова, на всех ребят, убитых и раненых, приготовленных к загрузке в вертолет. Боялся при подчиненных показать свои чувства. И еще что-то такое, что на гражданке называется жалостью, а здесь слюняйством. Отвел взгляд в сторону и буднично бросил:

– Лейтенанта и всех раненых в вертолет и быстро в госпиталь. Убитые подождут, им теперь спешить некуда.

Про себя подумал: «К вечеру еще больше будет, отправим оптом. Может быть, и сам в ящик сыграю, кто знает. Баев погиб, хоть бы ты, Ванюша, остался жив. Помогите ему, Господи!»

Комбат резко оборвал поток мыслей.

– Пленные есть?

Радист пожал плечами и ответил:

– Начальник штаба собирает данные. По докладам ротных, в «зеленке» только трупы. В кишлак не совались, ждут команды.

Майор Маликов и радист так и не узнают, что пленные были. Один мужчина и его жены, откликнувшиеся на призыв лейтенанта Суприкова о сдаче. Оглохших и обессиленных, жалких и растерянных людей захватило отделение Кости Жданова. Позже десантура распорядилась их судьбой — жестко и безжалостно. Убитых «духов» насчитали более полусотни. Несколько человек бросилось в реку. Многие слышали их крики о помощи.

Отделение Кости Жданова после нанесения авиационного бомбово-штурмового удара (БШУ) спустилось в долину на изгиб горной реки. По пути взяли в плен трех женщин и мужика. Сорвав паранджи, были приятно удивлены милыми

мордашками молоденьких жен трясущегося от страха крестьянина. Мысль пристрелить пленных и скинуть тела в реку сразу же вылетела из головы сержанта. Он плотоядно ухмыльнулся и приказал:

– Гога, спрячь их с глаз подальше. Мужики, пока не тронь, а то выть начнут. После ближе познакомимся...

– Понял, командир, все будет в ажуре, не впервой...

Жданов уже не слышал своего бравого помощника. Его острый слух уловил крики людей, тонувших в бурном потоке горной реки. Взгляд выхватил из пузырящейся горной реки чью-то голову. Хищно сверкнув глазами, он схватил «снайперку». Методично и хладнокровно расстрелял несколько человек, всаживая в каждое тело пулю для страховки. Довольно ухмыльнулся и объяснил стрелявшему короткими очередями Сене Савченко:

– Все равно потонут. Так я их вне очереди к Аллаху. Чем больше этой дряни убьешь, тем больше сам проживешь. Мы – их, они – нас. Диалектика жизни.

Но потонули не все. Двоих молодых и сильных парней, вовремя нырнувших под воду и избежавших пуль сержанта, река вынесла на песчаную отмель в трех километрах от кишлака. Они с трудом отползли в укрытие и отлеживались до сумерек. Яростно и бессильно кусали губы, наблюдая, как русский спецназ уничтожает кишлак. Ночью направились в сторону Панджшера к Ахмад-Шаху Масуду.

Комбат в сопровождении ротных командиров брел по «зеленке», внимательно рассматривая хмурые, искаженные гримасой боли лица убитых. Что он хотел увидеть, понять в этой дикой картине смерти? Таинственное, загадочное, завораживающее желание, отвратительное, нездоровое любопытство звали его посмотреть на жестокое деяние рук своих и соотечественников. Женщин и детей не было. Видимо, спрятались в подземных норах или были погребены под развалинами глинобитных дувалов. Разве только вон тот мальчишка с автоматом в руках, с разорванным животом и застрявшим где-то в поясице окровавленным осколком. Его изуродованное, ощеренное в оскале лицо уже покрылось бледной пленкой смерти. На песок через лохмотья черного стеганого халата вывалились зеленоватые кишки. От них еще шел пар, легкая пе-

пельная дымка. В открытых огромных глазах еще сохранились отблески жизни. Молодецкая удаля и отвага, боль и печаль запечатлелись в его глазах, внимательно смотрящих на комбата. Вероятно, мальчуган принял мгновенную смерть, не познав предмогильного стариковского страха, не почувствовав границы между светом и мраком.

Майор медленно наклонился, провел ладонью по глазам убитого и приказал прикрыть тело обрывком брезента. Отвел взгляд в сторону и остолбенел от неожиданности. Прямо перед глазами, в каких-то трех шагах, лежал труп девушки, совсем не похожий на покорный и послушный облик восточной женщины. Она была прекрасна в последние секунды жизни. В джинсовых, облегающих бедра брюках, с согнутыми коленками, она ласково обнимала рукой камень, прижавшись правой половиной лица к зеленоватой гранитной поверхности. Копна пышных светлых волос, плотно обтянутых по лбу зеленой лентой, мирно покоилась на покатых девичьих плечах. Концы золотистых завитушек прикрывали поясной ремешок, на котором болтался широкий армейский патронташ. Левый глаз остался прищуренным, как у молодой кокетки, подмигивающей понравившемуся парню. То ли европейка, то ли американка, то ли метиска. Любительница приключений или идейная мусульманка? Откуда забросила судьба эту амазонку-воительницу в суровые афганские горы? И это для майора Маликова осталось навсегда тайной.

На камне лежала современная снайперская винтовка, рядом валялось несколько стреляных гильз, забрызганных кровью.

Поблизости оказался сержант Костя Жданов. Он бесцеремонно растолкал толпу десантников, мельком взглянул на труп девушки и, заметив снайперскую винтовку, злорадно схватил ее. Его всегда бледное лицо побагровело, в глазах вспыхнул яростный огонек.

– Гадина! – заорал он. – Притаилась, курва, за камнем. Из «снайперки» ребят била. Замкомбата, стерва, срезала. Я ее в бинокль вычислил, ловко спряталась. Думал, мужик, а это баба, сучара французская!

Он пнул носком массивного ботинка по ее изогнутым бедрам и, просунув ногу под живот, резко перевернул тело на спину. Ее голова скатилась с валуна, и перед глазами

десантуры открылась отвратительная картина смерти, реальный мир, в котором они существовали.

Правая щека и левый глаз девушки были вырваны напрочь. На камне остались темно-бордовый сгусток засохшей крови и кусочек прилипшего мяса. Был непонятен убийственный ход пули, исковеркавшей правую сторону лба, глаз, щеку, подбородок и не задевшей левую сторону лица и тыльную часть затылка.

Комбат недовольно покосился. Повернувшись в сторону начальника штаба, он спросил:

– Потери подсчитали?

– Пятеро наповал, семеро еле живы и эти, агитаторы...

Начальник штаба оторвал замороженный взгляд от трупа девушки, сосредоточился и внимательно оглядел местность в бинокль. Уже спокойным и деловым тоном ответил:

– Добивать надо недобитков, иначе очухаются. Хотя навряд ли. После такой долбежки в земле разве только кроты выживут. Пора наступать, командир, на кишлак.

Основной удар был нанесен по позициям «духов» в зеленом кольце распаханной под посеvy земле плантаций цитрусовых. В самом кишлаке в живых оставалось еще много людей. Женщины, старики, дети, больные и раненые. Обессиленные, оглохшие от бешеной бомбежки люди боролись за жизнь, зарывались в землю. Прятались в ямах. Прятали своих детей, стариков, прятались сами.

Так устроен человек, так устроен весь животный мир. Каждая мало-мальски земная тварь имеет инстинкт самосохранения. Прятались, твердо зная, что тоже вскоре умрут под пулями спецназовцев. Кто попадет в ад, кто в рай. Кого услышит Аллах, кого нет. И будет ли что потом, после смерти?

А еще позже, совсем в потемках по приказу начштаба двое десантников закопают девчонку, единственную из всех погибших. Поднатужатся и сдвинут валун, на котором она умерла, на взрыхленную землю могилы. Устало присядут на камень, перекурят и уйдут в неизведанную даль, девушка останется навсегда одна – современная амазонка-воительница современного кровавого времени, странного века, безумного мира. Валун и по сей день там. Среди сотен ему подобных. И красавица девушка под ним, забытая и брошенная. Остальные трупы жителей кишлака остались валяться и гнить там, где их

настигла смерть, на радость летающим и ползающим тварям.

Майор Маликов посмотрел на наручные часы, что-то окончательно решил для себя и скомандовал:

– Прочесать кишлак. И чтобы по всем правилам.

Он в последний раз взглянул на красавицу снайпершу. В памяти промелькнуло бледное, обескровленное лицо раненого лейтенанта, красное пятно на груди заместителя, шеренга рядком лежащих убитых его солдат. Он поморщился, сунул в рот сигарету, ощерился и громко рывкнул:

– Без потерь, мать вашу за ногу! Работать на уничтожение, всех к ногтю... Слышали приказ?

Ротные вскинули руки к вискам. Кто-то проямлил: «Есть!». Вскочили на «бэтэры» и разъехались по своим позициям.

Учить, как работать на уничтожение, десантуру не надо. Прозвучали гортанные команды взводных. Радист Коля Ефремов, прислонив мегафон ко рту, громко забубнил:

– Все на кишлак. Работать на уничтожение, уничтожение, уничтожение...

Согласно отработанной системе, впереди медленно, по-медвежьи, натужно урча двигателями и лязгая гусеницами, пошли тяжелые танки. Подпрыгивая на камнях, словно сорвавшиеся с привязи псы, вдогонку устремились бронемашины. Строча из автоматов короткими очередями, прикрываясь «матерками», вперевалочку двинулась десантура. Танковые пушки постоянно напоминали о себе. Звонко бухали в подозрительные точки, но чаще для острастки, бесприцельно стреляли по центру кишлака. Ну а пулеметы заливались вовсю, поливая свинцом пустые улицы. Окружив вплотную селение, еще с полчаса обрабатывали уцелевшие строения из всех видов оружия.

Все делали как надо, как учили. Планово, неторопливо, надежно. Кишлак доживал последние минуты. Кое-где еще ревели чудом уцелевшая, одуревшая от боли и страха скотина. То и дело во дворах порхала экзотическая азиатская живность. На кривых улочках подыхали верблюды и ослы, где-то за разрушенной мечетью жалобно ржала лошадь. Изредка слышался визг собак и мяуканье кошек. Рядом с животными валялись трупы людей, исковерканные, обезображенные, десятки женщин, стариков, детей. Раненые истекали кровью, пытались ползти, хватались руками за голову, вскакивали на

ноги, всхлипывали, кричали и замолкали под градом пуль. Некоторые добивали себя сами, вонзая холодную сталь ножей себе в живот. Взрывали укрытия, превращая подземные дыры в семейные могилы. На предзакатной синеве неба инородным пятном расплзлось злое облако копоти и дыма. Стремилась вверх, в небо, выхлопные газы бронетехники и души убитых людей. За горами поспешно пряталось солнце. В соседнем кишлаке неожиданно затянул тоскливую мелодию мulla. Он совершал вечерний намаз, может быть, проклинал неверных или провожал в последний путь своих несчастных соплеменников. Как будто не было войны, не гибли рядом люди.

Десантура вошла в кишлак. По команде взводных бойцы, разбившись на тройки, окружали полуосыпанные, разрушенные постройки дувалов. Двое подбегали к дверным и оконным проемам, а третий прятался в укрытие и прикрывал тыл, держал под прицелом ближайšie дувалы и всю улицу. Внутри домов летели гранаты. Десантники заскакивали за порог, внимательно разглядывали внутреннее убранство жилищ чужого народа и немедленно расстреливали все движущееся, шевелящееся и ползущее. Заметив лаз, погреб, глубокую подозрительную дыру, вызывали огнеметчиков. Струя плотного яркого огня завершала дело. Для верности сделав по контрольному выстрелу, прихватив ценные вещи, вся тройка устремлялась к следующему дувалу — продолжать дьявольскую вакханалию.

Уже в центре кишлака сержант Жданов, не обнаружив на поясе гранаты, отступил от своих правил. Без предварительной обработки смело переступил порог дувала. Все же на всякий случай пустил по окружности длинную очередь. Мельком заметил растерянное, бледное лицо еще живой женщины, прижимавшей к груди тельце голого ребенка. Но «калашник» четко выполнил свою черную работу. На светлом халате женщины, поперек живота и через холстину, прикрывавшую тельце ребенка, пропечатались точки злоеущих дырок, из которых незамедлительно просочилась кровь. Женщина умерла мгновенно, но глаза... Мольба, ужас, страх и еще что-то женское, материнское, недоступное нам, мужчинам, жило в ее взгляде. И руки... Перебитые, все в крови, они плотно прижимали к груди ребенка, защищая ладонями его лысенькую головку от того ужасного, что с болью вошло в ее тело.

Костя замер посреди комнаты, долго смотрел на дело рук своих, допустив вторую ошибку, за которую тут же поплатился. Гулко хлопнул одиночный выстрел, и левую руку сержанта пронзила боль. Он молниеносно брякнулся на пузо, перезарядил автомат, поморщился и, не обращая внимания на простреленную руку, приподнял голову. «Сержант! Лежать!» – услышал он голос Савченко, который исправил его первый промах. Прогремел взрыв гранаты, и боком из-за угла вывалился изрешеченный осколками мужчина. И тут же резко отпрянул назад под очередями спецназовских автоматов. Он что-то успел пробормотать, прежде чем грузно рухнул на тело женщины. В проеме двери появился Савченко, держа наготове автомат. Облизал губы и прохрипел:

– Фу, думал, тебе каюк. Я его сразу заметил, только ты мешал стрельнуть, пришлось гранатой. Пошли на воздух, перевяжу. Мерзко тут, кровяца кругом. Рыгну еще.

Жданов приподнялся, качнувшись, шагнул к трупам, приподнял автомат и спокойно сделал контрольный выстрел в затылок мужчины. Это был последний выстрел в этот день. Последние жертвы. Кишлак был окончательно зачищен. Солнце наконец-то спряталось за горами. Близился вечер. Бесконечный и теплый.

Еще сутки батальон находился на краю «зеленки». Ночью ярко горели костры, на которых жарились куски мяса. Десантура жевала свеженину, изредка сонливо поглядывая на мертвый кишлак. Когда появился знакомый сладковатый запах разлагавшейся мертвечины, Маликов отдал приказ отойти от кишлака и рыть окопы по периметру. Еще пару дней спецназовцы, матеря всех и всякого, торчали в окопах. Но никто из кишлака так и не появился. Последними покинули селение бойцы отделения Кости Жданова.

На вопрос своего спасителя, что делать с пленными, сержант, усмехнувшись, ответил:

– Если бабы надоели, бери мужика. Лицо Семена залилось краской. Но чтобы не казаться опытному командиру пацаном, он развязно хихикнул:

– Бабы всем приелись. Взводный приказал отходить. Куда их девать будем?

Жданов неосторожно двинул простреленной рукой, охнул от резкой боли и уже со злостью выдавил:

– Дерьмо собачье. Свидетелей не оставлять, кончай их... Поняв, что сержант не шутит, Савченко заморгал глазами, суетливо роясь в кармане маскхалата.

–К реке их, Семка. Предупреди братву, ни гу-гу. Все одной веревкой повязаны. Пулю в затылок, камень к ногам и в воду. Что уставился? Слизняк хренов. Веди баб, сам кончу. Тоже мне, вояки.

Привели закутанных в тряпки женщин. Истерзанные, поруганные, полуголые, они и сейчас упорно прикрывались руками, стыдясь своей наготы. Послушно встали на бережку на колени, опустив лица в землю. Одна не удержалась, зачерпнула в ладони воду и хотела выпить. Не успела. Костя передернул затвор автомата и выстрелил ей в затылок. Неторопливо добил и остальных. Братва суетливо привязала к ногам камни и быстрехонько столкнула трупы в воду. Костя закурил и хмуро проговорил:

–Не в бирюльки играем. У них все воюют. И дети, и бабы. Сами видели. И этих оставлять в живых нельзя. В снайперки определятся, как та стерва, или нас заложат. Нет человека, нет проблем. Семка, понаблюдай, чтобы не всплыли, не дай Бог...

Тела без вины виноватых женщин надежно укрыла река. Не будут они матерями. Оборвалось еще одно звено между прошлым и будущим.

Еще раньше забитого до полусмерти крестьянина привязали на веревку и спустили на солнцепек поджариться. Обнаружив, что он еще жив, решили напоследок потренироваться в меткости стрельбы. Тут отличился Гога. Его выстрел оборвал веревку, и тело бедняги кувыркнулось в ущелье. Сеня Савченко полоснул очередь вслед из автомата. И его сердце погрузилось в пучину жестокости и равнодушия.

А в Москву ушло очередное донесение о крупной победе советских войск в Афганистане. Многие получили ордена и медали. Позже в кишлак пришли люди и нашли трехлетнюю девочку. Как она уцелела, только Богу известно. Ее грязная, умная мордочка тоскливо смотрела по сторонам. Искала маму. Не приведи Господь стать ей снайперкой в своей или чужой стране.

РЯДОВОЙ РЕКС

*Посвящается Герою России
Александрю Бузину.*

Рекс был умница. Когда его мама, средних лет овчарка по имени Роза, ласково и нежно облизала четверку родившихся щенков, один из них неожиданно твякнул. В дощатую просторную конуру заглянула физиономия человека. Мама Роза навестила уши, бочком прикрыла свой приплод и на всякий случай незлобно рыкнула. Поворчала и позволила молодому белобрисому собаководу взять шевелящийся комочек в руки.

Осторожно раздвинув хлипкие лапки щенка, он удовлетворенно хмыкнул и с удовольствием чмокнул губами в его теплый носик. Роза зарычала, слабо повизгивая, требуя свое чадо обратно. Потрепав свободной рукой по взъерошенному загривку мамыши, собаковод подсунул щенка ей под бок, улыбнувшись, сказал:

— С норовом у тебя сынск, Роза. Хорошим воякой будет. Назовем Рексом.

Там, в питомнике, и вырос Рекс в мощного черно-серого красавца. Что он был умница, спору не было. Он быстро научился выполнять команды: стоять, лежать, ползти, бежать, прыгать, барьер и прочей собачьей премудрости. Долго фыркал и чихал, привыкая к запаху взрывчатых веществ. Дико вращал налитыми кровью глазами, воротил морду, кусался и визжал, оставаясь голодным на ночь. Его величество чувство голода и лакомый кусок сахара сделали свое дело. В конце концов, наплевав на мертвячий, прелый запах тола, Рекс все же вынюхал эту нечисть, закопанную в землю и, радостно повизгивая, сделал стойку. Его одобрительно погладили по голове и тут же вручили пайку сладкой подачки, которую щенок мигом схрумкал.

Что-что, а сахар он любил. Особенно хрустящие на зубах леденцы. Дальше все пошло как по маслу. Только успевай вынюхивай и получай честно отработанный лакомый кусочек.

Умные, как известно, всегда впереди. В жизни, бою и смерти. Полгода напряженной подготовки — и готов рядовой Рекс к службе в армии. Не догадываясь, что его навсегда увозят от мамы Розы и родного питомника, он добровольно прыгнул в дверной проем самолета, обнюхал дальний угол и примостился на мягком сером рюкзаке. Полеживал и спокойно глазел на молодых солдат, грузящихся в самолет, ожидал появления широкоскулой физиономии своего хозяина. Какой-то тип по кличке Шурик неосторожно прикрепил к ошейнику собаки карабин поводка и со вздохом проговорил:

— Повязаны мы одной веревочкой, дружище, вместе воевать будем. Теперь я твой хозяин. Сиди смиренно, не дергайся на взлете.

Рекс страшно испугался, когда загрохотали двигатели самолета. Дернулся к двери, но был остановлен рывком поводка и командным криком Шурика «Лежать!» Он был дисциплинированным псом и поэтому незамедлительно лег брюхом на пол.

Лишь самолет взмыл в небо, что-то оборвалось в его животе, защекотало в ушах, закапало из носа. Бежать и спрятаться было некуда. И мама Роза куда-то запропастилась. Одни незнакомые лица солдат — равнодушные и сонные. Только Шурик гладил его по голове, поглядывая с жалостью и тревогой. Постанывая и повизгивая, Рекс уткнулся мордой в его ноги. Замер, зажмурил глаза, опустил уши, доверив свою собачью жизнь этому человеку. Так он обрел нового и последнего хозяина в жизни.

Наконец-то прекратился грохот двигателей и самолет замер на стоянке Александр, подтолкнув под зад, спустил собаку с поводка. Под оглушительный смех десантуры, ловко юркнув между солдат, пес пульей вылетел из грузовой кабины, прыгнув, минуя трап, прямо на бетон Кабульского аэродрома. Отбежал в сторону, пару раз чихнул, поднял ногу и презрительно помочился на вновь обетованную землю. Десантура вновь заржала, и Владик, друг Шурика, давясь смехом, крикнул:

— Ну и псина, ну и Рекс! Себе уж памятник воздвиг нерукотворный, раньше нас... Молодчина! Так держать! Будете знать русских кобелей, афганские сучки.

Рекс покрутился среди выгружающихся солдат, отыскал Шурика и вильнул перед ним хвостом. Тот благодарно прижал пса к груди и прошептал ему в ухо:

— Вместе воевать будем, вместе. И верно, умный ты песик, мой Рексик.

К вечеру без принуждения собака добровольно впрыгнула в кабину вертушки и полетела с Александром к месту назначения. Выходит, Рекс, как и его хозяин, пусть по своей псинной глупости, но добровольцем отправился исполнять свой собачий интернациональный долг к черту на кулички. Он стал бравым воякой. Только штабисты знают, сколько боевых зарядов обезвредила собака, а сколько солдатских жизней спас умный пес — не подсчитает никакая статистика.

Шла операция в горной долине, окруженной высокими пиками тысячелетних гор. В вышине парило солнце и некуда было спрятаться от проклятой жары. Ни кустика, ни деревца, сплошные горячие камни и валуны, да песок, хрустящий на зубах. Усталость в лапах, усталость в глазах, усталость в голове.

— Рекс, вперед, — прохрипел, облизывая ссохшиеся от жары губы, Шурик, лениво поправляя на спине ремень автомата и стирая со лба пот.

Пес неторопливо вышел из-за БТРа на дорогу, взглянул на своего хозяина, который, приспустив поводок ошейника, подбодрил его слабой улыбкой, привычно уткнулся горячим носом в землю и засеменял по выбитому взрывами грунту. Следом двинулся БТР, на броне которого, держа автомат в руках и свесив ноги, сидел голый по пояс Владик. Позади — танк и длинная вереница автомашин. Внизу, в глубоком ущелье, дымилась остатками подорвавшейся БМП. В небе урчал вертолет, увозивший убитых и раненых после подрыва солдат.

То ли опротивели четвероногому саперу леденцы, которыми с утра пичкал Шурик, то ли устал и был рассеян, вспоминая вчерашний роман с косматой сучкой Лорой, или заряд был особенный, закопанный на большую глубину — Рекс прошляпал, прошел мимо, не принял положенной стойки. А хозяин, уверенный в своем поводыре, оглянулся назад, махнул рукой:

«Все, мол, нормально». Неторопливо отстегнул с пояса фляжку с водой, запрокинул голову, отпил пару глотков, прополоскал рот, выплюнул теплую жидкость и, не закручивая колпачка, сделал роковой шаг. Земля вздыбилась под его ногами, словно из ада, из преисподней вырвался страшный черт, не пожелавший жариться на сковороде. Сильный взрыв сотряс разряженный воздух, и десятки мелких чертей огненным смерчем разлетелись в разные стороны, достав своими смертоносными щупальцами и беднягу Рекса. Где-то сверху застрочил пулемет, ударили автоматы, кувыряясь, поскакали на дорогу заросшие мхом камни.

— Засада! — заорал Владик, скатываясь с брони БТРа и прячась за огромный валун на краю обрыва. Гулко бухнули пушки брони. Завязался короткий, яростный бой. Под прикрытием плотного огня танков раненый в голову Вадик и еще двое десантников осторожно выволокли повизгивающего Рекса из зоны обстрела. Друг Александра, размазывая по лицу слезы, плакал, непрерывно повторяя:

— Одна фляжка, только фляжка, фляжка, фляжка...

Он вдруг вздрогнул всем телом, перестал всхлипывать, сощурил глаза, плавным движением правой руки заменил патронный рожок, передернул затвор автомата и резко повернулся в сторону полумертвой собаки. С каким-то ожесточением, ненавистью, выдавил:

— Ты, псина, виноват, ты... Нюхало хренов.

В последний момент Рекс на минуту пришел в себя. Сквозь кровавый туман, застилавший глаза, увидел наведенный на него ствол автомата в руках друга своего хозяина, его колючий, помертвевший взгляд. Они долго смотрели друг другу в глаза. Человек и собака. Два воина, два бойца.

Рекс не просил милости. Да, он виноват в случившемся и должен понести наказание. Стреляй, Владик, и будешь прав. Рекс умница, он все понимает. Все, все... Что прочитал в глазах собаки Владик, останется тайной. Он неожиданно вновь всхлипнул, по-мальчишески шмыгнул носом, положил автомат под ноги, присел на корточки, долго гладил понурую голову собаки. Встрепенулся и, повернувшись к БТРу, крикнул:

— Серега! Тащи бинт. Может, выживет, — он осторожно перевязывал собаку, и его губы непрерывно бубнили:

—Прости, Рексик, прости, если сможешь. Ничего, будешь жить, еще повоюем, отомстим гадам за Шурика.

По команде радиста взлетевшие несколько минут назад вертушки приземлились на площадку. Перевязанную вдоль и поперек, тоскливо смотревшую слезящимися глазами вдаль собаку несли на носилках четверо десантников. Позади, еле передвигая ноги, плелся обрызганный собственной и собачьей кровью Владик, матерясь и приговаривая:

— Повоюем еще, Рекс, повоюем, мать «духов» за ноги.

В вертолете он бредил, рвал на голове бинты, искал автомат и все порывался бежать на выручку друга. Его держали за руки, пока не упал плашмя, потеряв сознание. Они даже не попрощались. Владика отправили в госпиталь в Союз. Больше в часть он не вернулся.

Собака выжила и через месяц впервые, зажмурившись, взглянула на солнце. Через три месяца Рекс превратился в отличного сторожевика, стал грозой местных низкорослых кобелей и любимцем неприхотливых сучек. Но где бы ни находился пес, услышав шум вертолетных двигателей, летел на площадку для посадки и замирал вблизи в тревожном, возбужденном ожидании. Из вертолета выходили десантники, весело окрикая собаку. Рекс благодарно прижимал уши, вытягивал шею, но не двигался с места. Он искал среди молодых парней долгожданного хозяина, своего Шурика. Не дождавшись, тяжело вздыхал, понуро опускал хвост и осторожно впрыгивал в пустую грузовую кабину. Усердно обнюхивал все углы, выискивая запах хозяина и, не найдя, ложился на броневую обшивку днища вертолета. Лежал, положив голову на передние лапы, уставившись в одну точку. Часами ждал, сам не зная кого, вспоминал и думал о чем-то. Лишь летчики включали двигатели, Рекс впадал в панику, и никакие силы не могли удержать его в вертолете. Как-то попытались и поплатились за это. Пес вихрем скакал по грузовой кабине, кусал всех, кто подвернется под клыки. Борттехник, услышав шум, в недоумении открыл дверь пилотской кабины и был ошарашен прыжком собаки через голову. Правый летчик в страхе от разгневанного взгляда и рычания Рекса механически схватился за ручку сдвижного блистера и открыл его. Собака, почувствовав струю свежего воздуха, не раздумывая, нырнула

в дверной проем и с высоты нескольких метров рухнула на землю. Благо, вертолет был в режиме висения. Все обошлось легкими ушибами. Но больше никто и никогда не шутил с собакой.

Рекс же страшно боялся опять лететь на войну. Встретиться с тем приторным запахом в земле, после которого что-то вздыбилось под ногами хозяина и обрушилось на собаку градом укусов и жгучей, режущей болью живота.

Прошло время. Войска уходили на север. По дороге пылили БМП, танки и БТРы. На броне сидели знакомые солдаты, кричали, звали к себе Рекса. Но нигде не было хозяина и друга его Владика. Он долго бежал следом, иногда обгонял колонну, застывая на месте, внимательно вглядывался в веселые лица десантуры. Весь запыленный, наконец, отстал и, опустив хвост, рысцой вернулся в пустой лагерь. Завыл, залаял от непривычной тишины и одиночества. Напрасно тарахтела последняя вертушка, и летчики усердно пытались отловить упрямую собаку. Рекс дал стрекача и спрятался в укромной дыре, выдолбленной в скале. Он удовлетворенно вздохнул, когда хорошо знакомый летчик, обреченно махнув рукой, сел в пилотское кресло. Вертолеты сделали прощальный круг над площадкой и улетели догонять автоколонну. Долго и тревожно наблюдал Рекс за последней вертушкой. Словно понимал, что остался совсем один. Он вышел из-за скалы, огляделся. Кругом было пустынно и мусорно. Ни людей, ни палаток, несколько пустых строений с выбитыми стеклами да железные решетки вертолетной площадки. Не было и его жилища, где стояла койка хозяина, под которой на подстилке всегда спала собака.

Но рядовой Рекс четко знал свои обязанности. И еще двое суток его грозный лай отгонял от брошенного военного городка случайных прохожих и любопытных гостей. До последнего он надежно нес службу. А потом пришло много людей в чужой одежде с оружием в руках, радостно палящих в воздух. И это были лютые враги, стрелявшие во Владика и Шурика, разлучившие Рекса с ними. Этих людей он знал, он их помнил, он их ненавидел. Весь день собака, притаившись, пролежала за скалой. Ночью загрызла первого, зашедшего за скалу, тем

самым рассекретив свое убежище. Поутру встревоженные люди с ужасом обнаружили товарища с разорванной глоткой и изуродованным лицом. О чем-то с жаром поспорили и по команде чернявого властного командира окружили скалу.

Рекс спрятался в пещере, притаился, готовый к прыжку. Обнаружили его сразу. Постреляли из автоматов, поспорили на непонятном языке, смолкли. Наспех сколотили лестницу и приставили к отверстию. По лестнице поднялся заросший бородой человек, отстегнул от пояса гранату, выдернул чеку и метнул ее в отверстие пещеры. Раздался глухой взрыв. Бесперывно строча из автомата, неуклюже, как-то боком он свалился внутрь пещеры. Послышался протяжный вой, злобное, звериное рычание, пронзительный жалобный человеческий крик. Минутная жуткая тишина. И бешеная, беспорядочная пальба из всех видов оружия. Кто-то сообразил принести дымовые шашки. Собаку решили выкурить из пещеры. Снова по лестнице поднялся человек и одну за другой стал метать «дымовухи» в отверстие.

Постепенно пещеру заполнил едкий тошнотворный запах, напомнивший Рексу проклятый запах тола. Он пару раз чихнул, уткнувшись носом в лапы. Почувствовал, как побежали из глаз слезы, защекотало глотку, учащенно забилось сердце, от нехватки кислорода сдавило легкие. Отчетливо понял, что надо выбираться отсюда на волю и солнце.

Его ждали десятки жестких глаз и стволы автоматов. Морда собаки вынырнула из дымовой завесы. Рекс прыгнул, зацепив лапами человека на лестнице. Одновременно они упали на землю. Собака успела схватить врага за горло и мертвой хваткой стиснуть зубы. Кто-то с испугу в упор застрочил в вертящийся на песке клубок с яростно рычащим Рексом и хрипящим, еще живым товарищем. Чернявый что-то крикнул, схватил стрелявшего за руки, размахнулся и ударил по лицу. Быстро повернулся, выхватил из кобуры пистолет и хладнокровно добил собаку.

Пес и его жертва умерли мгновенно от пуль, беспорядочно выпущенных из автомата. Последнее, что промелькнуло в угасающей памяти Рекса, это ласковые руки, добрая улыбка и ждущие глаза Шурика. Он удовлетворенно глубоко вдохнул

чистый утренний воздух, обвел помутившимся, ненавидящим взглядом напряженные лица врагов, дернулся и умер.

Еще целые сутки на побуревшем от крови песке валялась мертвая собака. А рядом, на камне, сидел часовой с автоматом на коленях. Приходили люди, с отвращением и страхом рассматривали пса, плевали на его тело. На второй день на солнцепеке Рекс стал разлагаться и пованивать мертвячиной.

Совершенно случайно, именно на том месте, где стояла палатка хозяина Рекса, вырыли яму и, брезгливо морщась, шестами столкнули собаку на дно. Быстро засыпали яму песком, утоптали ногами, положив сверху могилы огромный камень. Они как будто боялись, что злой дух пса вырвется из могилы наружу и будет мешать жить людям.

КОНТИНГЕНТ

Двадцатичетырехлетнего полевого командира Керима Исламбекова уже с месяц не покидало чувство опасности. Каждый вечер он засыпал с мыслью, что утреннюю тишину снова нарушит лязг танковых гусениц, рокот вертолетов и смертоносные залпы ракетных установок. Беспокойство росло с каждым днем. До кишлака дошла молва, что «шурави» уходят. Позже об этом стали писать газеты, говорить радио. Радостная весть вселила в душу молодого командира тревогу и главный вопрос: «Как?» Об этом не писали газеты, не говорило радио. Для них важен факт, а не сам процесс, так сказать, черновая работа. Керим знал, как чужеземцы уходили из захваченных стран. По договору правительств, организовано, без лишних жертв. Это где есть сильная власть. А если ее нет? Из той же России Наполеон бежал, бросив на произвол судьбы свои войска. Советские генералы никогда на это не пойдут. Гитлер уходил, уничтожая за собой города, села, мирных жителей, вел кровопролитные бои. Сейчас не те времена и Горбачев не рискнет уподобляться фашистам. В обоих случаях русские били в лицо и в спину немцев и французов. Теперь они сами в чужой стране попали в ловушку. Как они будут уходить — вот что беспокоило его в последнее время. И еще Керима тревожила память. Все чаще приходила в снах. Его отец, горный инженер, выучившийся в России, любил приговаривать:

— Учи, сынок, языки и друзей, и врагов. Все пригодится в жизни.

Он с юношеских лет вместо винтовки держал в руках циркуль и карандаш. Перед войной с русскими специалистами проектировал и строил систему водоканалов на юго-востоке страны. Жили в палатках, землянках, по-походному, налегке, в сугубо мужской компании. Летом начальник строительного

участка, Сергей Николаевич, привез своего сына Вадима, который мечтал стать геологом. Его мать погибла в автокатастрофе, отец переживал за сына, сын за отца и им было легче вдвоем в трудное время.

Мальчишки подружились с первой встречи и весело проводили время. Особенно ребятам нравилось играть в казаков-разбойников. Лазали по горным кручам и каньонам, бесшумно подползали к караванам, идущим с товаром из Пакистана, и громко «ухали» через мегафон, на манер американских индейцев, не на шутку пугая мирных кочевников. Крикнув победный клич, мальчишки исчезали в скальных нагромождениях Гиндукуша. Их опасные проделки не проходили бесследно. Особенно подводил «разбойников» мегафон, которого никто в кишлаке не имел. А без него выходило нестрашно и скучно. Караванчики жаловались отцам, беспокоясь за жизнь детей. Ох, и попадало им от родителей за опасные проделки. Приходилось за грехи отбывать трудовую повинность с лопатами в руках. Хотя, какая там повинность, если работа увлекала ребят не меньше, чем разбойничьи игры. Результатом труда была вода — начало всех начал в песчаных пустынях субтропиков. Оживали истосковавшиеся без влаги плодородные земли, зеленели долины, светились счастьем и надеждой лица крестьян, они искренне благодарили великую северную страну за бескорыстную помощь. Мечтали о многом два юных друга. Но случилась война, будь она проклята.

«Ограниченный контингент советский войск», — мысленно повторил Керим ненавистные слова. В сотый раз отчетливо вспомнил тот холодный по-зимнему день, когда по новой «кабульской» дороге вереница натужно урчащих двигателями русских танков вползла в сказочный, благоухающий оазис, сотворенный руками отцов и жителей близлежащих кишлаков. Ни в Москве, ни в Кабуле не поинтересовались: а хотят ли простые люди военной помощи. Этим решением правители наплевали в души людей. Избороздив стальными гусеницами танков живительные отводы оросительных каналов, пахотные земли, испоганив святые места, вчерашние друзья превратились во врагов. Тысячи равнодушных, чужеземных солдат, бряцая современным оружием, как ядовитым жалом гремучей

змеи, свергло обе страны в смертельную бездну. Первая пролитая кровь порождает ненависть и насилие.

В тот день и на родной земле Керима случилось страшное событие. Кто-то не стерпел обиды, плевка в душу при виде разрушенной дамбы вблизи кишлака и мазутных пятен на водной поверхности канала. Прозвучал выстрел и молодой русский солдат, черпавший ведром воду, обливаясь кровью, упал в глубь канала. Его кровь, смешиваясь с водою, расплзлась вширь, порозовела и поплыла вниз по течению, завораживая и призывая к мщению его друзей. По горячке, по слабому разуму, без разбору, злой шутке, ради любопытства, чувства мести, просто так, от нечего делать люди стали стрелять друг в друга, превращаясь во врагов. В дело вмешалась техника. Грозно рывкнули пушки бронированной стальной армады и тысячи огненных посланников смерти унеслись искать свои жертвы. Пылали деревянные постройки, в панике выбегали из дувалов жители кишлака в поисках спасения. Трудно, ох, трудно было выжить в этой дьявольской свистопляске тем, кто находился в селении. Тогда еще не было в моде слово «зачистка». Это и спасло многих от лютой смерти. Отцы ребят не успели предстать перед выбором: кто кого и за кого? Спящих, усталых после работы, их накрыло в теплой землянке огнем артиллерии. Одно прямое попадание крупнокалиберного снаряда навеки упокоило двух геологов — русского и афганца. Точнее, их тела разорвало в клочья. Следующие взрывы разветвили прямую линию канала в ряд неровных ответвлений, заканчивающихся заводами из глубоких воронок. Тяжелые танки протюжили и развалили рабочие постройки вдоль канала, разрушив стены землянки, надежно спрятав братскую могилу под прозрачным покрывалом хлынувшей из канала в воронку воды.

Двум мальчишкам Всевышний уготовил другую судьбу. Спозаранку ребята отправились в горы на охоту. Их планы прервал далекий грохот техники, не вписывающийся в обычную утреннюю тишину. Наперегонки они влезли на вершину горы и с восторгом смотрели на длинную колонну техники, вынырнувшую из пасти ущелья. Два юных чудака ликовали, восторженно кричали, решив немедленно сделать

разбойничье нападение на железных чудовищ. Строя разные планы, они стали спускаться по тропинке. И вдруг услышали эхо винтовочного выстрела, которое стало роковым для их кишлака, судьбоносным для Керима и, может быть, всей страны. После выстрела все пошло шиворот-навыворот. Ровная цепочка колонны резко сломалась. Часть танков и бронемашин съехала с основной дороги прямо в «зеленку». По пути ломая посадки нежных деревьев, помчались к водной поверхности канала. Оставшийся на дороге передний танк дернул стволом пушки, выплюнув из своей утробы смертоносную жабу. Произведя пристрелку, все скопище техники дружно фыркнуло из орудий, застрочило из пулеметов по каналу и предгорной долине, где приютился родной кишлак Керима.

Мальчишки остановились на пригорке и с ужасом наблюдали за ходом трагедии. Один Аллах знает, как они смогли пережить тот миг, когда снаряд разворотил их землянку. Видеть, как танк гусеницами утрамбовал на месте землянки землю, тяжело выполз из глубокой воронки, уступив место грязевому потоку воды. Керим навсегда запомнил залитые слезами глаза Вадима и его отчаянный, рыдающий крик:

— Не надо, не стреляйте, там мой папа, дядя Вазиль, не убивайте, не убивайте их!

Что-то кричал и он, путая афганский и русский языки. Но вопли и крики ребят терялись в грохоте стрельбы орудий и рокоте работающих двигателей техники. Вадим, обессилев от криков и рыданий, лишь хватал пересохшим ртом воздух, слабо махая руками. Ноги его подкосились и, потеряв равновесие, он свалился в расщелину, разбив о камни голову. Керим скинул с себя голубую майку, умело перебинтовал голову друга. Удар плюс нервное перенапряжение Вадима принесли новые заботы афганцу. Друг приходил в себя, бредил и вновь терял сознание. Пришлось весь день просидеть в расщелине, держа его голову на коленях, промывая рану водой и смачивая влажной тряпкой пересохшие губы. Так сидя и задремал, уставший от вороха беспорядочных мыслей. Легким толчком его разбудил пришедший в себя Вадим. Глаза его ясно и с нежностью смотрели на Керима, тихо прошептал:

— Спасибо, друг, что не бросил меня подыхать в расщели-

не, в отместку нашим. Что будем делать дальше?

Афганец ждал этого вопроса. Еще в обед он сделал обзор местности, убедился, что солдаты остановились на ночлег на предгорной равнине.

— Теперь нам вместе нельзя, — вздохнул он, положив ладонь на плечо друга. — Ваши убьют меня, наши — тебя. Колонна остановилась на равнине. Я провожу тебя к ним, а сам вернусь в кишлак. Надо похоронить отцов, узнать, жива ли мать, и решить, как жить дальше.

Вадим кивнул обвязанной головой, перехватил руку друга на своем плече, благодарно сжал ее:

— Это начало войны. Только не между нами. Давай поклянемся никогда не стрелять друг в друга. Как наши отцы. Обозначь и сохрани их могилу. Я обязательно вернусь сюда. Если меня призовут воевать, знай, я буду стрелять только в воздух. И еще отличительный знак. Запомни — голубая повязка на голове, как твоя майка. Не забудь наш боевой клич. Это пароль.

Ребята по-мужски крепко пожали руки, и Керим проводил друга до передового поста русских. Все было переговорено по дороге. Они последний раз обнялись и расстались, быть может, навсегда.

— К своим пришел, теперь не пропадет, — облегченно подумал Керим, высунувшись из-за скалы. Его случайно заметил молодой симпатичный боец с веснушками на лице и испуганно полоснул длинную очередь из пулемета. Правое плечо афганца прожгло острой болью, он вскрикнул и бросился обратно в горы. Бежал, спотыкаясь о камни, и горько плакал от боли и обиды, вспоминая отчаянный вопль друга.

— Не стреляйте, не стреляйте! Это мой брат.

Еще одна пуля, выпущенная на всякий случай, сделала свое черное дело, превратив юношу в мужчину и лютого врага пришельцев. Только на третьи сутки, ослабевший и исхудавший, он приполз в родной кишлак, где узнал о смерти матери и двух сестер. Через неделю ему вылечили плечо, и Керим пришел на кладбище. Долго молился за отца, мать, сестер, но не плакал, не мог. Кусал нижнюю губу до посинения, клялся отомстить за родных и близких. Очередной матерчатый символ мусульманского горя затрепетал над могилой, призывая к мщению.

Прямо с кладбища он отправился на канал. Место, где была землянка, нашел сразу, определив по воронке, залитой сверкающей на солнце водой. Тихо и уютно щебетал ручеек, выбегающий из заводи по глубокой гусеничной колее. Он впился глазами в песчаное дно, сидел на солнце, не шелохнувшись, до вечернего заката. Сильно хотелось пить, но не смог утолить жажду. Казалось, где-то там, под песком, сочится кровь отца и капля за каплей вытекает наружу. Керим больше никогда не пил воду из заводи. Случайно его взгляд обнаружил сохранившийся на берегу плоский зеленоватый камень, вспомнил, что именно на нем отец Вадима раскладывал карту-схему водосточных каналов. Бережно разглаживал складки на карте и увлеченно рассказывал отцу Керима и ребятам о своих грандиозных планах. «Его место на могиле, как вечная память, это их камень», — подумал Керим, приподнял его с земли и осторожно опустил в воду, где когда-то была землянка. Топориком срубил два дерева, аккуратно ошкурил ствол. Первый глубоко воткнул в землю над обрывом, в точности, как на могиле матери и сестер. Из второго сколотил крест и воткнул рядом. Поклонился еще раз, пожелав всех благ небесных дорогим сердцу людям, и вернулся в кишлак.

Утром старейшины рода держали совет, куда пригласили оставшихся в живых мужчин. Долго спорили, как жить дальше. Решили объявить свою территорию нейтральной, не воюющей ни с кем и ни за кого. Желающих немедленной мести не отговаривали, а предложили уйти в другие районы страны, где можно без угрозы для мирных жителей убивать неверных. Против выступил щедушный, длинный, высохший, как скелет, с жестким, пронизывающим взглядом Ахмет, виновник того рокового выстрела:

— Мы должны убивать захватчиков везде и всегда, — злобно проговорил он, — объявить газават под зеленым флагом ислама. Война, только война искупит грехи перед Всевышним. Во славу Аллаха винтовка в моих руках будет стрелять в каждого, кто против священной войны независимо от веры.

— Ты стервятник, злобный и неугомонный. Мало тебе крови, пролитой по твоей вине? Ты первый выстрелил в русских, — неожиданно заговорил самый мудрый и уважаемый в

кишлаке аксакал, не проронивший доселе ни слова. — Аллах призывает к милосердию, миру, любви. Тебе этого не понять, уходи из кишлака, на тебе кровь земляков, ты стервятник и провокатор, твое место в аду.

Гул одобряющих голосов и злые огоньки в глазах мужчин и юношей, потерявших близких, заставили Ахмета удалиться, бубня себе под нос:

— Погодите, пробьет час, вспомните мои слова.

После его ухода дела пошли быстрее. Для охраны территории решили создать постоянный военный отряд, объединиться с соседними селениями. Пятнадцатилетнего меткого стрелка и грамотея, сына Визилия, старейшины назначили командиром. Так в короткий период времени Керим превратился в настоящего мужчину, потерял всех своих близких, сделался полевым командиром и лютым врагом ограниченного контингента советских войск.

За мать и отца он отомстил за пару лет в схватке с кабульскими войсками, пытавшимися установить правительственную власть над свободной территорией. В боях не щадил и русских, помогавших Бабраку Кармалю прибрать к рукам всю страну. Но Вадима так и не встретил.

Керим воевал только на своей территории. Последние пять лет никто не лез в его владения, и здесь наступила мирная жизнь. Воины отряда восстанавливали каналы, сеяли зерновые и собирали богатые урожаи цитрусовых. Там, где война, мир хрупок и недолговечен.

Гонец прибыл вечером. Им был Ахмет, прозванный «стервятником», выгнанный старейшинами из кишлака. Он почти не изменился, стал лишь худее и злее прежнего. Такие люди есть в любой стране и народе, существуют в поиске вражды, смертельной наживы, болея вечной и страшной болезнью уничтожения себе подобных. На протяжении всей войны Ахмет был для кишлака черным вестником тревожных событий, глазами и ушами курбаши Билибека, контролирующего всю провинцию. Посланник зловеще сверкнул своими угольными глазами и сразу перешел к делу:

— Привет тебе от курбаши и пожелание удачи в борьбе с неверными. Он велел сообщить, что русские собаки

наконец-то решили покинуть нашу страну. Теперь чем больше мы убьем солдат, тем скорее «шурави» уберутся на Родину, тем милостивее будет к нам Аллах. На рассвете сюда прибудет сам Белибек с крупным отрядом моджахедов. Завтра ожидается отступление большой колонны техники на север. Мы ударим по ней и победим.

Керим, внимательно слушая «стервятника», с горечью понимал, что снова рушится мир и покой. Не глядя в лицо Ахмета, грустно рассудил:

— Знаю, что уходят, и слава Аллаху. Пусть идут. Зачем нападать? В крупной колонне будут танки, артиллерия, воздушное прикрытие. О какой победе ты говоришь? Нас разобьют в пух и прах. Помнишь, как десять лет назад. Я не хочу нового кровопролития.

Наконец-то пробил час стервятника! Не забыл Ахмет и никому не простил, как с позором был изгнан из кишлака. Помнил, ох, помнил свои последние слова. Сейчас он их хрипло выплюнул, брызгая слюной:

— Во славу Аллаха мы будем стрелять в каждого, кто против священной войны. Усмири гордыню, не накликай беды на весь свой род, выполняй приказ и готовь людей к бою. Жди Белибека и его людей, выбора у тебя нет.

Молодой командир уклонился от ссоры, понимая, что Ахмет лишь исполнитель чужой воли. Курбаши Белибек. С ним шутки плохи. Заносчив, прямолинеен, но умный и рассудительный человек. Его отряды останавливались на отдых в кишлаке и не нарушали законов гостеприимства. Ходил и Керим под его началом в те первые военные годы. Неплохой стратег, умел производить внезапные налеты и вовремя отходить. Неужели выдержка изменила ему? Ударить в лоб по колонне, затяжной бой... Верная смерть. Он не кровожадный Ахмет и за просто так не будет рисковать людьми. Тут что-то другое. Какой-то важный политический заказ. Нужно обсудить на совете план спасения жителей, поставить курбаши перед фактом.

Приход «черного вестника» ни для кого не остался незамеченным. Всевозможные слухи повисли в воздухе, люди потянулись к мечети, где на небольшой площади проводились общие сборы.

Керима встретил встревоженный гул голосов, стихший при виде его поднятой руки. Тревожные глаза воинов и старейшин с надеждой смотрели на молодого мужчину, которому когда-то доверили свою защиту. Он поклонился им и решил сразу предложить свой план действий.

— Земляки, война кончается. Это большая радость для всех нас. Нам долго удавалось сохранять нейтралитет и оберегать женщин, детей, стариков, свои жилища, поля, водные каналы. Но судьба приготовила нам новое испытание. Завтра по дороге пройдет большая колонна советских войск, русские возвращаются на Родину. Знаю одно, если мы пропустим их через ущелье, то они уйдут без единого выстрела. Так было не раз за последние годы. Ночью к нам придет курбаши Белибек со своим отрядом. Они нападут на колонну. Отговорить их не удастся, скорее всего, это политический приказ, где моя, ваша жизнь не принимается в расчет, как и жизнь самого курбаши и его воинов. Мы оказались между двух огней. Нам остается попытаться спасти женщин и детей — будущее рода. Прятать в горах поздно и опасно. Русские пробомбят каждый каньон и расщелину вблизи кишлака. Я предлагаю разбить лагерь на равнине за водным каналом, на виду, вывесить белые и красные флаги. Их спецназ сразу проверит, кто находится в лагере. Не должно быть и намека угрозы на возможный удар в спину. Поэтому все мужчины останутся здесь. Ближе к дороге, между лагерем и колонной, расположатся старики, одетые в белые одежды и без оружия. Поставьте в известность русских, что это нападение совершено не по нашей вине, тогда есть надежда на их милосердие. Долго бойня не продлится. В открытом бою решает все техника. Первым делом они уничтожат наши жилища, которые люди курбаши превратят в крепости. Затем по долинам, ущельям, высотам ударит авиация. Я предвижу полный разгром, печальный конец, который, увы, бессилён предотвратить. Наш отряд должен участвовать в этой политической игре, иначе с нами расправятся за предательство. Вы это знаете не хуже меня. Постараюсь уговорить Белибека уйти в горы, но вряд ли он согласится. Главное — сохранить людей и колодцы, тогда будем жить. Сейчас прощаемся и в путь. Аллах велик и не допустит нашей гибели.

Быстры на сборы потомки древних кочевников в минуту опасности. Без суеты, без паники, присущих большим городам, покидали кишлак люди. Уже через час навьюченные верблюды и ослы послушно перешли дорогу в сторону песчаной равнины. Из домов вывезли все, вплоть до консервных банок, зная наверняка, что жилища будут разграблены и уничтожены артиллерией и авиацией.

После полуночи прибыли моджахеды курбаши Белибека, они заняли кишлак, часть «зеленки» и приступили к строительству линии обороны. К утру пробили в саманных стенах домов амбразуры, вырыли окопы, закопали взрывные фугасы. На возвышенности замаскировали два безоткатных орудия. Быстро перекусили и приготовились к бою.

Курбаши Белибек, поджарый, красивый, чернородый сорокалетний мужчина, одетый в полувоенную пакистанскую форму с неизменной чалмой на голове, дал последние указания своим людям и повернулся к терпеливо ожидавшему Кериму. Жестом пригласил присесть рядом на услужливо поданную подушку. Взял в руки кривую палку, рассеянно ковырнул ею золу в прогоревшем костре, неожиданно улыбнулся и наконец-то заговорил мягким, приятным голосом:

— Пока я доволен твоими действиями, сотник Исламбеков. Посмотри на костер. Видишь, зола быстро остывает, когда нет огня. Вот и в тебе нет огня, ты забыл лютую смерть отца, матери, сестер, остыл, превратился в холодную золу, в которую можно тыкать палкой, растоптать ногами, а она и не огрызнется. Теперь надо вновь зажечь в сердце костра огонь и тогда пламя сожрет палку, омолодит золу, которая испепелит, изгонит из костра любое инородное тело. Ненависть — это отличное топливо для огня, которое будет вечно подогревает золу, и горящие угли не дадут никогда властвовать чужаку в твоём костре.

Молодой командир неторопливо отпил несколько глотков чая из пластмассовой кружки и решил выдержать манеру разговора курбаши. Он подобрал брошенную на землю палку, повертел в руках, осторожно положил в потухший костер, философски ответил:

— Нет ничего вечного в мире, кроме Аллаха. В конце концов и палка, и угли превратятся в холодную золу, которую

ветер разгонит по свету. Ненависть — опасное топливо для человека, ответственного за судьбы людей. А я в ответе за продолжение жизни моего рода. Можно сгореть раньше времени и утащить за собой в огонь ни в чем не повинных людей. Я отомстил за своих родных, ты хорошо знаешь об этом, теперь разум руководит моими действиями. Он подсказывает, что оппозиционную войну мы никогда не выиграем. Я противник предстоящей бойни, ты это хорошо знаешь. Мирные люди кишлаков выведены на равнину. Ставлю тебя в известность, что старейшины рода попросят русских не открывать огонь по полевому лагерю. Это мое право спасти людей. Твои воины готовы и в лоб ударят по колонне, но твой тыл не прикрыт. Там, — Керим рукой показал в горы, — есть широкое, ровное плато, удобная позиция для высадки десанта. «Шурави» не дураки и постараются перекрыть тебе тыл. Удар нанесут с двух сторон и уничтожат нас в считанные минуты. Я предлагаю своим отрядом блокировать десант, что даст тебе возможность дольше продержаться здесь, в кишлаке. Повторяю, я не верю в успех авантюры, на ненависти далеко не уедешь. Своими действиями я продлю агонию твоего отряда. У русских нет выхода, они возвращаются домой. Своими танками, артиллерией и авиацией они сотрут нас в порошок. Ты сам это хорошо понимаешь, курбаши. Я буду надежно прикрывать вашу спину, пока жив, но и ты не провоцируй врагов на уничтожение стариков и женщин. Пусть мы погибнем, раз так суждено, но живут дети. Белибек, последний вопрос к тебе. Они уходят, уходят навсегда, к чему новые жертвы?

— Для избежания более кровавых событий, Керим. Генералы в Москве, марионетки в Кабуле затягивают вывод войск. В Советском Союзе задурили народу головы идеей международной помощи. Со мной прибыли западные журналисты, которые напишут правду. Во всем мире люди должны понять, что в Афганистане давно идет война. Кто-то должен пожертвовать собой и провести показательный бой. Жребий выпал нам. Это судьба. Ты сделал правильно, что удалил женщин и детей на равнину, и я не шакал устраивать провокации против своего народа. Я принимаю твой план — ты прикрываешь тыл. Но запомни, если предашь или струсíš... Я накажу за подлость весь твой род, по закону кровавой мести. Вот такой наш

будет договор, согласен? И последнее. Возьмешь с собой Ахмета и журналистов. Старик своим присутствием будет напоминать о договоре, а газетчики наблюдать сверху о ходе боя. Если я погибну, ты отвечаешь за них собственной головой. Там, в Пешаваре, знают об этом. Тогда спасай своих родичей, как сумеешь. Думаю, Аллах тебя за это не осудит. Прощай и ступай с миром. Помни наш договор.

Бой длился всего несколько часов. Точнее, шла перегруппировка техники внутри советской колонны, воздушная разведка и плотная бомбардировка всеми видами оружия кишлака, «зеленки» и горных вершин.

Внезапный удар моджахедов Белибека не принес видимого успеха. Армейская колонна, состоявшая только из боевой техники, танков, артиллерии, зенитных комплексов, боевых машин пехоты и десанта, замерла при подрыве передней машины. Немедленно вперед выползли три тяжелых танка, надежно прикрыв нос колонны. На разминирование пустили саперов и спецмашину по обезвреживанию взрывных устройств. Корректировщики молниеносно засекли батарею безоткатных орудий моджахедов и выдали координаты на зенитный ракетный комплекс. Ураган снарядов разворотил вершину высоты, уничтожив орудия курбаши. Колонна развернула стволы пушек и пулеметов в сторону кишлака и открыла дружную беспорядочную стрельбу.

Отлично понимал Белибек, что в позиционной войне техника противника раздолбает его в два счета. Но такого беспощадного, скоротечного разгрома он не ожидал. Залитый и харкающий кровью, курбаши жил последние секунды и думал о тех двух журналистах, ушедших с Керимом, которые видели бой своими глазами и должны написать правду. Успокоив себя тем, что свой долг выполнил до конца, он закрыл глаза и умер. Погибли почти все, кто напал на колонну из «зеленки» и кишлака, не успел вовремя отступить в глубь ущелья. Получился бестолковый, глупый бой со стороны моджахедов. Схватка ящерицы со слоном, правда, в будущем сыгравшая определенную роль в оперативных сводках боевых потерь и войсковых операций на последнем этапе войны. А оставшиеся в живых журналисты подлили масла в огонь, рассказав о героической смерти Белибека и его людей. Эти сводки и публикации делали свое дело в высших советских штабах и умах

генералов, торопили их вылезти из опасной трясины, в которую попала великая страна десять лет назад.

Это будет позже, а в тот солнечный день смерть собирала обильную жатву, пыталась скосить в свой ужасный бункер и отряд Керима. Его бойцы укрылись в скалах по периметру широкого горного плато и могли только догадываться и слышать о трагедии, разыгравшейся в кишлаке. Их молодой командир занял удобную позицию, откуда хорошо просматривался лагерь на равнинной местности. Он видел, как при первых выстрелах моджахедов от хвоста колонны оторвался клочок пылящей брони и направился напрямую к лагерю. На полпути бронемашину встретила делегация старейшин в белоснежных халатах, с белыми флагами в руках. Керим удовлетворенно вздохнул, заметив, как солдаты посадили несколько стариков на броню боевых машин, развернулись и помчались обратно к колонне. Остальная техника окружила кольцом лагерь мирных жителей в ожидании результатов переговоров. Его наблюдения прервал мрачный, тяжелый шепот Ахмета:

— Вертушки в круг встали, по нам ударят, значит, десант будет.

Действительно, его пророчества не заставили себя ждать. Боевые вертолеты своей стрельбой прижали моджахедов к земле, прикрывая огнем десантников, высаживаемых на плато.

Полуоглохший от взрывов Керим попытался вновь навести бинокль на лагерь, но резкий толчок в плечо нарушил его план.

— Курбаши Белибек убит и все его люди погибли, — услышал он вновь голос Ахмета, — удалось спастись лишь пятерым. Теперь ты за главного. Русские как на ладони, прикажи открыть огонь.

Керим повернул голову в сторону плато, поднес бинокль к глазам. О, Аллах! Этого не может быть! В окулярах стекол он увидел широкоплечего русского офицера, который, выпрыгнув из вертолета, что-то прокричал солдатам, повернулся лицом в сторону канала, низко поклонился, достал из-за пазухи голубую материю, снял кепку и умело обмотал ею голову. Керим с надеждой, внимательно разглядывал скуластое, загорелое лицо офицера, с радостью разглядел крупную

родинку на щеке. Это был он — его русский друг, который все же вернулся на землю, где похоронен отец.

— Без команды не стрелять, — громко крикнул Керим, вдруг поверив, что именно сейчас можно прекратить кровопролитие.

В сопровождении телохранителей ловко пополз к кромке скалистого плато. Спрятался в широкой расщелине и несколько раз, на удивление охранников, гортанно ухнул. Выкрикнул на полузабытом русском языке:

— Вадим, Вадим! Я здесь...

И тут раздался ответный их боевой клич и звонкий, ликующий возглас детского друга:

— Керим! Я иду к тебе. Не стрелять, ребята, не стрелять!

В безудержном порыве, забыв обо всем и обо всех, как будто нет войны, командир моджахедов вскочил на ноги и пошел навстречу.

— Щенок, предатель, — услышал позади визгливый голос Ахмета и зловещий щелчок затвора винтовки в его руках. Мгновенно упал лицом вниз, повернул в руках ствол автомата и нажал на спусковой крючок.

Все же Ахмет успел сделать один выстрел и скрючившись пополам, выпустив из рук дымящуюся винтовку, кувыркнулся с отвесной скалы в пропасть. Раненный его выстрелом в плечо Вадик проследил взглядом за летящим в небытие телом врага и, смутно понимая, что сейчас может случиться страшная бойня, морщась от боли, раскинул в стороны руки:

— Не стрелять, ребята, не стрелять! Их командир мой друг. Слышите, друг. Договоримся, обойдемся без войны. Ребята, не стрелять!

Керим уже стоял на ногах и, направив ствол автомата в сторону своих, громко кричал:

— Кто следующий желает попасть в ад? Всем положить оружие перед собой на землю. Джамиль, проверь, — повернулся он к командиру охраны. — Тех, кто не выполнит приказ, расстрелять на месте. Пока я жив — не стрелять в русских. Все слышали?

Сзади его обняли крепкие руки Вадима и прижали к груди. Они долго смотрели друг другу в лицо, сжимая в крепком рукопожатии ладони. На глазах изумленных врагов афганец береж-

но перебинтовал раненное плечо друга, неожиданно вспомнил:

— Как мне в правое плечо. Помнишь, тогда ваш солдат из пулемета врезал? Теперь мы оба мечены. Еще одна отличительная тайна.

— Ты меня снова спас, своего убил. Не жалеешь?

— Такие стервятники не дают людям в мире жить. Это тогда он первым выстрелил в колонну, а сейчас в тебя. Аллах моей рукой покарал гадюку, больше не будет смертельно кусать людей. Теперь надо решить, что делать дальше.

— Немедленно прекрати бой, Керим, и пропусти по дороге колонну. Мы уходим, друг мой, уходим на Родину.

— Знаю. Бой начинал не я, старейшины должны объяснить вашим, что и как. Курбаши Белибек убит, за старшего теперь я и предлагаю вам мир. Срочно по рации передай в колонну: там, на равнине, только мирные жители. Прошу сохранить им жизнь. Твой отряд в сопровождении моих проводников может немедленно спускаться по ущелью в долину. Мы пойдём замыкающими. Передай, что больше ни один выстрел не нарушит движение колонны по нашей территории. Такой выход устроит всех.

Вадим одобряюще кивнул, приказал радисту связаться с колонной и доложил командованию о ситуации, сложившейся в горах после высадки десанта.

— Действуй по обстановке, — услышал он глухой голос полковника. — Командиру моджахедов, твоему знакомому, как ты говоришь, передай: лагерь не тронем, вечером колонна уйдет. Мы не хотим человеческих жертв и новых сюрпризов. Начинай спуск вниз, к дороге, и держи связь с вертушками. Вертолеты будут постоянно кружиться над твоей головой — неровен час, подянку устроят. Доверяй, но и проверяй. Мир так мир. А кто против?

— Освобождай ущелье, Керим, будем спускаться, постарайся без сюрпризов, командир согласен, — радостно сообщил лейтенант афганцу. — Ты иди к своим, я — к своим. Как тогда, девять лет назад, дадим указания и встретимся здесь, — грустно добавил он, возвращаясь на плато.

Керим приказал Джамилю собрать командиров на дне ущелья, следом спустился сам. Обвел взглядом их суровые лица, с надеждой смотревшие на него.

— Договорился. Обойдемся без стрельбы. Помните русского инженера, строившего канал? Десантом командует его сын. Обстановка такая: отряд курбаши Белибека уничтожен, он сам погиб. Мы блокированы в ущелье снизу и сверху, воевать нет смысла — все погибнем, но и позорно сдаваться не будем. Нам надо покинуть ущелье, освободить проход десантников к колонне. Уведите людей на запасные позиции в скальные укрытия. Спрячьте журналистов и оберегайте их. После ухода колонны вернетесь в кишлак, будем строить новую жизнь. Со мной останется только охрана, мы будем в роли заложников. Любая провокация — для нас смерть. Хватит одного шакала, как Ахмет, чтобы снова начать войну. Не поможет и мой друг. Все понятно? Не теряйте времени, начинайте отход.

Когда авангард десантников занял ущелье и вышел в долину, начался спуск основных сил. Настороженно всматриваясь в горные вершины и нагромождения скальных пород, держа оружие наизготовку, отделение за отделением покинули плато. Последними, в полный рост, шли два друга детства, ставшие противниками не по своей воле и союзниками в желании прекратить бесславный бой.

Керим с Вадимом прощались на берегу канала, где под мирно журчащей темной водой вырисовывался силуэт памятного камня. Вдвоем они сколотили из добротных досок от зеленых снарядных ящичков новый православный крест и врыли его глубоко в землю рядом со старым памятником, сделанным когда-то Керимом.

Афганец бережно снял с шеста свой знак кровавой мести:

— Контингент ушел... Нельзя жить вечно в ненависти и злобе, ты сам меня учил любви и доброте к людям, уважению к великим соседям. Прости нас с Вадимом за все, отец...

Вскоре два бронетранспортера запылили вдогонку скрывшейся за поворотом колонны. Долго видел Керим силуэт друга, сидевшего на броне и прощально махавшего здоровой рукой. В душе надеялся, что Вадим когда-нибудь вернется помогать строить оросительные каналы. И сбудутся тогда мечты отцов, их жизнь повторится в детях. Счастливы будут жить жители кишлака. Без войны.

ПОСЛЕДНИЙ МОСТ

Посвящается Павлу Митрофанову.

Генерал шел по скользкому широкому автомобильному мосту неторопливой поступью, уверенно, по-хозяйски ставя ноги в высоких армейских ботинках на выбоины и белесые проплешины замызганного бетона. Официально он последним из ограниченного контингента советских войск возвращался на Родину, на северный берег реки, оставляя за своей спиной разоренную, воюющую страну. И не только страну, но и десять лет жизни миллиона русских солдат, которые воевали и гибли там, в отрогах Гиндукуша, в ущельях Пандшера, в Герате и Газни, Джелалабаде и Кандагаре. Только сейчас молодой генерал вдруг понял, что старый мост стал границей между двумя геополитическими пространствами, которым никогда не воссоединиться воедино, как Луне и Солнцу. Эти миры должны существовать отдельно друг от друга, взаимодействуя и выполняя определенную роль в сложной системе мироздания. Честь и хвала мудрецу, который первым поймет, признает и исправит ошибку. Но понимать, признавать и исправлять содеянное придется всей стране, и кто знает, как повернется для народа этот злосчастный поход на Средний Восток.

О многом думал, твердо печатая шаг под прицелом телеобъективов, не побежденный в боях, не сломленный духом командующий боевой армии, уходящей из Афганистана, бросая прощальный взгляд на скальные нагромождения, омываемые тихими волнами реки.

... Он шел по мосту последним. Войска уходили достойно, походными колоннами, с флагами над броней и наградами на груди. Пыльные лица солдат светились улыбками, они весело махали руками толпам встречающих. Люди приветствовали их как героев, осыпали цветами пыльные, мазутные, с

пулевыми и осколочными метками бронемашины. Они возвращались победителями в этой проклятой, ненужной войне. Победителями для самих себя, своих родных, своей Родины, с честью выполняя приказ своих высших горе-начальников. Победителями были и моджахеды, столпившиеся с южной стороны моста, восторженно крича и потрясая в воздухе оружием. Победителями были вчерашние противники, покончившие с ненужной войной. Побежденными стали политики, не сумевшие спрогнозировать ни настоящее, ни будущее двух стран.

В тот миг молодой генерал отчетливо осознал, что не только судьба солдат, но и будущее страны туманно и непредсказуемо. Легкий вздох горечи слетел с его уст, обдумать, оценить, проанализировать пришедшую мысль не хватило времени. Прямо перед ним из толпы выскочил суетливый видеооператор и попытался снять исторический момент. Его решительно, выразившись русским матерком, отодвинул в сторону широкоплечий коренастый крепыш с пордевшими русыми волосами на голове и с боевым орденом на лацкане расстегнутого пиджака, гордо крикнув стоявшему рядом товарищу:

— Смотри, Павел, сам командующий, наш командующий!

Генерал услышал его слова. Дружески помахал рукой, навсегда запомнив этих двух русских парней и слова, сказанные молодым ветераном их общей военной беды.

Только сейчас, пройдя пешком автомобильный мост, вступив на родную землю, увидев восторженные глаза и радостные лица встречающих, генерал окончательно понял, что он сам и его страна действительно вернулись из десятилетнего военного похода. Его армия и он наконец-то дома.

Неожиданно из глубины памяти протянулась тонкая, крепкая нить, заложенная в его генетическом древе, впитанная с молоком матери. Атеистически воспитанный генерал мысленно перекрестился и прошептал слова, которые в разные века говорили тысячи русских людей: «Боже! Спаси и сохрани Отечество». Что-то дрогнуло в сердце боевого генерала печально, грустно, но радостно. Как будто его далекий предок русоволосый воин, легший костями на Куликовом поле брани, внятно, скорбно, клятвенно, молитвенно напомнил своему героическому правнуку старинную и вечную мудрость: «Храни, сынок, храни матушку-Русь».

А вечером случился еще один эпизод, который никогда не войдет в учебники истории, о котором знает только круг близких друзей. Эпизод, каких тысячи.

Двое друзей находились в гостях на погранзаставе, где когда-то нес срочную службу Виктор, откуда он уходил в опасные и тревожные рейды на противоположную сторону реки. Теперь они лениво лежали на плотном темно-зеленом брезенте, в ложбинке, на каменистом грунте и с удовольствием вспоминали встречу с командующим. Виктор не уставал горячо убеждать товарища:

— Точно говорю, Павел, узнал он меня, рукой помахал. Ты же сам видел?

— Он всем махал, приветствовал. Рад был — с войны домой вернулся. Грустный какой-то был, сумрачный, о чем-то своем думал.

— Когда ты, Павлуха, будешь генералом, тоже видок представительный заимеешь — положение обязывает. Вывод армии и он, командующий, последним мост перешел. Вот как.

Теперь все, конец странной войне, мир во всем мире. Если честно, никак не могу понять, Павлуха, за каким хреном мы туда десять лет назад залезли. Для того, чтобы сегодня походным маршем через мост пройти? В принципе, не моего ума дело. Было и прошло, быльем поросло. И то хорошо, лежим брюхо на солнце греем. Не было бы Афгана — не было бы сегодняшнего дня, не было бы мне так хорошо. Все, что ни делается в жизни — все к лучшему. А все-таки генерал меня узнал.

Павел вскочил на ноги, подобрал с земли несколько плоских круглых камешков и ловко пустил «блинчиков» по мелким, пузырящимся у берега волнам. Обеими руками взъерошил длинные русые волосы, долго, настороженно и внимательно смотрел на далекие вершины гор. Повернул лицо в сторону друга и тихо спросил:

— Витек, ты снова пошел бы туда, за речку?

Виктор, по-турецки поджав ноги под себя, фыркая и дую, пил горячий заваренный чай из пластмассовой крышки от термоса. Поперхнувшись кипятком, облизав кончиком языка обожженную нижнюю губу, недовольно выдавил:

— Типун тебе на язык, обжег всю глотку. И вопросик твой провокационный. Вспоминаю часто Афган. Ночные засады,

ребят живых и мертвых. Все было — и веселое, и печальное. Настоящая дружба, мужская работа, судьба общая. Под одним Богом ходили. Скажу честно: на экскурсию — да, посмотреть что и как, юность свою вспомнить. Но так, чтобы снова на пузе по скалам, без воды, в сорокаградусную жару? Бр-р. И зачем мне это надо, и для чего? Вот об этом надо спросить? А я отвечу: а хрен его знает. Нет. Навоевался, баста. Надо и для себя пожить. Дома у нас хорошо — всего вдоволь и не стреляют.

Павел присел рядом, обхватил колени жилистыми руками, взял из рук Виктора чайную посудину, повертел в руках и тонким ручейком вылил содержимое на землю.

— Так и жизнь наша струится, мелеет, иссыхает животворный ручеек, — философски изрек он, вздохнул, положил крышку на позеленевший от времени камень и рассеянно стал рассуждать:

— Говоришь, навоевались, нахлебались кровушки человеческой? И то верно. Все воюем. Вот уж скоро сотню лет. Приелось, говоришь, нет желания вновь по горам шнырять, не зная во имя чего и зачем? Слабо, но верится, что мы, русские, сыты по горло. Но все ли? Ты посмотри, Витек, с кем мы только ни воевали за тысячу лет. Практически со всем миром. Себя, других освобождали, но главным образом свои владения расширяли. Русские кости, Витек, по всему миру разбросаны. Во Вьетнаме, Корее, Египте, теперь вот в горах Гиндукуша. Это факт. Мы, дружок, с 1905 года ведем постоянную войну. Столетнюю. И никто не ответит на простой вопрос: зачем? Для чего?

Виктор, внимательно слушавший своего философствующего друга, не желая спорить и разглагольствовать на глобальную тему, решил отмочить свою «хохму». Он скинул с плеч рубашку, с ног — помятые голубые джинсы и с веселым гиканьем плюхнулся в воду. Ахая и охая от удовольствия и резкого холода, сменил тему разговора:

— Что, Павлуша, слабо? Только так поступают «пограницы-огольцы». Решительно, смело, напористо. Как в атаку там, в Афгане. Главное — не струсить в первый миг, дальше пойдет как по маслу.

Павел рассеянно улыбнулся, кусая сухую травинку, думая о чем-то своем. Краем уха уловил, как добродушный, рано

начавший лысеть его друг мурлыкал себе под нос слова незна-
когого четверостишия:

*«Мне б за речку по бережку
На свидание к своему дружку.
Найти его заброшенную могилку
И выпить за упокой горилку».*

«Горилка — водка по-украински», — вспомнил он, слушая простые слова текста. Тоска по прошлому звучала в словах Виктора, по погибшим ребятам, которые не всегда возвращались на Родину в первозданном виде. Часто в цинках шли обрубки, обрезки, ополовиненные тела. То, что смогли собрать и вынести с поля боя. Иногда и собирать было нечего. Зарывали останки прямо в горах, в чужой земле. Но на Родину шли гробы, как положено. Только их не вскрывали. В мирное время не может быть без вести пропавших. Что запаивали в полупустые гробы? Кто знает. Все было за десять лет на этой странной войне. И все же Павел всегда искренне завидовал своему другу, сожалея, что ему самому не пришлось побывать там, за речкой.

Утром суровый, молодой, симпатичный генерал, как капитан с корабля, последним перешел мост и официально закончил вывод сороковой армии. На войне поставили крест. Но последний ли он покинул пределы чужой страны? Нет. Еще маются в лагерях наши военнопленные офицеры и солдаты. Остались навсегда, как в Витькиной песне, безымянные могилки, останки бойцов. Еще свежа память, болят раны, унося мысленно многих обратно в горные ущелья, на караванные тропы и снежные вершины гор. Выполняют свою работу и спецподразделения, не входящие в состав армии, как не входил и Витек со своими пограничниками. Вероятно, мы надолго останемся еще там, за речкой, за другими морями и океанами, где пролили кровь и сложили головы русские солдаты. Точно только то, что генерал сегодня был последним, кто пересек мост в обратную сторону. Хотя... Можно, пусть только для себя, но поменять историю. Всего-то переплыть туда и обратно. И последним будет другой. А почему не попробовать мне? Пусть будет мальчишеством, дурачеством — плевать, — оживая и чувствуя, как задрожало в азарте тело, подумал Павел. — Хоть минуту, полчаса я должен побывать там, именно сейчас или никогда. Черт возьми!

Пусть неофициально, но я сегодня в любом случае последним покину чужой берег. Ведь я не трус, так надо доказать на деле. Витьку, погранцам, этим скалам, реке, небу, всему миру. А самое главное — самому себе.

Наваждение, сумбур разных мыслей кружился в его голове, постепенно выстраиваясь в один ряд длиною в ширину пограничной реки. Он еще вспомнил о своей теории столетней войны, которую несколько минут назад высказал угомонившемуся и дремавшему на брезенте Виктору, окончательно решившись немедленно выполнить пришедшую в голову авантюру, громко крикнул:

— Нет, Витек, война продолжается. Моя война. И я сегодня вернусь из похода.

Последние слова он сказал плавно, пропел своим звонким, мелодичным голосом, как любил петь, играя на гармошке в родной деревушке. Сам играл, сам сочинял, сам девчонок завлекал. Все любил делать сам. Были ошибки, разочарования, предательство, подлость. Зато не грызло душу чувство неполноценности, сожаления об упущенных возможностях, не было подленького чувства собственной вины перед самим собой.

«Для кого-то анархично и смешно, но мне необходимо плыть, а там будь что будет», — последнее, что подумал Павел, стоя на берегу. Более не раздумывая, приняв твердое решение, он с разбега забежал в воду и молча погреб сильными загоревшими руками к противоположному берегу, выбрав в качестве ориентира высоченную косоугольную скалу.

Виктор сквозь сладкую дремоту уловил слова друга о возвращении на Родину, услышал плеск волны об ноги вбежавшего в воду Павла, перевернулся со спины на бок и решил взглянуть, каким походом захотел заняться его друг. Приоткрыл глаза и как после тяжелого похмелья замотал головой, заморгал, протирая глаза ладонью, увидев Павла на середине Пянджа. Заорал, заматерился выкрикивая:

— Ты куда? Ты куда? Ошалел, мать твою! Дурень сибирский, дубина березовая. Я тебе дам поход. Павел, не шути, кому говорю! Вернись, Павлуха, сейчас же вернись!

Его крик не возымел успеха, и надо было что-то предпринимать, а не суетиться, хлопая себя по голым бедрам, как де-

ревенская баба, утопившая в проруби ночнушку. Рациональный склад ума не позволил Виктору сигануть следом за Павлом. Натянув штаны и накинув рубаху на плечи, он побежал в противоположную сторону, на передовой пост заставы.

Быстро привыкнув к ледяному холоду воды и не обращая внимания на суматошные крики Виктора, Павел повторял про себя как молитву его же слова: «Только вперед, решительно, смело, напористо, как в атаку». Всматриваясь в приближающийся чужой берег, он чувствовал мурашки, бегающие по телу, и свинцовую тяжесть в ногах. Усталости он не боялся, только бы не свело руки или ноги судорогой. Ребятам было труднее с полной армейской выкладкой под палящими лучами солнца на горных крутых тропах принимать бой. Только вперед, пусть блажь, пусть дурь. Победителей не судят. Мне нужно побыть там, где были мои близкие друзья, глотнуть их воздуха, полежать на чужой земле, ощутить себя причастным к войне моего поколения. Мне это очень важно, важно, важно. Генерал утром, а я вечером, последним вернусь на Родину.

Покачиваясь на подгибающихся от усталости ногах, помогая себе руками, он шел по мелководью, преодолевая последние метры. Наконец упал, распластался на спине на мелких камушках, прищурился и, глядя в яркие блики вечернего заката, довольно подмигнул заходящему за горизонт небесному светилу. Не удержался, раскатисто, озорно расхохотался, теперь зная наверняка, что этот день будет одним из памятных дней в его жизни.

Наблюдавшие за происходящим, не менее удивленные пограницы попытались успокоить старого служаку:

— Друг ведь твой. Мы хотели пулеметом его прижать, не рискнули. Вернется — разберетесь. А куда ему деваться? Не «духам» же в плен сдаваться. Пусть побесится, спесь собьет. Друган-то твой нашей породы, задиристый. Афган ему подавай. Пусть берет сколько влезет, лишь бы пулей не подавился, хулиган он у тебя, Виктор, приплывет — снимай с него трусы и по голой заднице, готовь пока розги. Не беспокойся, мы командный пункт предупредили. Помогут огоньком. На бинокль, держи его в поле зрения. Пловец хренов, создал пограничный конфликт. С сегодняшнего дня мы в мире с «духами», а он тут

снова, того и гляди, войну начнет. Вот стервец — разлегся на берегу. И долго он там загорать будет?

Вначале он услышал эхо далеких беспорядочных выстрелов, почувствовал явственный запах обожженного мяса, потянувшийся из глубины ущелья. Блаженно потягиваясь всем телом, подумал. «Победу празднуют, шашлык жарят где-то совсем рядом, дымок оттуда». Спокойно оглядел прибрежные нагромождения скальных камней, узкие тропки, покрытые крупинками каменистого светлого песка, уходящие круто вверх, чахлые, сухие кустарники, вжавшиеся в подбрюшье скалистой кромки прибрежной полосы. Оба берега выглядели одинаково, были пустынные и безжизненны. Громкие крики, шум радостных голосов, раздававшихся из-за поворота ущелья, заставили его резко встрепнуться и сообразить, что люди движутся именно сюда, к речке. И не просто люди, а передовой отряд моджахедов выходит на рубежи собственной границы. При виде голубой ленты воды их радости не было предела. Вновь застрочили автоматы, оживленно затараторил их главный начальник.

Павел приподнялся, медленно начал отступать к речке, ловко прячась за спасительные серые камни. Где перебежками, где ползком от камня к камню, сначала по колено, а потом и по шею он осторожно спрятался в спасительную воду. В вечерних сумерках его русая голова почти не отличалась от облизанных волнами обычных камней, поэтому с насока его моджахеды не заметили. Выйдя на чистую воду, Павлу ничего не оставалось, как набрать полную грудь воздуха и нырнуть, затем, как поплавок, выскочить из воды, хватануть ртом воздуха и снова уйти под воду. И так несколько раз, пока хватило сил. Тихо всплыл, лег на спину, отдышался и, плавно работая руками и ногами, стараясь не булькать, поплыл на спине. Его сильно сносило вниз, но он не обращал внимания, стараясь как можно скорее выплыть из сектора вероятного обзора, а значит, и обстрела противника. Но и моджахеды не стояли на месте. Друг за другом они подбегали к реке, бросали на берег оружие, споласкивали лицо и пили, пили воду. Родную воду. Счастливно вскидывали руки в небо, читали молитвы, блаженно улыбались, изредка со злобой посматривая на противоположный берег.

Кто-то все же заметил предмет, плывший перпендикулярно течению. Зататорили, заспорили на своем языке. Его приняли за собаку или за другое животное, которое, напуганное людьми, прыгнуло с берега. Дали очередь из автомата, и близкие всплески пуль испугали Павла. Он сделал ошибку, забултыхал руками и ногами, стараясь скорее достичь спасительного берега, чем и выдал себя. Послышались требовательные крики остановиться и плыть обратно. Команды можно было понять и без знания языка. Сообразив, что пловец и не думает выполнять их указания, моджахеды начали стрелять из всех видов оружия, стараясь свинцовым дождем перекрыть чужаку движение вперед. Начался поединок, смертельная схватка, в которой трудно предугадать победителя. Для одних проигрыш поединка — это лишь сиюминутная досада, для других — смерть товарища. Этого не могли допустить пограницы, внимательно наблюдавшие из укрытия за действиями хулигана.

Первый раз в жизни Павел ощутил всеми клеточками и жилками своего тела, что означает литературное понятие «животный страх». Его мозг ясно переваривал внешнюю информацию, поступающую через уши, давал команды, но вдруг произошел сбой, секундная паника — и все полетело в тар-тарары. Он вдруг осознал, как незащитно, беспомощно и одиноко его тело в булькающей от разрывов пуль водной стихии. Заторопился, забултыхал руками и ногами, задрожал от одной только мысли, что не сумеет доплыть до родного берега. Вероятно, в такие стрессовые ситуации и минуты юноши становятся мужчинами, солдаты — настоящими бойцами. Не упустить миг, ситуацию, принять правильное решение, которое приведет к победе, суждено не каждому. Все решают секунды, в данной ситуации судьбоносные. Кто есть кто и угодна ли жизнь твоя Богу — познается в критическую минуту, и человек сам делает выбор.

Павел по равномерному бульканью фонтанчиков впереди себя понял, что ему преграждают путь вперед и заставляют плыть обратно. Он вновь глубоко, полной грудью, вобрал в себя воздух и, помахав над головой обеими руками, как утопленник, скрылся под водой. Резко развернулся по течению и энергично поплыл вниз по руслу реки, пытаясь обмануть духов. Плыл долго, захлебываясь, корчась от страшного

желания вдохнуть воздуха. Лишь когда кровь ударила в виски и совершенно ослабло тело, последним усилием воли заставил себя всплыть. Через пять секунд он снова скрылся под водой, развернулся в сторону родного берега. Еще раз десять он повторил прием, став совершенно безразличным к тому, что происходило на чужом берегу.

Его, барахтающегося на отмели, подхватил Виктор. Павел продолжал извиваться телом, двигать руками и ногами. Он продолжал плыть. Наконец-то разглядел тревожную, налитую кровью физиономию друга, услышал его речь, которая состояла из одной милой и родной русской ругани. Сознание прояснилось, и он обессилено повис на руках друга.

А в это время с десятков погранцов, надежно спрятавшись за камнями, ударами из автоматов по вражеской территории отвлекали внимание моджахедов на себя. Гулко выстрелила батарея дальнобойных орудий, пыхнуло десятком стволов реактивное орудие залпового огня. Противоположный берег засверкал яркими вспышками разрывов. Пышные кудри дымок поднялись вверх, сучковались и темным столбиком поползли в горы. Сегодня вечером война продолжалась уже в приграничной зоне двух государств. А может быть, начиналась новая? Совсем другая, которая в конце концов разрушит этот мир, пожрет все живое на свете и приведет человечество к печальному концу. Как знать?

Рядом суетился Витек, бубнил под нос:

— Вот дурачок, так дурачок сибирский. Думал, шуткуешь насчет войны, а ты на тот берег. Какой шум поднялся, нагорит нам от начальника заставы. Упрямец твердолюбый. Настоял на своем, за границей, в Афгане побывал. Теперь я тебе корочки участника войны выдам, по заднице дубовой. Все же нашенских ты кровей, Павлуха-евлуха, рисковый парень, погранцы похвалили. Но ты нос не задирай. Толкай пальцы в рот — нахлебался водицы. Сейчас спиртика примешь. Внутрь и наружу. Приведем вмиг в чувство.

Он положил Павла на бетонное перекрытие, надежно спрятав от шальных пуль моджахедов. После залпа артиллерии стрельба прекратилась, как будто ничего и не случилось по оба берега реки. Он лежал на спине и блаженно улыбался,

как бы заново родился на свет. Позже ему часто будут вспоминаться тяжелые волны, пузырящиеся в воде дырки от пуль, гортанные крики моджахедов и буря нахлынувших радостных чувств спасения. А сейчас, глотнув спирта, Павел мысленно разговаривал с молодым понравившимся ему генералом. Стоя вдвоем на мосту, горячо объяснял ему цель своего поступка, рассказывая, как тяжело было плыть.

Командующий, отечески потрепал его по сырой шевелюре волос и сказал:

— Нашенский ты человек, русских кровей. Мы еще постоим за матушку-Русь!

Павел радостно кивал головой, сжимая ладонями кружку со спиртом, по-детски улыбался. Он поперхнулся, но проглотил повторную дозу горючей смеси, вспомнил свою «войну», закрыл глаза и провалился в сон. И отпустила сердце тоска и, засыпая, точно знал, что именно он сегодня последним вернулся на Родину вместе с генералом, перешедшим мост через горную реку.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Страшное слово «война»... Как много скорби и боли оно в себе несет. Мы часто произносим его, не задумываясь, что для кого-то эта бывшая реальность превратила жизнь в поток горьких воспоминаний и слез. Война в Афганистане навечно вплелась черной нитью в судьбы сотен тысяч людей, посеяла в их сердцах ненависть и отчаяние, горечь утраты близких и желание отомстить за причиненное зло. Прошли годы, многие из бывших «афганцев» смогли снова обрести веру в благополучие жизни, но никто и никогда не забудет эту войну. По-прежнему остро и часто мы вспоминаем о ней. Издание Фондом предпринимательства этой книги – лишь малая часть того, что мы можем сделать, отдавая долг памяти о мертвых и живых.

Эта война не обошла стороной и Тюменскую область. Некоторые из наших земляков, принимавших в ней участие, стали прототипами героев произведений А.Игумнова. Андрей Кочелягин, Баладаев Владимир, Кримцевич Франц – далеко не все те, кто прошел дороги Афгана и на себе испытал тяготы и горечи войны. Но их судьбы наглядно и ярко отражают реальные события и атмосферу Афгана. Поэтому так волнует и трогает душу эта книга, призывая нас помнить: помнить о солдатах и офицерах, переживших эту войну и вернувшихся домой, помнить о тех, кого мы на этой войне потеряли, помнить о матерях, родных и близких, так рано постаревших от переживаний и горечи утраты.

Галина Богданова,
генеральный директор Фонда развития и поддержки
предпринимательства Тюменской области.

СОДЕРЖАНИЕ

Повесть

ПЕРЕХВАТ	4
----------------	---

Рассказы

КАПКАН	82
ЛЕШКА-РЫЖИК	93
ОДИН ДЕНЬ ВОЙНЫ	101
ГРУППА «ХАМЕЛЕОН»	118
ЧУЖАК	134
ЗА ТЕХ, КОГО НЕТ С НАМИ	141
НЕ ОСТАВЛЯТЬ В ЖИВЫХ	152
РЯДОВОЙ РЕКС	167
КОНТИНГЕНТ	175
ПОСЛЕДНИЙ МОСТ	191
ПОСЛЕСЛОВИЕ	202

Александр Петрович Игумнов

Контингент

Избранное

Верстка и дизайн: О.Ю. Долгушина
Корректор Т.Ф. Тумашева

Издательская фирма «Слово»
ЛР № 065912 от 18.05.98
625014, г. Тюмень, а/я 206.
тел/факс (3452) 21-07-12
[HTTP://slovo.tyumen.ru](http://slovo.tyumen.ru)

Подписано в печать 08.04.02.

Формат 84 x 108 1/32

Тираж 10000 экз. Усл. печ. л. 10,92. Заказ 1289.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГИПП «Зауралье».
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

Фонд развития и поддержки
предпринимательства
ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

БИЗНЕС-ЦЕНТР

организационно-информационная поддержка деятельности

- ◇ информационные услуги
- ◇ рекламные услуги
- ◇ услуги "БЭК-офиса"
- ◇ бизнес-планирование инвестиционных проектов

КОНСУЛЬТАЦИОННЫЙ ЦЕНТР

рекомендации по организации и ведению
предпринимательской деятельности

- ◇ консультационные услуги по организации деятельности
- ◇ консультационные услуги по сопровождению
финансово-хозяйственной деятельности
- ◇ консультационно-правовые услуги
- ◇ оперативное консультирование

БИЗНЕС-ИНКУБАТОР

комплексная поддержка на стадии становления
деятельности

- ◇ финансовая поддержка
- ◇ материально-техническая поддержка
- ◇ учебно-методическая поддержка

МЫ ЖДЕМ ВАС ПО АДРЕСУ:

г.Тюмень, ул.Хохрякова, 53
тел./факс 250-638, 250-667,
e-mail: tyumen@fond.dax.ru

7 1242004
Окружная Библиотека

Александр Петрович Игумнов родился в г. Кизел Пермской области в 1956 году. Детские и юношеские годы провел в с. Хлебниково республики Мари-Эл. В 1977 году окончил Саратовское высшее военное авиационное училище летчиков. Служил в частях Забайкальского и Прикарпатского военных округов. В 1983-84 гг. участвовал в боевых действиях в Афганистане.

Член Союза писателей России, член редакционного совета еженедельника «Литературная Россия» и редколлегии журнала «Мир Севера». С 1987 года живет в г. Советский Ханты-Мансийского автономного округа.